

7
1971

**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ**

И. САПОЖКОВ

НА ОБИ

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания четырнадцатый

В НОМЕРЕ:

П. Казаков ВЗРЫВ. Даем адреса романтикам!	2
В. Ермаков СТИХИ	6
В. Быков ЛАДОГА ПОМНИТ ЮНЫМ ИСТОРИКАМ	8 12
Б. Раевский ПЛИТКА ШОКОЛАДА. Рассказ СЛЕДОПЫТЫ ОТКРЫЛИ МУЗЕЙ...	13 20
В. Турунтаев ОЖИДАНИЕ ЧУДА. Очерк	22
Р. Рабинович ЕГО ЦЕНИЛИ МНОГИЕ	29
С. Гагарин НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ. Повесть. Окончание	31
И. Богачева В ТУНДРУ ПРИХОДИТ ВЕСНА	44
А. Кеммерих САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ	47
Б. Галязимов МЕНШИКОВЫ В БЕРЕЗОВЕ	48
Е. Иорданишвили МЕСЯЦ БЕЗ ТЕНИ	53
В. Житников ЧТО ТАКОЕ РЕНОМЕ? ПЕРВЫЙ ИНТЕРДЕТДОМ НА УРАЛЕ. На приз нашего журнала	64 65
Д. Биленкин У ГЛУХОГО ОЗЕРА. Научно-фантастический рассказ	70
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ	79 80

Обложка В. Воловича и С. Киприна

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ 7
1971

П. КАЗАКОВ

Рисунки Н. Мооса

«... Ускорить разработку мощных газовых месторождений на севере Тюменской области... Обеспечить строительство газопроводов для подачи газа на Урал и в Европейскую часть СССР».

(Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы)

Полярная ночь. Семь часов утра. В гараже шоферы, намотав на проволоку паклю и облив ее соляркой, разогревают факелами моторы.

— Послушай, не на промплощадку! — спрашиваю у ближнего.

— Нет, на растворный.

— Давай ко мне, подброшу! — слышу слева.

Я забираюсь в кабину «МАЗа». Парень рвет с места. И тут же в кабину врываются снопы света — это сзади к нам пристраивается «МАЗ», за ним еще и еще. Дорога идет словно по волнам, и машина то тонет в темноте, то, освещенная, забирается на гребень. С одного из гребней видно зарево от бесчисленных, мерцающих на морозе огоньков. Дорога пошла круто вверх. За холмом я, наконец, увидел все море огней. Было такое ощущение, будто летишь на самолете, и где-то далеко справа большой город, раскинувшийся на несколько километров.

— Ну, как! — кивнул шофер и, не дожидаясь ответа, заключил: — То-то!

Потом вдруг улыбнулся и засвистел какой-то веселый мотив.

— Что это за город?

2

Парень как будто и не слышал — продолжал свистеть. А потом снисходительно обронил:

— Ничего, разберешься.

И снова дорога сползла вниз, и снова вокруг темнота и убаюкивающий рев мотора.

— Ты что, оглох, что ли! — донеслось до меня.

Я повернулся. Было неожиданным увидеть, что у парня на щеках ямочки и почти мальчишеские руки, цепко державшие баранку руля.

— Я говорю: работать к нам или как!

— Работать.

— Ага. Это хорошо. А может к нам, шофером!

— Посмотрим.

— Ага. Ну, знакомься.

Где-то впереди сквозь черноту ночи фары выхватывают лес. Но лес кончается быстро и неожиданно, и впереди открывается площадка — взорванная черная земля вперемешку со снегом. В котловане грызет камень экскаватор. Где-то рядом грохочет ковшом другой. Останавливаемся. Почти одновременно ковш обрушивается в кузов породу, и «МАЗ» содрогается от удара. Из темноты появляется девушка, что-то кричит шоферу, достает блокнотик и карандашом делает пометку. Потом поднимает голову. Ей не больше двадцати. Она прячет блокнот, быстро надевает варежки и исчезает в темноте.

Еще один ковш породы, и мы разворачиваемся.

Меня захватила ночная езда, веселый шофер Володя, и я забыл, что хотел остаться на пром-площадке.

— Поехали!

— Поехали.

И потекли бесконечные рейсы с грунтом от экскаватора до берега реки, к перекрытию. На одном из участков трассы, почти возле реки, «МАЗ» едва пробивается по колею. Вода. На третьем рейсе неподалеку от этого места Володя резко затормозил, вгляделся в темноту и закричал:

— Денис Егорович!

Из темноты вынырнул низенький человек в тулупе.

— Слушай, там невозможно проехать! Вода проступила! Придумай что-нибудь, а!

Денис Егорович кивнул и исчез.

Некоторое время ехали молча, потом Володя снова засвистел веселый мотив. Привычка! Или ему действительно так хорошо, что песня сама просится! Хорошо ездить вот так в ночи, выжимать из своего «МАЗа» все, что тот может, проваливаться в колею и кому-то кричать в темноту о все прибывающей воде...

Порожний «МАЗ» опять мчит к экскаватору. Снова та же девушка с блокнотиком и зябнувшими руками.

— Надо бы ей костер сделать. Слушай,— неожиданно оживился Володя,— давай, правда, огонь разведем, а то мерзнет девчонка.

— Конечно.

— Только, понимаешь, не положено это. Она должна отмечать все рейсы, а у костра простоит и пропустить может.

— А, черт с ним, не пропустит. Не замерзает же... Пошли!

Мы выбрались из машины. Он подозвал девушку, что-то сказал — та засмеялась. Потом отыскал кусок трубы, вытащил из кабины ведро,

нацедил в него из бака солярки, перелил в трубу и поджег. Ветер рванул пламя — загудело!

— Да-ва-й! — крикнул он девчонке и полез в кабину.

Подъезжая к озеру, я снова увидел в свете фар на дороге человека в тулупе и еще каких-то людей. Денис Егорович жестикулировал, объясняя что-то, а люди уже рыли стык. «МАЗ» прошел легко.

— Молодчина старик, — сказал Володя и повернулся ко мне. — Ну, нравится наша работа!

Потом был перекур. Греясь у костра, я разговорился с другим шофером. Парень этот брюзжал, жаловался, а Володя вдруг заявил, что летом здесь прекрасно: белые ночи, брусника...

— Да ладно трепаться,— пробурчал тот.— Мошкар так зажигает, что свет не мил.

— А где вы увидите такие вот, как теперь, утра,— будто не слыша его, с восторгом проговорил Володя.

— Полно болтать-то. Утра... — передразнил парень.— Ты померзни, стой на морозе... Утр-а-а.

— Скучный ты человек,— грустно сказал Володя и отошел к своему «МАЗу».

И опять рейс за рейсом, от насыпи к экскаватору, где, встречая нас, улыбается девчонка.

Постепенно привыкая к поворотам, направлениям, я начинаю ориентироваться, вглядываюсь и вижу сотни огней. Это факелы костров, огни прожекторов стройплощадок, фары бульдозеров, машин, мотоциклов... И такой маленький среди всех этих огней костер, который зажег Володя!

Светает.

Всего на три-четыре часа день неуверенно сменяет ночь, и как сразу все преобразается вокруг! Только в эти часы, оказавшись на дороге, понимаешь, что ночной город — это огни стройки, что теперь там, где ночью, казалось, стоит дом,— высится подсвечиваемая прожекторами буровая. В стороне — экскаватор с погашенными фарами. И так на многие километры вокруг: костры, строй-

площадки и только где-то внизу, за лесом, виднеется маленький «пяточок» поселка.

— Хочешь посмотреть город! — спросил Володя и, снова, не дожидаясь моего ответа, добавил: — Надо посмотреть. Раз приехал знакомиться... Вылазь!

— Спасибо, Володя!

— Еще свидимся, — помаhal он из кабины своего «МАЗа». — Двигай в город!

Чтобы попасть в новый «город», сворачиваешь с шоссе и идешь вдоль дороги, не нанесенной пока ни на одну карту. Впереди — зеленый густой ельник. И в нем на белом снегу — зеленые вагончики строителей. На некоторых надписи: «магазин», «клуб», «библиотека»...

На первом построенном доме висит табличка: «Прспект Мира». У следующего дома прибит к столбу квадратик автобусной остановки, желтый, без номеров. На перекрестке проспекта и будущей улицы, а пока развезенной машинами колеи, стоит новенький газетный киоск. Девушка, проходя мимо, посмотрелась в окно пустого еще киоска, поправила волосы под платком, пококетничала, как перед зеркалом, и скрылась за деревьями.

А потом я, наконец, добрался до промплощадки.

На промплощадке готовился взрыв. Возле буровой машины я увидел паренька в солдатской шапке. Ревели моторы компрессоров, и парень регулировал подачу воздуха. Вдруг бурильная установка вздрогнула. Когда вибрация усилилась, парень остановил машину и сплюнул.

— Дьявол, опять в скале трещина!

— Давно работаешь?

— Месяц. После демобилизации.

— Сам откуда?

— С Урала.

— Значит и домой не заглянул!

— Да пока приедешь, пока отдохнешь да с друзьями погуляешь — и уезжать не захочешь. Дома, конечно, советовать начнут: зачем ехать куда-то! Оставайся, найдешь работу... А я и в

армии был взрывником, и работа мне нравится, а здесь — вон какая стройка!

Парень подставил штангу, включил малые обороты, и бурмашина, выбрасывая крупную породу, застрочила как пулемет.

Подъехала машина с взрывниками. Мороз, а они без рукавиц, грудь нараспашку... Мастер взрывников, в тельняшке, выглядывающей из-под телогрейки, ни на кого не глядя, обжегал участок взрыва, одним махом взлетел в кузов и стал помогать выгружать ящики.

Ящики и коробки с детонаторами разгружались так, словно в них была вата. Скорей, скорей! Для взрывников приготовления к работе — проза. Поэзия — взрыв!

— После взрыва, — говорит бурильщик, — всегда становится немного грустно. Это как в детстве, когда едешь с горы на санках и сзади тебя, и впереди с улюлюканьем, свистом и смехом летят ребята, и появляется какое-то счастливое, захватывающее чувство, и хочется без конца вот так лететь и лететь. Но когда санки останавливаются — становится грустно, и ты, уставший, замерзший от бесконечно длинных и крутых подъемов, в двадцатый, тридцатый раз карабкаешься в гору...

— Ты пишешь стихи!

— Нет... — неожиданно смутился он.

На участке, который должен вот-вот взлететь на воздух, будет построено главное здание газораспределительной и компрессорной станций газопровода Надым — Пунга. С дорог, ведущих к этому центральному месту стройплощадки от растворного узла и стройбазы, угнали всю технику. Три компрессора и бурмашины, закончив свое дело, стоят далеко в стороне. Паренек в солдатской шапке, знающий, что такое шесть тысяч кубов породы, поднятые на двести-триста метров над землей, осматривает площадку, гонит ребят в укрытие и машет рукой кому-то на дороге.

— Давай в блиндаж! — кричит он мне сердито.

К деревянному срубам со смотровыми щелями подошел начальник взрывников. Вслед за ним в

блиндаж опустился мастер в тельняшке. Он зарядил и проверил ракетницу.

— Пойду на ту сторону, на дорогу. Как бы случайная машина с шоссе не выскочила.

— Через пятнадцать минут после sireны дашь красную,— кивнул головой начальник, сверил часы с мастером, и тот исчез так же стремительно, как и появился.

Через несколько минут взлетела белая предупредительная ракета. Затем начальник позвонил пареньку-бурильщику, спустившегося в блиндаж, и попросил:

— Коля, проверь еще раз, все ли в порядке!

Николай ушел, и вслед ему взвыла сирена. В ее тревожном звуке было что-то жуткое.

— Порядок,— сказал вернувшийся Николай.

Темнеет. Оставшиеся несколько минут длятся очень долго.

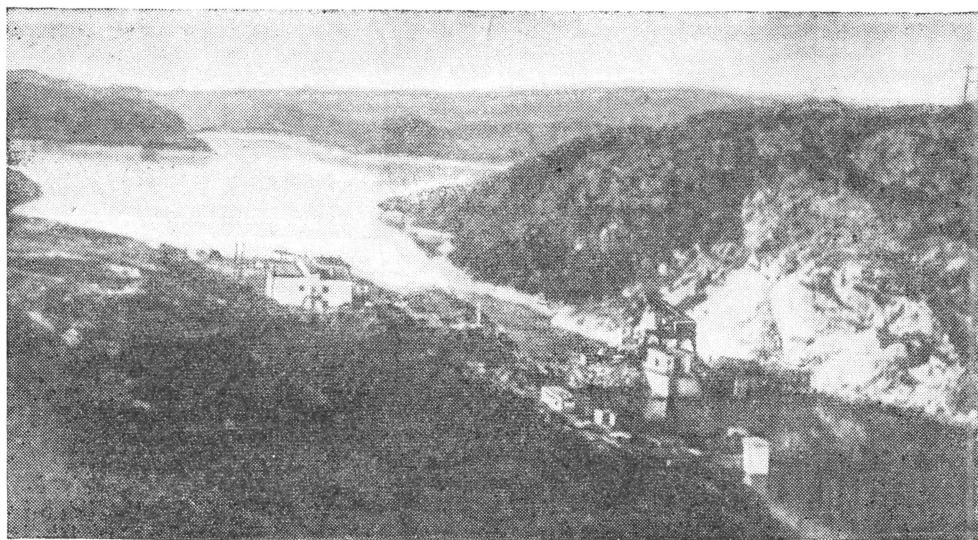
Наконец, далеко за дорогой взлетела красная ракета. Начальник посмотрел на часы,

— Приготовились! — Он покрутил рычаг, и на пульте вспыхнули сигнальные лампы.

Отскочив в угол, я прильнул к щели и увидел пламя высотой в несколько метров, а потом сверху на блиндаж обрушился град камней, бревенчатый потолок задрожал и треснул от удара глыбы. Черный вал породы, поднятый взрывом, стал опадать, а вверх устремился поток дыма и пепла.

В тот вечер я долго бродил один. И вдруг я отчетливо представил, что возвращаюсь в город не по лесной тропинке, а по бетонированной дорожке. На проспекте Мира выстоял небольшую очередь, купил в киоске газету и вспомнил этот одинокий киоск среди фундаментов и девушку-строителя, кокетничавшую, глядя на свое отражение в стекле... Воспоминание из будущего! И я рассмеялся, поняв, что уже живу этим будущим, в городе, который рождается в этой пятилетке.

Тюменская область

ИДЕТ ТОК КИСЛОГУБСКОЙ ПЭС

Семь лет назад, в 7 и 8 номерах «Уральского следопыта» за 1964 год, печатались записки инженера Л. Б. Бернштейна «Человек идет к цели». Автор проекта первой советской приливной электростанции рассказывал в них о том, как рождалась идея этого проекта, с какими трудами создавалась первая советская электростанция, работающая на энергии морских приливов.

Вот уже около двух лет Кислогубская ПЭС дает промышленный ток в энергосистему страны. Невелика ее мощность — пока только 400 киловатт. Но значение построенной в Заполярье ПЭС трудно переоценить. Это экспериментальная станция, своего рода лаборатория, где ведутся большие исследовательские работы, связанные с использованием

энергии приливов. Министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний назвал ее прообразом будущего по использованию огромных приливных ресурсов нашей Родины. Надпись на фронтоне здания справедливо гласит, что эта ПЭС «открывает перспективу покорения могучей энергии приливов».

А на очереди новые ПЭС — в кабинетах Гидропроекта идет разработка проекта сверхмощных Мезенских приливных электростанций.

Энергия приливов будет служить людям!

На снимке — общий вид работающего блока Кислогубской ПЭС.

Фото Л. Бернштейна.

Валентин ЕРМАКОВ

■

Все больше трезвости в душе,
Слепые воды убывают.
Невзгоды мелкие
Уже
Из колеи не выбивают.
Тоска ль накинется —
К друзьям
Не тороплюсь — берусь за дело.
Да иногда спасаю сам,
Кого крылом она задела.
Жива душа еще, жива!
И отвечая взрослым думам,
Шумит, как в августе листва,
Незлобным
Благодарным шумом.
Спасибо, жизнь, тебе за май!
Спасибо, щедрая, за лето!
Всего дала ты через край —
Дождей
И солнечного света.
Да, много набрано в кредит,
Хоть и без записей.
Что запись!!
Мне совесть душу бередит
Сильней казенных обязательств.
И если день провел зазря,
Долг не уменьшил,
Жил впустую,
Она сурово у меня
Покой под вечер конфискует.
Как нерадивый ученик,
Закрытый в классе после смены,
Сижку растерянный —
И крик
Растет в душе моей смятенной.
Ничто не радует,
Всему
Цена — копейка в этот вечер.
Противно дома одному,
На люди б выйти — выйти не с чем.

И вдруг
Как будто осенит:
— За стол! —
И до глухого часа
От мотыльков звенит, звенит
Моя рабочая терраса.

■

Такое вдруг тепло нахлынет!
И не предчувствуя беды,
От преждевременной теплоты
До мая оживут сады.
Хмельны от молодого сока,
Дня лишнего не подождут:
С бумажным треском,
Словно окна,
Чешуйки почек распахнут —
И ну размахивать ветвями,
Что ветер,
Бьющий горячо,
Расправил розовое знамя
Соцветий, свернутых еще.
Но вот с другого дует боку —
И, вновь прозябшие насквозь,
Деревья мыслят:
— Слава богу,
Что цвет раскрыть не удалось...
А почему я это знаю!
Скажу...
Похожий случай был.
И я,
Как сад весенний к маю,
Раскрыться душу торопил.
Пять встреч — всего тепла-то было,
Но, словно соки из земли,
Ко мне,
Молчавшему уныло,
Слова упругие пошли.
Я не накапливал свиданья
В расчете, чтоб наверняка,
Нет,
Нефальшивое признанье
Вот-вот слетело б с языка,
Но вдруг
Сочувственно и строго
Она сказала, чтоб не ждал,—
И я подумал:
— Слава богу,
Что хоть язык не развязал!..

■

А деньки подросли понемногу.
Долго ждали, но ждали не зря!
На работу, с работы дорогу
Не фонарь освещает —
Заря!
К электричке торопишься ранней —
Вся округа под небом видна.
И уже не услышишь ворчаний,
Что работа —
С темна до темна.

■
Она молилась на него,
Жизнь отдавала без остатка,
Не понимая одного,
Что богом быть
Совсем не сладко;
Что не заставишь полюбить
Ни речью жалобной,
Ни колкой;
И что стараться надо
Быть
Богиней, а не богомолкой.

■
В сердца друзей закрался холодок,
При встрече уязвляют утонченно
За то,
что, бросив сельский городок,
Я поселился в городе ученых.
То комнатой с балконом попрекнут,
То поднесут аптекарское средство —
И этим самым
Едко намекнут
На ядерных реакторов соседство.
И взгляды их порою тяжелы.
Когда к реке проходим
Рощей здешней,
На сосен корабельные стволы
Глядят, как на урановые стержни.
Насмешники,
В сердцах у вас не лед.
Я понимаю ваше беспокойство:
Тревожитесь,
Что физикой уьвет
Моей души лирическое свойство!
Все может быть...
И трудно возражать:
Черемухой дышать — надежней участь.
Но здесь живу я,
Чтобы не снижать

Поэзии высокую живучесть.
Не только ведь в прохладе ветерка,
Но и в огне
Прошла она немало:
Бесхитростным речам политрука
Перед атакой очень помогала.
Так что же я!
Скажу: не та среда!
Не по душе, мол, распроклятый атом!..
Хороший стыд
Привел меня сюда
К очкастым и задумчивым ребятам.

■
Уже прошел автобус ранний,
А жизнь любви еще полна.
От соловьиных заклинаний
Безмолвно замерла луна.
Да и земля изнемогает.
Весна!
И кто-то у ворот
Свои восторги изливает —
Слова Есенина поет.
Поет про вытканный снова
И «алый свет» и «шелк фаты».
Уносит песенное слово —
Избыток майской маяты...
Вот смолк —
И хлопнула калитка,
Напомнив облегченный вздох,
А я
От майского избытка
Еще избавиться не смог.
И приближает к равновесью
Лишь нервный бег карандаша...
Нет,
Ни в одну чужую песню
Не умещается душа!

ЛАДОГА ПОМНИТ...

В. БЫКОВ

В ноябре 1941 года на еще неокрепший лед спустился танк старшины Максима Твердохлебова. Никто не знал, чем закончится героическая разведка, в какую секунду оборвется этот стремительный рейд танка к осажденному Ленинграду. Надеялись, верили — должен пройти! А если по Ладожскому озеру пройдет танк, значит лед выдержит и грузовики. Грузовики с продовольствием, с боеприпасами для осажденного, замкнутого фашистскими войсками Ленинграда.

Не было в истории войн более героической эпопеи, чем оборона Ленинграда. Города, в котором совершилась Великая Октябрьская революция. Города, который носит имя Ленина.

19 июля 1941 года, на 27-й день войны Гитлер издал «Директиву № 33», которая определила: один из главных ударов — на Ленинград. Часть танковых соединений, продвигавшихся на Москву, была повернута на северо-запад, в обход Ленинграда. А чтобы поднять дух войскам группы армий «Север», остановленным на Лужской линии, Гитлер покинул свою ставку «Волчьего логова» и прибыл в штаб фельдмаршала фон Лееба. «Взять Ленинград любой ценой! — таков был приказ бесноватого фюрера. — Этот символ большевистской революции должен быть стерт с лица земли!»

На Ленинград были брошены две армии и 1-й воздушный флот. 29 августа немецко-фашистские войска захватили Тосно, перерезав последние железные дороги, связывавшие Ленинград со страной. 4 сентября на улицах осажденного города разорвались первые артиллерийские снаряды. А 8 сентября немцы, бросив все резервы, танки, авиацию, захватили на Неве Петрокрепость (Шлиссельбург) и замкнули кольцо вокруг Ленинграда.

«Солдаты! — обратился к войскам по радио фон Лееб. — То, что вы видите перед собой, не только остатки большевистской армии, но и последние людские резервы гражданского населения Ленинграда. Город пуст. Еще один рывок, и группа армий «Север» отпразднует победу. Скоро война с Россией будет закончена!..»

Победу отпраздновали осажденные. Девятьсот дней, как сплошная черная ночь, продолжалась блокада. И только узкая полоска ладожского льда, «Дорога жизни», проложенная старшиной Максимом Твердохлебовым, связывала Ленинград со страной. Как артерия, питала эта ледовая дорога осажденный, голодающий, истекающий кровью, но не ставший на колени город.

Ладога помнит... На дне Ладожского озера, в том месте, где проходила «Дорога жизни», покоятся останки тех, кто вел машины под непрекращающимся артиллерийским огнем, кто защищал дорогу от воздушных стервятников — на льду и в воздухе. Шоферы, зенитчики, летчики... Сколько вас осталось здесь, на дне холодной Ладоги! Вы уходили под лед вместе с вашими машинами...

Ладога помнит... До последней капли крови защищали герои-шлиссельбуржцы свою крепость. Знали: эта крепость — тот «орешек», о которой может и должна переломать челюсти отборнейшая немецко-фашистская армия. Отступить некуда — сзади Ленинград. И шлиссельбуржцы не отступили — все сложили свои головы на невских камнях. И сколько их, безымянных героев, приняла в свои холодные объятия холодная Ладога!

У небольшого острова Сухо маленький советский тральщик бесстрашно вступил в бой с целой эскадрой. Тридцать немецких и финских судов обрушили на тральщик лавину огня. Но советские моряки не отступили. Ладога помнит о их подвиге!

...Я опускаюсь все глубже, и холодная ладожская вода плотно обжимает гидрокостюм. Кажется, что тысячи острых иголок покалывают незащищенное маской лицо и кисти рук. Там, на поверхности, шумит ветер и гуляет суматошная волна, а здесь, под водой, тишина и покой, словно в пантеоне.

Впереди вырисовывается скала. Мрачно чернеют узкие проходы и расщелины. Стороной, словно боясь этой черноты, проходит стая крупных рыб. Это сиги — их бока поблескивают тусклым серебром.

Левее каменистых нагромождений мелькает какой-то странный силуэт. Лодка? Подплываю ближе. Из ила поднимается нос древней ладьи. Нос покрыт слизью и водорослями. Достая нож и пробуя надрезать борт. Ничего не получается. Дерево словно окаменело. Вероятно, чёлн изготовлен из дуба или лиственницы, которые в воде сохраняются тысячелетиями.

Возможно, это торговый чёлн ганзейского купца или боевая лодка одного из племен, живших на побережье Ладоги. Из летописей известно, что еще в XII веке здесь произошло морское сражение между славянами и финскими племенами, пытавшимися разграбить славянские прибрежные поселения.

Остров Сухо. Здесь тральщик вступил в бой с тридцатью вражескими кораблями. Аквалангист готовится к спуску под воду.

А может, это шведский чёлн? В XII веке русские ратники «под рукой» князя Святослава на Ладоге разбили шведскую эскадру из сорока трех шнеков. Часть кораблей потопили, остальные захватили в плен. Не один ли из потопленных шведских шнеков сейчас передо мной?

Сколько раз над твоими просторами, Ладога, гремели оружейные залпы, орудийные выстрелы и твои прозрачные воды окрашивались кровью! В тяжелой борьбе отстаивало здесь, на Севере, свою самостоятельность Русское государство. По южной части Ладоги проходил знаменитый путь «из варяг в греки», в Олонце, на Сяси и Новой Ладоге зарождался боевой русский флот. Но и в мирные дни Ладога собирала свою тяжкую дань. «Великий убыток по вся годы, — отмечалось в указе Петра I, — чинится на Ладожском озере... Одним сим летом с 1000 судов пропало, а с начала строительства сего места (Петербурга) более 10 000».

Но я чересчур задержался у древней ладьи. Надо спешить к Зеленцам. Там проходила «Дорога жизни».

В музее истории Ленинграда хранится дневник школьницы Майи Бубновой. «У нас в Ленинграде все герои, — записывала Майя коченеющей от холода рукой. — Но когда я вижу человека с Ладоги, мне хочется поклониться ему, как самому доблестному среди доблестных...»

Свыше 360 тысяч тонн груза перевезли по ледяной дороге воины-шоферы: снаряды, патро-

ны, сгущенное молоко, медикаменты, хлеб. Доблестные из доблестных...

Солнечные лучи, пробивая волнующуюся поверхность воды, образуют на дне пеструю мозаику. И я чувствую, как меня охватывает странное чувство: каждый предмет на дне словно оживает.

Вот я замечаю широкий стальной полоз. Подплываю ближе. Что это? Деталь саней, на которых перевозили танковые башни? А может, деталь одной из платформ, на которых устанавливались вдоль «Дороги жизни» зенитные пушки? Чуть дальше — кусок рельса, рядом — кабель... И вдруг — орудийный ствол. Зенитная пушка. Прямое попадание бомбы. Успел ли кто-нибудь из расчета спрыгнуть с лафета? Или так и ушли под лед, вместе с пушкой?

Еще через десять метров смутно темнеет кузов автомашины — он тоже, как и древняя ладья, покрыт слизью и мелкими водорослями. Моторная часть разворочена снарядом...

Я плыву дальше по трассе «Дорога жизни». Это пока разведка. Мы еще сюда вернемся. Мы нанесем на карту каждую автомашину, каждую зенитную пушку. А что сможем поднять сами — передадим в музей. «Мы» — это полторы тысячи участников экспедиции по подводным поискам и исследованиям Ладожского озера. Группы и отряды экспедиции разъехались по всему Ладожью. А нашему отряду досталась «Дорога жизни»...

Что это? Гигантская коробка... И тут же приходит догадка: это одна из барж-тендеров, пере-

возивших по Ладожскому озеру продовольствие и боеприпасы.

В мае 1942 года, когда озеро очистилось ото льда, фашисты ликовали: «Лопнула ваша «Дорога жизни», — писали они в своих листовках. И опять просчитались. На «Дорогу жизни» вышли корабли. В состав флотилии были включены буксиры, моторные баржи и даже прогулочные пароходы. Первый рейс был совершен капитаном Иваном Мишенькиным. Пароходик с баржей сопровождала канонерская лодка. На маленький караван налетело 28 «юнкеров» — вода закипела от бомб и снарядов. И в этом водовороте — крошечный пароходик. «Право на борт!», «Полный назад!», «Лево на борт!» — метался по мостику капитан, пытаясь уйти от бомб, и сам пароходик, казалось, повторял метания капитана. Осколками изрешетило борта, убило одного моториста, второго, еще одного матроса... А пароход, прикрытый канонеркой, мужественно продолжал путь к Ленинграду. И вдруг — хлопнул и ушел под воду перебитый осколком трос, соединявший пароход с баржей. «Стоп — машина!» — закричал капитан. Это были самые страшные минуты: на озере, как мишени на полигоне, застыли неподвижно и пароход, и баржа. Шквал пулеметного огня и бомб обрушился на моряков, «юнкеры» шли друг за другом, только чудо, казалось, могло спасти караван от неминуемого. Но моряки баржу не бросили, привели ее все-таки к ленинградскому берегу. Доблестные из доблестных...

Накануне аквалангисты местной спасательной станции, примкнувшие к нашей экспедиции, где-то в этом районе нашли сумку с документами и пи-

столет номер «1090». По slipшимся, размокшим документам догадались, что сумка и пистолет принадлежали советскому летчику. Но кто он? И где его машина?

Я вспомнил: перед отплытием на трассу «Дорога жизни» мы побывали в Петрокрепости (Шлиссельбурге) и там я услышал рассказ одного из участников обороны Ленинграда. Он рассказывал о воздушном бое, свидетелем которого ему пришлось быть.

На Ленинград шла эскадрилья фашистских бомбардировщиков. Неожиданно в их строй врзался красноезвездный истребитель. Видно, летчик возвращался уже на свой аэродром — патронов у него хватило только на одного стервятника. Второго он уничтожил тараном. Самолет героя упал в воды Шлиссельбургской бухты, у Зеленцов — как раз в этом районе мы сейчас и ведем подводные поиски. Не его ли сумку и пистолет нашли аквалангисты? Найти бы сам самолет — тогда легче было бы по номерам установить, кто же совершил подвиг в небе над «Дорогой жизни»...

Как мало мы знаем о героях Ладожской трассы! Уже первые разведывательные маршруты нашей экспедиции показали, что имена многих героев остались для истории неизвестными.

Как мало материалов сохранилось о героической флотилии тендеров — главных грузовых судов «Дороги жизни»! Ни в одном из ленинградских музеев не удалось нам найти материалов и о знаменитом «женском батальоне», выполнявшем на берегу Ладоги работы по погрузке продовольствия, топлива и боеприпасов для осажденного Ленинграда. А ведь еще живы многие

Старая крепость на острове Орешек, где стояли на смерть герои-шлиссельбуржцы.

участники боев на Ладоге, которые хорошо помнят, в каких условиях работали женщины этого «угольного батальона», как в шутку называли их солдаты, какой ценой доставалась каждая тонна топлива для осажденного города...

Многое от нас скрывают воды Ладоги. По рассказам участников обороны Ленинграда, где-то в районе банки Северная Головешка затонула баржа с ценнейшими архивными документами. Жители одного из поселков на южном побережье озера рассказывали о тяжелых воздушных боях, когда на каждый наш истребитель приходилось до десятка фашистских самолетов. Одну из машин героев, отдавших свою жизнь в битве за Ленинград, нашла группа Константина Ярыгина.

Эта группа экспедиции — пешая. Девять дней шли они по южному побережью, пока среди болот не нашли озеро, над которым, по рассказам местных жителей, проходил воздушный бой. На берегу озера, во мху ребята нашли кусок дюрала. Значит здесь...

В группе был и аквалангист — Миша Гутенев. Миша надел гидрокостюм, ласты, маску с дыха-

тельной трубкой и ушел в воду. Не прошло и несколько минут, как он вынырнул, вытащил изо рта загубник и прокричал: «Нашел! Весь самолет здесь! Увяз в иле!»

Ребята достали из озера радиостанцию, пулеметы, отлетевшие при ударе детали самолета, переписали заводские номера и отметили на карте место, где нашли истребитель. Это уже для следующей, более оснащенной группы, которая откопает из ила фюзеляж самолета. Все, что добыла в походе группа Константина Ярыгина, было потом передано в музей Великой Октябрьской социалистической революции.

...Пора наверх. Воздух в баллонах кончается. Нам еще предстоит сотни спусков на трассе «Дорога жизни» — и разведочных, и с кинокамерой, и с кирками, и лопатами. Ничто не должно быть забыто, ни один герой «Дороги жизни» не должен остаться безымянным.

Фотоснимки В. БЫКОВА
и А. ЩЕРБОВСКОГО

К ЮНЫМ ИСТОРИКАМ

Дорогие друзья!

Славен Урал своими несметными богатствами, но еще больше славится он мастерами-умельцами, людьми огненного труда. Потому и зовут его рабочим Уралом, опорным краем державы, ее добытчиком и кузнецом.

Опорным краем страны зовется Урал еще и потому, что рабочий класс был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений». Эти слова о людях заводов истроек сказаны в отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде партии.

Где, как не на Урале, можно проследить историю рабочего люда, полную примеров, достойных восхищения и подражания! Наш край — один из центров зарождения и развития рабочего класса страны.

Кое-что мы, члены научного общества учащихся (НОУ) Челябинской области, по этой теме уже сделали. Нами собран интересный исторический материал, опубликовано несколько работ. Но дело, за которое мы взялись, настолько велико и обширно, что оно не под силу ребятам только одной уральской области. Поэтому мы предлагаем:

Давайте проведем совместный большой следопытский поиск. Пусть одни заинтересуются формированием рабочего класса из рабочих людей крепостных заводов, его первыми революционными выступлениями. Другие соберут материалы о первых марксистских организациях среди рабочих Урала, об уральцах — делегатов партийных съездов, о соратниках В. И. Ленина на Урале. Кому-то удастся воссоздать историю целых заводских коллективов, рабочих династий от самых истоков до наших дней.

Организуя у себя в школах музейные экспозиции по истории рабочего класса Урала, мы не только воздадим этим должное памяти его лучших представителей, но и сами будем учиться революционности рабочих, их стойкости и преданности ленинским идеям, окрыленности и упорству в труде.

О результатах своих следопытских поисков мы расскажем на областных и общепураьских конференциях юных историков. Провести такие встречи нам несомненно помогут областные комсомольские организации Урала.

Дело, за которое мы беремся, — большое и нужное. И мы обращаемся с просьбой к ученым Уральского научного центра Академии наук СССР и Уральского государственного университета имени А. М. Горького взять на себя общее научное руководство нашей работой.

*Члены исторической секции НОУ Челябинска:
Виктор Нагдасев, Светлана Сайфутдинова, Женя
Щелкунова, Владимир Гнедин, Таня Степанова,
Вера Андриякина и другие.*

*Руководители секции: кандидат исторических наук,
доцент Челябинского пединститута В. Е. Четин,
заслуженный учитель РСФСР А. И. Александров.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя письмо челябинских следопытов, редакция полностью поддерживает их доброе начинание. Журнал с удовольствием предоставит свои страницы для лучших следопытских сообщений и заметок, посвященных истории рабочего класса Урала. Они будут включены в число материалов, публикуемых на «Приз нашего журнала».

Ждем ваших писем, юные историки!

Борис Раевский

Плюшка шоколада

Рассказ

Отель «Универсаль» — маленький и уютный. Обычно добрая половина его пустует. Но сейчас, накануне первенства мира, все номера заняты. Только в двадцать втором — никого. Ходят слухи, что туда навевается привидение. Шведы не очень суеверны, но на всякий случай...

Едва советская команда поселилась в «Универсале», сам хозяин гостиницы — грузный, добродушный и не по-шведски говорливый — сообщил Олегу о тайне двадцать второго. Рассказывал со смешком, но с такими выразительными подробностями... Не понять: сам-то верит или нет?

Олег весело предложил:

— А давайте, я туда переселюсь? Так сказать, в порядке антирелигиозной пропаганды!

Но тренер Валерий Павлович нахмурился:

— Не дури...

Олег усмехнулся. Неужто и Валерий Павлович... на всякий случай?!

Мистеру Бергману, хозяину гостиницы, сразу пришлось по душе русский чемпион. Олег — высок и длинноног. Узок в талии, широк в плечах. Классический тип многоборца.

Кто из шведов не любит коньков?! А мистер Бергман — да, да, не глядите, что он сейчас так толст! — мистер Бергман и сам в юности неплохо бегал пятисотку. Конечно, в свои сорок девять он уже забыл то удивительное, ни на что не похожее ощущение, когда послушные стальные ножи плавно и стремительно режут лед. Но болельщиком мистер Бергман останется до гроба. Болельщиком истинным, рьяным, отлично знающим всех сколько-нибудь приметных скороходов.

Хозяин гостиницы словно бы прилип к Олегу Гореву. Стоило тому показаться — в коридоре, в холле, возле стойки портье, — мистер Бергман будто чудом оказывался тут же. Нет, никаких дел.

Просто приятно побеседовать с прославленным скороходом.

Они деловито и дотошно обсуждали шансы всех претендентов: и земляка мистера Бергмана — уже немолодого сухопарого Артура Стивсгруда, и самонадеянного голландца Макса Брюгге, и двадцатилетнего американца Боба Гриффитса — «Черную стрелу». И многих других. И всегда разговор заканчивался одинаково. Мистер Бергман, дружески похлопывая Олега по плечу, гудел:

— О, нет, нет! Дизэ ярэ, я хочу говорить, сегодняшний год — руссиш ярэ. Руссиш голд. Как это? А-а! Руссиш золото! Нет, нет. Это есть непременно. Бештимт.

Они всегда так объяснялись: смесь исковерканного русского со столь же исковерканным немецким. Но как иначе? По-шведски Олег знал лишь несколько фраз: «спасибо», «сколько стоит», «дайте мне, пожалуйста». Хорошо еще, что Бергман хоть чуточку говорил по-русски.

До начала первенства оставалось два дня.

Вечером, после тренировки, Олег сидел в маленьком холле и листал журнал. Мистер Бергман вскоре оказался тут же. Посидели, поговорили. О том, о сем. Больше всего, конечно, о предстоящих стартах. Насчет первого места мистер Бергман не сомневался: его займет Олег.

— Нет, нет, скромность — это есть хорошо, но слишком много скромность — это уже не есть хорошо!

Кто месяц назад стал чемпионом Европы? Оло Горев! Кто на первенстве Советской России показал лучшее время года? Оло Горев. Нет, тут все ясно. А вот кто получит серебро и бронзу — это вопрос. Большой вопрос.

И мистер Бергман и Олег Горев называли несколько претендентов. Но, к сожалению, не русских. Тут они оба были единодушны.

Да, два остальных члена советской команды — Борис Зыбин и Борис Чулков — не могли рассчитывать на успех. В первенстве Европы «Два-Бориса-Два» заняли лишь пятое и восьмое места. А тут — первенство мира!..

Вспомнив Бориса Зыбина, Олег усмехнулся. Настырный парень! Перебрался-таки в двадцать второй номер. Как узнал о привидениях — сразу загорелся: хочу туда!

Поначалу «Два-Бориса-Два» жили вместе, в одном большом номере. Зыбин заявил начальнику команды: тезка ночью храпит, спать мешает, переселите меня в двадцать второй. И добился. Наверно, просто из мальчишеской удачи. Чтобы дома хватать, как он с привидением запросто... Все, мол, струсили, а я...

Что с Зыбина взять? Девятнадцать лет человеку. Мальчишка!

— Храбрый юнош! — улыбнулся мистер Бергман.

В холле, рядом с хозяином гостиницы, на пухлом ковре, как всегда, полулежал пес, холеный дог Билл. Рослый и сильный, худощавый, пепельной масти, он почти не отлучался от хозяина.

Олег с детства любил собак. И в «Универ-

сале» сразу завел дружбу с Биллом. Гордый дог, не принимавший даже самых лакомых кусочков ни от кого из постояльцев, милостиво разрешал Олегу подкармливать себя. Вот и сейчас — Олег зашел в бар, хотел купить какие-нибудь сладости для Билла. Но мистер Бергман замахал руками.

— Никаких покупать! Я есть дарю. Презент! Он взял со стойки самую большую плитку шоколада в яркой, красной с золотом, обертке и протянул Олегу.

— Презент! — повторил он и галантно прижал руку к груди.

Что было делать? Олег взял шоколад, поблагодарил.

Беседа с мистером Бергманом, он отламывал дольки от плитки и бросал Биллу. Тот ловил на лету, ел, щуря глаза от удовольствия. Мужчины посмеивались: Билл был сладкоежка и больше всего на свете любил шоколад.

Между прочим, Олег Горев тоже был сладкоежка и тоже любил шоколад. Поэтому кормежка шла так: Олег бросал дольку Биллу и тут же клал другую себе в рот. Опять — Биллу, и опять — себе. Да здравствует справедливость!

Мистер Бергман от шоколада отказался: надув

щеки, похлопал себя руками по широким бедрам. Мол, и так слишком толст.

Но вот последний кусочек исчез в пасти Билла. Олег посмотрел на часы и встал. Тренер не терпел, когда нарушали режим.

— Скорых секунд! — на прощанье пожелал хозяин гостиницы, будто Олег направлялся на старт, а не в кровать.

— Благодарю!

Олег ушел к себе.

Номер был красивый и удобный. С широкой, как борцовский ковер, кроватью. С ванной, с мягким — во весь пол — ковром.

К хорошему привыкаешь быстро. И Олег Горев, конечно, тоже привык уже и к полетам на скоростных чудо-самолетах, где сидишь в удобном кресле, привык и к заграничным городам, к комфортабельным отелям, к овациям и своим фотографиям в газетах всего мира.

И все-таки нет-нет да и вспыхивало в нем удивление. Как это случилось? Он, самый обычный ученик столярного РУ № 7, до шестнадцати лет никогда не выезжавший за пределы своей Вологодчины, вдруг каким-то чудом словно перенесся в другой мир.

И все это сделали коньки.

Вот и сейчас — он раздевался, и его снова обьяло это изумление. Он, простой столяр, вон где, в Швеции. И его имя повторяют здесь сотни тысяч совсем чужих людей...

Все-таки странная штука — жизнь!

...Проснулся Олег среди ночи. Не сразу понял, что случилось. Сон страшный, что ли? Кажется, кто-то в бешеной ярости разодрал ему надвое живот и теперь грызет внутренности.

Он открыл глаза, сел. Но сон почему-то не кончился. Наоборот, в животе так свирепо резануло, — Олег чуть не закричал.

С трудом нащупав в темноте язычок выключателя, зажег свет.

Несколько секунд посидел, прислушиваясь к самому себе. Вроде бы все в порядке? Да, в порядке. Что же это такое было? Наваждение какое-то... Или — почудилось?

И вдруг снова!.. Так кольнуло в паху, словно насквозь пронзило. Олег скрючился, схватился обеими руками за живот. Пот выступил на лбу. «Разбудить тренера? Нет, подожду. Может, само пройдет».

Но боль не прошла. Олег подождал, пока схлынула очередная волна, накинул на плечи халат и, держась за стенку, босиком вышел в коридор.

Валерий Павлович жил на том же этаже, слева, через два номера. Олег стукнул к нему и, не дожидаясь ответа, чувствуя, что в живот снова вонзился огромный бурав и ввинчивается, разрывая все там, внутри, — забарабанил кулаком.

Он почти терял сознание, когда из номера выскочил тренер.

— Что? Что? — вскрикнул он и, подхватив Олега, втащил его к себе.

— Что? Говори же! Что? — тревожно повторял он, укладывая Олега на диван.

Но что Олег мог сказать?

Торопливо натянув пижаму, тренер выбежал в коридор и вскоре вернулся с Семеном Михайловичем — врачом команды.

Тот измерил давление, прощупал живот, выслушал, выстукал Олега.

— Рвоты были?

— Нет.

— Видимо, все-таки отравление. Съел что-

то... — врач сделал неопределенное движение рукой и пошел к себе в номер за лекарствами.

Его диагноз подтвердился тотчас.

Внизу, возле стойки портье, слышался шум. Мистер Бергман, полуодетый, взволнованно говорил с кем-то по телефону.

Увидев советского врача, хозяин гостиницы бросился к нему.

— О, доктор! А в собак вы тоже немножко понимаете? О, мой Билл! Какой несчастье! Мой Билл хочет умирать!

Узнав, что у доктора сейчас пациент поважнее Билла, хозяин всплеснул руками.

— Оло?! О! Теперь я все понимаю! Это шоколад! Бештимт. Они вместе кушал один шоколад.

Вероятно, так оно и было. Отравление шоколадом.

Доктор сделал Олегу промывание желудка. Потом дал слабительное. Потом двойную дозу биомидина. Больному, кажется, немного полегчало. Он заснул, но спал недолго. На рассвете снова вспыхнула резкая боль в животе.

Целый день Олег никак не мог прийти в норму. Доктор несколько раз осматривал его, снова давал биомидин, ввел глюкозу.

Весь день Олег лежал, ничего не ел, только выпил стакан крепкого чая с двумя сухариками. Все в команде были подавлены. Завтра в полдень — старт. И вот — надо же...

К вечеру Олег почувствовал себя лучше. Он оделся, хотел даже спуститься в ресторан к ужину, но доктор не разрешил.

Ночь прошла спокойно.

Утром доктор снова придирчиво обследовал Олега. Вид у него был неважный. Ну еще бы! Почти сутки — такие боли. И без еды. И усиленные дозы антибиотиков...

Доктор поставил Олега на весы, постукивая ногтем, передвинул сверкающую гирьку по стержню и вздохнул: семьдесят четыре двести. А обычный вес Олега — семьдесят семь. Почти три килограмма долой! За один день!..

После осмотра доктор прошел к начальнику команды. Они заперлись втроем: начальник, старший тренер и врач. Спортсмены понимали — за дверью решают: выступать Олегу или нет?

Не такой-то простой вопрос.

С одной стороны, Олегу Гореву выступать совершенно необходимо: он — единственный советский спортсмен, имеющий все шансы на золото.

С другой стороны, выступать Олегу Гореву нельзя. После отравления он, конечно, не в форме. И, очевидно, покажет плохие секунды, осрамит и себя, и свои гордые титулы.

Вот и реши!..

Олег Горев в это время играл с Борисом Зыбиным в шахматы. Это только называлось — «играл в шахматы». На самом же деле, сидя в холле и механически переставляя пластмассовые фигурки, он думал: «Выступать? Отказаться?»

До старта оставалось каких-нибудь два часа, а он еще так и не решил. Выступать?

Во всем теле не ощущалось обычной боевой окрыленности.

Правда, вчерашняя слабость прошла. Но осталась какая-то вялость, как после долгой бессонной ночи. Вялость и нерешительность...

Это у него-то, у Олега Горева, нерешительность?! У него, которого друзья называли «пушкой»? Даже завистники (их у любого чемпиона всегда хватает) сердито говорили про него —

«лихач»! И в этом «лихаче» смешивались и зависть, и скрытое уважение.

У него нерешительность? У Олега Горева, который никогда не робел на дорожке и умел самому маститому, самому уверенному противнику навязать свой темп, свою волю, сбить с него спесь...

Честно говоря, он был даже рад, что не ему сейчас решать. Пусть начальники помучаются над этой задачей с десятью неизвестными. Пусть решают. А он — исполнитель. Он — как прикажут...

Сорок минут сидели, запершись в номере, руководители команды.

Сорок минут тут же, неподалеку, в холле, переставлял шахматные фигурки Олег Горев.

Наконец, дверь негромко щелкнула, и все трое — начальник, старший тренер и врач — вышли в коридор. Гуськом прошли в холл.

Олег ладонью смещал фигурки и встал.

«Ну?»

Он переводил глаза с одного на другого. Он не знал, каких слов ждет, чего хочет. Но, главное — быстрее. Да? Нет?

— Видишь, Олег, — сказал Валерий Павлович, — мы вот посоветовались, поразмыслили.

Голос у тренера был какой-то странный, неуверенный, не похожий на обычный, властный.

Олегу этот голос сразу не понравился.

«Ну?»

— Положение, как сам понимаешь, сложное, трудное...

«Ну, же! Ну?»

— И вот мы пришли к такому заключению...

«Ну?! Да не тяни же!..»

— Ты сам... Только сам можешь решить — надо ли тебе выступать...

Теперь Валерий Павлович глядел прямо в глаза Олегу.

— Все зависит от твоего самочувствия. Мы предоставляем тебе полную свободу выбора. И знай: никто не скажет тебе ни слова упрека. Ни в том, ни в другом случае.

Валерий Павлович остановился, поглядел на начальника команды, на врача. Словно спрашивал: все ли я сказал? И так ли сказал?

Оба кивнули.

— А теперь — подумай, — добавил начальник, и все трое гуськом ушли из холла.

Олег так и остался стоять возле столика с разбросанными шахматными фигурками.

«Вот так голова — два уха!»

(Это была любимая присказка мастера у них в ремесленном).

Этого он никак не ожидал. Он был твердо уверен, что «начальники» что-то решат. Так или иначе, но решат. А тут...

Он ушел к себе в номер, сел у окна.

«Итак...»

Мыслей было много. Противоречивых. Разных. И за. И против. Чем больше он углублялся в них, тем больше запутывался. Как в подземных пещерах. Он однажды бродил в подземных пещерах. Чем дальше, тем страшнее. И тем труднее выбраться...

«При чем тут пещеры?» — сердито одернул он себя.

Хороших секунд, конечно, нынче не покажешь. В газетах пойдут охи да вздохи. Такой конфуз! А самый прыткий комментатор изречет: «Закат чемпиона!» Или так: «Недолгая слава». Да, что-нибудь в этом роде. Красивое и хлесткое.

Не бежать? Обидно, конечно. Столько готовился. Но зато — без позора. Болен — и все. Болен — и точка. Зрители будут даже сочувствовать ему: беденький, как не повезло!..

Он встал, походил по номеру, снова сел.

И все-таки... Если бежать — есть маленький шанс. Малюсенький. А вдруг — хорошо пройду? Вряд ли... Ну, а вдруг?

Он снова вскочил, забегал по номеру.

Да, шанс все-таки есть. Один процент. Нет, пожалуй, процентов пять. На злости. И на технике.

Он задумался и вдруг увидел... Торжественный пьедестал. Три ступеньки. Три спортсмена. И ни одного — советского.

«Вот тебе и голова — два уха!»

Как же так. Три... И ни одного советского. Именно. «Борисы» — они не тянут. А он — он болен. Не участвует. И все. И конец.

И тут же пришло решение. Ясное. Четкое.

Черт с ним, с позором! Черт с ними, с журналистами и комментаторами! Надо стартовать! А вдруг... Ну, не золото, хоть серебро... Ну, хоть бронзу!

Он глянул на часы. Ого, в обрез! А необходимо еще размяться.

Быстро уложил чемоданчик, вышел в холл. Там его словно ждали. И начальник, и Валерий Павлович, и врач, и «Два-Бориса-Два».

— Ну?! — сказал Олег. — Чего тянем-то?!

Бывают ли чудеса?

Говорят, — бывают.

И в спорте — тоже. Миллионными тиражами распечатано в популярных брошюрках, как один лыжник, сломав лыжу, все-таки дошел до финиша и занял первое место; как гимнаст, тязко

раненный на войне, вернул подвижность своей искалеченной руке и вновь стал чемпионом.

Значит, бывают...

А может, и сейчас?.. Случится чудо?

Так думали «Два-Бориса-Два», стоя возле дорожки, где брала старт очередная пара: Олег и швед Стивсгруд.

Стадион насторожился, замер. Стадион ждал. Трибуны ведь не знали, что «русский Оло» вышел на лед полубольной.

Стадион жаждал быстрых секунд. Недаром же про этого Оло писали — «новая звезда», «скореход № 1».

И только стоявшая возле дорожки небольшая группка русских понимала весь драматизм этих минут.

Борис Зыбин топтался неподалеку от стартера, тревожный и возбужденный. Его очередь бежать — еще не скоро.

«Ай да Олежка, — думал он. — Все-таки вышел на лед! И внешне — вроде бы даже незаметно... Уверенный, как всегда. Одно слово — пушка!»

И еще один человек на трибунах сознавал всю трагичность положения: мистер Бергман.

Он очень переживал за «русского Оло». Полюбился ему этот парень. И кроме того, мистер Бергман чувствовал себя виноватым. Ведь это он в баре дал шоколад. Презент! Хорошенький презент! Правда, вообще-то виноват не он, не хозяин гостиницы, а фирма кондитерских изделий. И все же...

Он потом узнавал. Отравление шоколадом — редчайший случай. Отравляются консервами, рыбой, мясом. Но шоколадом? И все-таки — бывает...

Вот и его Вилл. Целые сутки собаку терзали страшные боли. Еле спасли.

А русские? Не подозревают ли они его? Может, думают, что он — нарочно?.. Подсунул шоколад... »

От этой мысли мистера Бергмана бросало то в жар, то в холод. О, он знал свирепые нравы «большого спорта»! Знал, что там делались штучки и похлеще.

Неужели же русские предполагают, что он?.. Это было бы ужасно!

И сейчас, на трибуне, мистер Бергман ерзал от беспокойства. Он никому не сказал о болезни русского чемпиона. О, мистер Бергман — старый спортсмен! Он знает: о таких вещах не распространяются. Молчок. Секрет. Противникам нельзя этого знать.

Сухо щелкнул пистолет стартера, и не успел еще игрушечный хлопок выстрела домчатся до трибун, как скороходы рванулись вперед.

Стадион взревел. Борис Зыбин на миг отвел глаза от дорожки. Зрители орали, выли, молотили кулаками по дощатым стенкам трибун. Басом рывкала какая-то труба, кто-то истерически вопил: «Артур! Артур!» Слева хором запели — не то молитву, не то гимн.

Все знали: пятисотка — коронная дистанция «русского Оло». Он, конечно, обойдет Артура Стивсгруда. Но не это волновало сейчас болельщиков. Время! Какое время он покажет? Удастся ему выйти из сорока секунд?

Об этом тревожился и Борис. Он видел: старт Олег взял хорошо. Казалось, его рывок слился с выстрелом.

«О, здорово!» — Борис даже свистнул, лихо, по-разбойничьи.

И тут же оглянулся. Нет, на него никто не обращал внимания. В этом диком реве можно было хоть мяукать, хоть кукарекать: все равно сосед не слышал соседа.

Уже после первых двухсот метров Олег немного оторвался от шведа. Шел Олег резко и красиво. И болельщики орали, поддерживая симпатичного русского парня.

И только истинные ценители видели: нет, не то. Что-то происходит с этим русским. Его бегу не хватает обычной мощности, напора, темперамента.

И мистер Бергман, сжавшись от возбуждения в комок, сложив руки на груди ладонями вместе, будто он молился, — может, и впрямь молился? — мистер Бергман тоже видел...

Оло идет хорошо. И все-таки... Нет, не то...

А Борис Зыбин словно не хотел замечать этого.

— Работай, Олечка! — возбужденно шептал он. — Давай!

Но тут же и он с горечью убедился: нет, не то...

И секундомеры холодно отметили: нет, не го. 42,2 секунды. Результат неплохой, но — не для Олега Горева. Обычно он укладывал эту дистанцию примерно в сорок секунд.

Две секунды, две драгоценные секунды потеряны. А с ними — и все шансы на успех.

Да, впереди у него еще три забега. Но, как у любого многоборца, у Олега были свои любимые дистанции. Те, где он особенно силен. И коронная среди них — пятисотка. И вот, на тебе!

Впрочем, — все закономерно...

Чудес на земле, видимо, нет.

Борис Зыбин, как только Олег финишировал, ушел в раздевалку.

Он сидел в кресле, уже одетый, готовый к старту, — он бежал в одиннадцатой паре, и до забега оставалось минут пятнадцать.

Сидел насупленный и тревожный.

Борис видел, как похолодели глаза Олега, когда тот готовился к старту. Он как бы отключился. Наглухо отгородился. От всего. От громяющих трибун. И рекламных щитов. И врагов. И друзей.

Он весь сосредоточился на одном. «Поймать» выстрел...

Борис видел — на дистанции Олег отдал все. Весь запас сил. До капли. И все же...

«Да, вот обидка!»

Борис резко дернулся в кресле, даже пружины застонали.

Всегда за границей, на состязаниях, рядом с Олегом он чувствовал себя, как за спиной отца. Да, как сын, пусть уже взрослый, но за спиной отца. Уверенно и спокойно.

Отец — не подведет. Отец не растеряется в самой трудной схватке. С отцом — все легко.

А сейчас — словно ты один. Нет отца. И надеяться не на кого. Надо самому, только самому...

Да, конечно, — вся команда сейчас рассчитывает лишь на него. Все-таки он пятый в Европе. Он — пятый. А тезка — восьмой.

Кто теперь должен поддержать команду?

Он опять словно видел Олега. Вот — выходит на старт...

С каким яростным упорством, полубольной, бежал он, отдавая всего себя...

Борис глянул на часы. Пора.

Он встал, вышел на лед. У дверей раздевалки стоял Олег.

Лицо у него было желтое. Даже сейчас, на морозце, — не порозовело.

— Ну? — сказал Олег.

Он посмотрел Борису в глаза. Потом положил ему руки на плечи. Видимо, хотел что-то сказать, что-то важное, очень нужное, но передумал. И лишь шепнул:

— Голова — два уха, не дрейфь...

На старт Борис Зыбин вышел в необычном состоянии. Он сам не мог бы сказать, что творится с ним. Все смешалось: и ярость, и обида за Олега, и восхищение его мужеством, и какая-то открытость, лихая упрямая жажда — победить! Непременно!

Может быть, это и зовется вдохновением?!

Стартовый выстрел будто толкнул его в спину. Он рванулся, резко рубя коньками лед, все наращивая и наращивая скорость...

Он плохо помнил, что было дальше, как он бежал. Он видел только — соперник сразу от-

стал. И слышал: болельщики почему-то орут и орут. Так орут и так дубасят ногами и кулаками по дощатым стенкам, — кажется, вот сейчас трибуны развалятся, обрушатся на лед.

Его результат — 40,1. Неслыханные для Бориса Зыбина секунды! Он, кажется, сперва и сам не поверил.

Но именно это время показал огромный электросекундомер в центре ледяного поля.

Именно это время засекали и все три судейских секундомера.

Эти удивительные секунды громко объявили репродукторы. И они ярко вспыхнули на световом табло.

Чемпионат мира закончился сенсационно. Прославленный советский конькобежец, чемпион Европы Олег Горев по сумме четырех дистанций занял всего лишь седьмое место. Это была «сенсация № 1».

А «сенсацией № 2» стал Борис Зыбин. Не выдающийся скороход, он вдруг занял второе место. Серебряная медаль!

Так бывают ли чудеса?

Видимо, все-таки бывают!

В газетах всего мира писали о «загадочном русском», о спортивном счастье, о том, что «лед — скользкий», и прогнозы — дело весьма рискованное.

А «загадочный русский» смущенно отбивался от целой стаи наседавших журналистов.

Неожиданной находкой для корреспондентов оказался мистер Бергман. Он подробно, с юмором, рассказал о злосчастной плитке шоколада. Теперь, после чемпионата, это уже перестало быть секретом. Рассказал он также, что Борис Зыбин жил в номере двадцать втором. Там, где привидения. Мистер Бергман предположил — то ли в шутку, то ли всерьез: а может, этот номер — не заклятый, не невезучий, а наоборот — счастливый? И впредь тому, кто намерен стать чемпионом, следует жить именно в этом номере?

Корреспонденты наперегонки строчили в блокнотах.

И в вечерних выпусках газет рядом с фотографией Бориса Зыбина было напечатано о плитке шоколада и о двадцать втором номере гостиницы «Универсаль».

Рисунки Н. Мооса

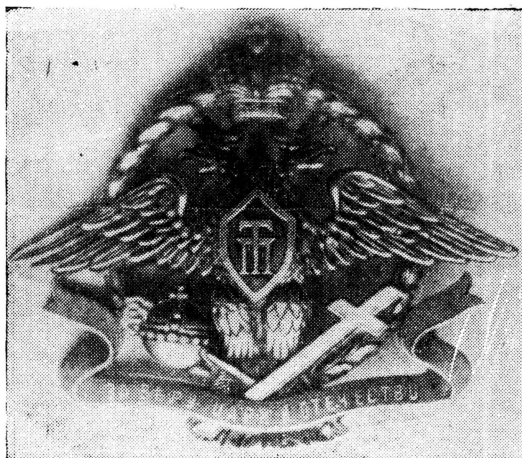
ЗНАК ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

НА БОРОДИНСКОМ поле среди памятников полкам, дивизиям и корпусам, героически сражавшимся здесь в Отечественную войну 1812 года, есть монумент из серого гранита. Находится он в районе левой Багратионовой флеши. На двух полированных гранях монумента золотыми буквами высечены названия полков пехотных дивизий генерал-майора Вюртембергского, в том числе Тобольского пехотного полка.

Полк был сформирован в 1703 году и получил наименование «пехотный князя Репнина», в 1708 году его переименовали в Тобольский. Позже полк называли 2-й Углицкий, «пехотный генерал-майора Кашкина», мушкетерский. С 1811 года он снова стал именоваться Тобольским пехотным.

Тобольцы заслуженно пользовались славой храбрых и мужественных воинов. За отличие в боях во время Отечественной войны 1812 года и взятие Монмартра 30 августа 1814 года полк был награжден полковым знаменем и серебряной трубой.

Тобольский пехотный полк принимал участие в Крымской войне и вписал новую страницу в историю своих ратных подвигов. Отряд полковника Баумгартена, состоявший из Тобольского пехотного полка, эскадрона гусар и сотни казаков при шести орудиях, располагался у деревни Четати (Малая Валахия). Утром 25 декабря 1853 года отряд атаковали 18 тысяч турок при 24 орудиях. Русские солдаты стойко отражали натиск врага. В самую критическую минуту, когда из строя вы-

была уже половина людей и не осталось зарядов, подоспело пополнение, и турки отступили.

За оборону Севастополя Тобольский 38-й пехотный полк был удостоен новой боевой награды — полкового знамени, а за битву при деревне Четати — особого знака на головные уборы.

Один из таких знаков хранится в Тюменском областном краеведческом музее. Сделан он из серебра и представляет собой лавровый венок диаметром 35 мм с двуглавым орлом, увенчанным короной. На обороте выгравирована надпись: «Тобольский 38-й пехотный полк № 623 А. К. Филиппов».

А. ДОЛГУШИНА, хранитель фондов

СЛЕДОПЫТЫ ОТКРЫЛИ МУЗЕЙ...

...истории театра

Краеведы средней школы города Сокола Вологодской области собрали материалы по истории Вологодского театра, которому более 120 лет, и создали музей имени Орленева. Экспонаты рассказывают о дореволюционной деятельности театра и его талантливых актеров: П. Н. Орленева, В. Ф. Комиссаржевской, М. Г. Савиной. В экспозиции музея можно увидеть личные вещи и письма актеров, воспоминания современников, фотографии.

Интересен раздел «Сегодня на сцене нашего театра», где собраны афиши, рецензии из газет и журналов, фотографии сцен из спектаклей, карта гастрольных поездок Вологодского театра.

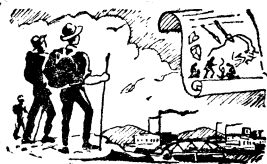
В музее проводятся встречи с мастерами сцены, обсуждения спектаклей, работает фонотека грамзаписей и театральная библиотека, организован драматический кружок.

Школьный музей следопытов Сокола удостоен чести называться филиалом Центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина.

...истории края

Дивногорск — город молодых строителей и энергетиков. Недалеко от него воздвигнута гигантская Красноярская ГЭС. Когда-то бывший поселок, теперешний Дивногорск, соединился с Красноярском горной тропой, теперь здесь проходят шоссейная и железная дороги, а через реку Ману перекинут ажурный мост.

Следопыты средней школы № 6 Дивногорска изучили прошлое родного края и заполнили страницы славной летописи сегодняшних дней. Во время походов по берегам Маны и Енисея они обнаружили стоянки первобытных людей, сделали интересные зарисовки и фотоснимки. В деревнях и селах ребята собрали орудия труда, предметы быта, записали народные песни. Все экспонаты выставлены в отделе школьного музея, рассказывающем о дореволюционном прошлом края. А рядом ярко высвечена панорама Красноярской ГЭС и собраны материалы о трудовых подвигах земляков, первых строителей гидроэлектростанции.

...истории печати

Школа № 35 в Куйбышеве расположена рядом с Домом печати. Это соседство и подсказало ребятам мысль организовать музей печати.

За четыре года следопыты собрали обширный материал по истории дореволюционной печати: о газете «Искра», об агентах первой большевистской газеты, о ее самарской группе, которую возглавлял Г. М. Кржижановский, фотокопии номеров газет «Искра», «Правда», «Рабочий путь», «Рабочий и солдат», первой легальной марксистской газеты в России «Самарский вестник».

Интересно представлен раздел «Печать страны Советов», где можно увидеть копии первых советских газет, фотографии первых корреспондентов.

Есть в музее экспозиция, посвященная современной периодической печати нашей родины. Рассказывается здесь и о том, как готовится очередная номер газеты.

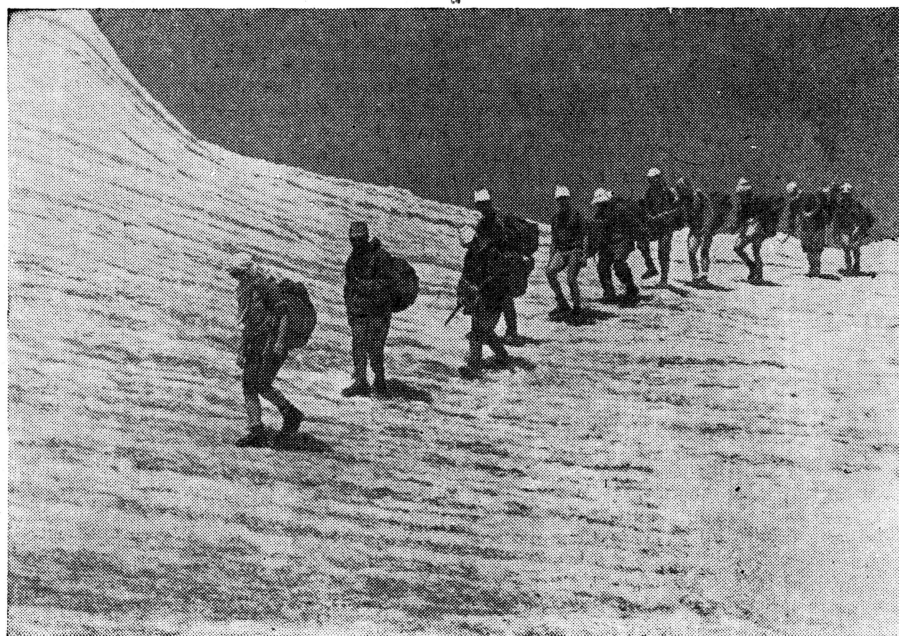
А. БОБРОВ

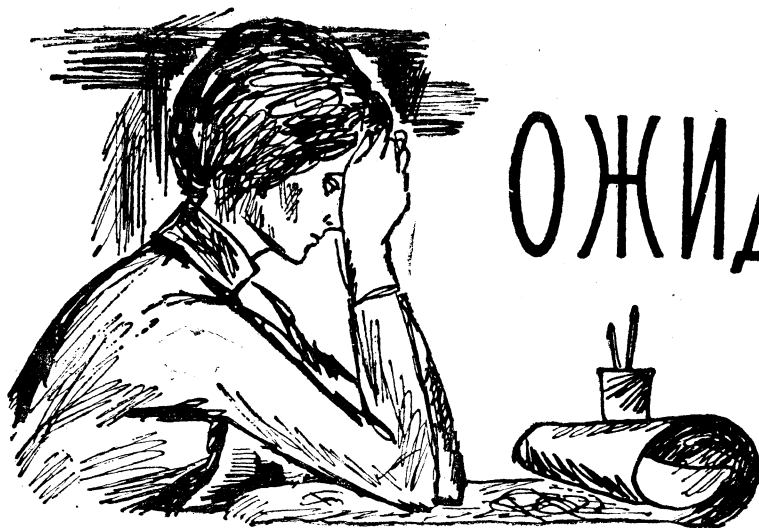
ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ...

А Л Ь П И Н И С Т Ы

Фото А. Рыжкова (г. Курган)

ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ..

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

В. ТУРУНТАЕВ

Рисунки Ф. Божко

Наташа бежала как угорелая вверх по лестнице, вся взмокла и запыхалась, но пугающе-горластый звонок догнал ее уже на третьем этаже. Дальше бежать было бесполезно — все равно опоздала, — и она перешла на обычный шаг. Беззаботно помахивая туго набитой сумочкой, прошла в самый конец коридора на пятом этаже, но перед дверью своего отдела, вдруг оробев, на секунду приостановилась, поежилась, как перед броском в холодную воду. Притихшая, готовая искренне раскаться («Больше никогда в жизни не буду олаздывать!»), она неслышно скользнула в приоткрытую дверь, где-то в глубине души еще надеясь, что начальника нет на месте — он иногда прямо с утра, не заходя в институт, уезжал на опытный завод.

Переступив через порог, Наташа почувствовала на себе осуждающе-скорбный взгляд Зырянова. Маленький, аккуратный, он сидел за большим, заваленным чертежами столом, стоявшим почти у самой двери так, что ни один сотрудник отдела не мог пройти к своему рабочему месту незамеченным.

«У, вахтер!» — с внезапно вспыхнувшей досадой подумала Наташа. Ей уже расхотелось каяться. Вместо того, чтобы остановиться у стола начальника и, виновато опустив голову, выслушать короткое нравоучение, Наташа — она даже сама подивилась своему нахальству — лихо бросила на ходу:

— Здравствуйте, Иван Семенович! Вы мне так нужны были вчера вечером!

И Зырянов, сам вдруг смутившись, что с ним очень редко бывает, торопливо кивнул в ответ:

— Сейчас подойду.

Направляясь к своему кульману, — предпоследнему в ряду, у окна, — Наташа дерзко и весело, как победительница, улыбалась приветствовавшим ее сотрудникам.

Бросив на стол сумочку и даже не посмотрев

ревшись в зеркальце, она сразу же уселась за кульман с прикипленным к нему общим видом фрезерного станка — три подклеенных друг к другу листа ватмана, целая простыня.

С чувством облегчения Наташа всматривается в то место на чертеже, где за паутиной тонких карандашных линий угадывается станина и механизм подачи с закрепленной на нем делительной головкой. Усилием воображения она заставляет станок заработать. Щелк — и механизм подачи быстро отводит стол в крайнее левое положение. Щелк — деталь начинает медленное движение вперед к вращающимся фрезам. Половину пути — сорок миллиметров из восьмидесяти она проходит вхолостую.

— Наташа...

«Ну, конечно же, вот тут надо поставить упор и тогда не будет холостого хода. Посмотрим еще раз...»

— На-та-ша... — шепот за спиной все громче и настойчивей.

Наташа оборачивается.

Из-за соседней доски выглядывает Вера Лекарева. На ее круглом широконосом лице — крохотливая улыбка.

— Попало от Зырянова?

— Ему — от меня, — с серьезным видом отвечает Наташа.

Вера прыскает:

— Шутишь?! Проспала, небось?

Наташа достала из сумочки зеркальце и расческу. Быстрыми движениями взбила волосы.

— Будильник не прозвонил.

«...Значит, так: упор автоматически выходит из гнезда в тот момент, когда...»

— Наташка, — горячо шепчет за спиной Вера, — а мы вчера с Колей...

— Ой, подожди!.. — встряхивает головой Наташа и придвигается ближе к чертежу.

Снова приходит в движение механизм подачи. Щелк — выскочил упор... Наташа хватает чистый лист бумаги и, торопясь, рисует эскиз.

Подходит Зырянов. Руки в карманах брюк, полы расстегнутого пиджака откинута за спину.

— Ну, что нового?

Наташа показала ему эскиз упора.

Зырянов глянул бегло.

— Так, так... Ничего, пойдет. А о зажиме детали думала?

— Нет еще...

— Подумай.

Он окинул взглядом весь чертеж. Для этого ему пришлось перейти на другую сторону кульмана, вытащить одну руку из кармана и приподнять висающий край чертежа. Сделав несколько замечаний, он еще раз посмотрел в эскиз. Снова одобрительно покивал:

— Пойдет,— и, словно спохватившись, заинтересовался: — А что, говоришь, вчера вечером?...

Наташа слегка зарделась:

— Да вот, с упором. Не получалось у меня, Иван Семенович. Думала, вы что-нибудь подскажите...

Зырянов усмехнулся:

— Пожалуй, оно к лучшему, что меня вчера не оказалось на месте. Да, не забудь, пожалуйста, сразу просчитать усилие фрезерования. Возьми с запасом, раза так в полтора.

— Хорошо,— кивнула Наташа.

Ей хотелось, чтобы Зырянов подробней спросил ее, как она вчера мучилась, в его отсутствие, в поисках нужного решения, сколько просмотрела всевозможной литературы и справочников по конструированию станков и как ночью не могла уснуть — все думала, думала, оттого и не услышала звонка будильника,— как внезапно, уже под утро, словно озарение, пришла простая мысль поставить упор с приводом от пневмоцилиндра.

Но Зырянов, ни о чем больше не спросив, повернулся и зашагал между рядами кульманов, раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник, на негнущихся ревматических ногах.

Впрочем, Наташа и сама понимает, что начальнику отдела совсем неинтересно выслушивать ее излияния. Ему нужны технические решения, и чем они проще, тем лучше. А то, что показала ему Наташа, даже и решением назвать нельзя. Так, мелочь. Обычная работа инженера-конструктора.

Лишь для самой Наташи, для нее одной, впервые взявшейся за настоящую работу, решение даже такой пустяковой задачки — целое событие. Ведь она сама решила,— ей никто не подсказывал ответ,— и решила все правильно.

Около двух месяцев прошло с тех пор, как Зырянов поручил ей модернизировать станок-полуавтомат. Надо было приспособить его для фрезерования прямых и косых пазов в буровых коронках. По сути дела, пришлось весь стол станка конструировать заново: старый «выбросить» и взамен его поставить новый, «свой, вместе с делительной головкой и механизмом подачи.

Тогда, глянув в задание, которое положил перед нею Зырянов, Наташа пришла в паническое состояние:

— Иван Семенович, я...— и запнулась, не зная, как выразить охватившее ее смятение.

— Боишься?

Наташа опустила глаза.

— Боюсь.

Это было не совсем так. Зырянов имел в

виду сложность и ответственность задания, а Наташа думала о другом.

За полтора года работы в проектно-институте она вошла во вкус спокойной и беззаботной жизни конструктора-деталировщика. Она выдавала каждый месяц требуемое количество чертежей и даже немножечко больше того. Одним словом, перевыполняла план по «листам», и еще оставалось время на разговоры, а в теплое время года, когда не надо было брать в гардеробе пальто, можно потихоньку и в магазин сбегать. Ровно в пять вечера она свободна.

А кое-кто из «старичков», выполняющих ответственные задания, нередко остаются в отделе еще на час или на два — не укладываются в свое рабочее время. При этом некоторые из них, бывает, и не выполняют производственные планы, потому что план для конструктора определяется одной мерой — числом сданных в архив калек. А план не выполнишь — не видать премии, да еще фамилию твою начнут всюду склонять.

Свою работу Наташа не то, чтобы очень уж любила, но и сказать, чтоб не любила, тоже нельзя. По-своему интересная работа. Дают тебе чертеж целого узла, а ты разбираешь этот узел на детали, из которых он состоит. Бывает и по двадцать, и по тридцать деталей в одном узле. Каждую надо «увидеть», вычертить. Потом копировщица переведет твои чертежи на прозрачную кальку, кальку «отсинят», то есть переснимут с нее чертежи на специальную бумагу, «синьку». Эту «синьку» отправят на опытный завод, а кальку сдадут на хранение в архив. Через некоторое время можешь пойти на завод и посмотреть, как выглядят изготовленные по твоим чертежам детали в «натуральном» виде.

Что греха таить, скажи ей кто-нибудь в те совсем еще недалекие времена, когда она была студенткой Уральского политехнического института, что после защиты дипломного проекта она станет деталировщицей, она просто обиделась бы. Ведь эта работа под силу и специалисту со средним образованием. Зачем же было, в таком случае, кончать институт?

— А затем,— рассуждает Вера Лекарева,— что у самих ума не было, когда поступали в институт, а чужих советов не слушали. Мне отец говорил: «Иди в техникум, к восемнадцати годам человеком будешь!» Куда там! И думать об этом не хотела: все идет в институт, и я не хуже других. И правда, зачем столько учились? Все ведь начисто забыла — интегралы там всякие, дифференциалы...

Нет, в те времена, когда она была еще студенткой, Наташа знала, для чего ей нужно высшее образование. Она мечтала именно о такой, «настоящей» конструкторской работе, которую ей сейчас предлагал Зырянов. И если бы эту работу ей предложили раньше, когда она еще только-только пришла в проектный институт, она взялась бы за нее с радостью и уж не пожалела бы ни сил, ни времени.

Ведь с каким трепетным волнением — теперь смешно и вспоминать — она вычерчивала первую деталь для настоящего станка. Как старательно проводила она каждую линию, с каким чувством ответственности рисовала, именно рисовала, каждую цифру, каждую букву. И как тряслась у нее поджилки, когда несла готовый чертеж на просмотр ведущему инженеру Лидии Григорьевне Поздняковой, своей непосредственной начальнице.

А Лидия Григорьевна, исчеркав весь чертеж красным карандашом и не сказав ни слова, бросила его в общую стопку. Оказывается, все гораздо проще, чем думала Наташа.

Со временем она набралась опыта, наловчилась и стала выполнять свою работу почти автоматически, без особого напряжения.

Дни шли за днями. Наташа чертила и чертила. Стенки, косынки, ребра, валы... Красных пометок на ее листах становилось все меньше. Иногда их и вовсе не было. Однажды Зырянов похвалил ее на собрании, назвал ее фамилию рядом с фамилией Веры, которая вот уже семь лет сидит на деталировке и считается лучшей работницей отдела.

— Ты тянись, тянись за мной,—учила ее Вера.— Не смотри, что я рядовой инженер, а Лидка — ведущий. Она вдвое против моего пластается, а зарабатывает всего на сорок рублей больше...

Это была сущая правда. Лидия Григорьевна (Вера называла ее за глаза Лидкой, на правах однокашницы) вся отдавалась работе. Когда ни посмотришь в ее сторону, она всегда у кульмана, с перепачканными карандашным грифелем длинными тонкими пальцами и ослепительно белыми манжетами. Маленькие серые глазки холодно смотрят сквозь стекла очков, которые без конца сползают к кончику остренького носа, и Лидия Григорьевна ежеминутно поправляет их привычным движением указательного пальца. Она может простоять у чертежной доски целый день, забыв про обед, а вечером, когда все уйдут домой, останется проверять чужие чертежи. И никто не знает, в котором часу кончается ее рабочий день.

Иногда Лидия Григорьевна доверяла Наташе самой рассчитать и спроектировать какой-нибудь несложный узел. Наташа не отказывалась, но бралась за такую работу неохотно, потому что при проектировании очень много времени уходит на расчеты и обдумывание, а сделаешь чертеж — Лидия Григорьевна посмотрит, с кислой миной исчеркает его красным карандашом и отложит в сторону. Ни похвалит, ни поругает.

А потом этот же самый узел уже в готовом виде поступает на деталировку, и Наташа видит, что почти все — за исключением каких-то мелочей — оставлено так, как было спроектировано ею, Наташей. И где-то в глубине души вместе с обидой зрело убеждение: она могла бы проектировать не хуже Поздняковой, но ведь надо быть набитой душой, чтоб так надрываться... В этом своем убеждении она окончательно укрепилась после того, как совсем недавно, перед майскими праздниками, обновили Доску почета, что висит в вестибюле на втором этаже: прежде на Доске почета отдел «представляла» Позднякова, теперь — Вера Лекарева. По этому поводу дома у Веры состоялось небольшое торжество, на которое была приглашена и Наташа.

— Смотри,—сказала ей Вера,— чтоб в следующий раз на этом месте была ты, а не кто-нибудь... из ведущих.

Вот почему Наташа сказала Зырянову: «Боюсь!»

Этим станком должна была заниматься сама Позднякова, но она неожиданно очутилась в инфекционной больнице — где-то подхватила желтуху. Было лето, самая отпускная пора, и конструкторов в отделе не хватало. Может быть поэтому Зырянов остановил свой выбор на Наташе.

— Гора тебе заняться серьезным делом,—сказал он, решив, видимо, немного ей польстить.— Работа сложная, верно, да ведь я — тут, всегда тебе помогу. Будешь работать под моим прямым... э... надзором. Согласна?

Наташа не нашла в себе мужества сказать: «нет, не согласна».

— Ой, дуреха, ой, дуреха! — ругала ее потом Вера.— Попомни мое слово: наплачешься ты еще горькими слезами с этим станком. Не знаешь, что ли, Зырянова? У него все срочно, все важно. Что можно сделать за неделю, он из тебя выжмет за три дня...

У Наташи и без того кошки скребли на душе. Она готова была расплакаться. Но из чувства противоречия — покойник она, что ли, чтоб над нею причитали? — запальчиво и даже как-то зло оборвала Веру:

— Хватит. Решила — значит, думала над этим. Если ты можешь всю жизнь вот так работать, то мне мало изо дня в день гнать листы и разбирать кем-то сконструированные узлы. Мне самой хочется конструировать. Понимаешь: хочется! Или полагаешь, что я не справлюсь? Запросто. Двух месяцев не пройдет — у меня все будет готово...

Вера смотрела на нее веселыми, добрыми глазами, улыбалась и слушала. А потом сказала нараспев:

— И ничего-то ты, милая моя, не думала... И это, конечно, была правда. Но Наташа продолжала стоять на своем:

— Нет, думала! Думала! Я должна, в конце концов, знать, на что я способна? Вот и узнаю.

— Дура! — в сердцах сказала ей Вера и спряталась за доску.

И вот станок уже почти готов. Работы осталось, самое большее, недели на две. Все было. И слезы тоже, как же без них.

Когда на днях вышла на работу Лидия Григорьевна и узнала, кто занимается станком, то не на шутку расстроилась. Ее и без того бледное лицо стало совсем прозрачным. Наташа видела, как, поговорив с Зыряновым, Лидия Григорьевна села за стол и, ни на кого не глядя, долго переключивалась с места на место папки с чертежами, рылась в них, что-то искала.

— Ревнует,—коротко определила Вера Лекарева. Теперь она откровенно гордилась Наташей: пусть все знают, на что способны деталировщики.

Вечером, когда прозвенел звонок и Наташа собралась уходить домой, Лидия Григорьевна попросила у нее чертежи для проверки.

— Но я еще не закончила общий вид,—сказала Наташа.

— Ничего,—обронила Лидия Григорьевна, поправляя указательным пальцем очки.

Наташа молча сняла с кульмана чертежи, свернула в рулон, положила на стол Лидии Григорьевне и ушла.

На другой день, придя на работу, она увидела, что возле стола Лидии Григорьевны собрался целый совет: кроме нее самой, были тут Зырянов, его заместитель Елкин, старший инженер Сизов. Лидия Григорьевна стояла в центре группы. Подперев ладонью правой руки локоть левой, она словно произносила приговор:

— ...Станок вычерчен не в масштабе... Стол не показан в крайних положениях...

Наташа взглянула через плечо Зырянова на свой чертеж и ахнула: он весь был выпачкан

красным карандашом. Зырянов обернулся к Наташе и как-то виновато улыбнулся ей:

— Вот Лидия Григорьевна говорит, что дело плохо. А, Наташа?

— Так ведь, Иван Семенович! Невозможно же вычертить его в крайних положениях! — воскликнула Наташа, поразившись тому, что даже Зырянов не понимает такой простой вещи: — Ведь фрезеруется несколько деталей, и для каждой — свое крайнее положение.

— По-моему, станок не будет работать, — не слушая ее, высказалась Лидия Григорьевна.

Наташа посмотрела с мольбой на Зырянова. А Зырянов молчал, хмурил лоб. Елкин и Сизов тоже молчали с глубокомысленным видом.

И тут Наташа не выдержала — со слезами на глазах выскочила в коридор. Конечно, это было несолидно с ее стороны. Тоже — инженер-конструктор! Она была уверена, что Позднякова со зла все наговорила. Будет станок работать, будет!

Успокоившись, Наташа вернулась на свое место. Чертежи станка лежали у нее на столе. Она отодвинула их в сторону, подперла голову руками и уставилась в окно.

Напротив, на полуразобранной крыше пятиэтажного дома орудовал парень. Ловко балансируя, он расхаживал по стропилам над зияющими под ним черными провалами, брал ослепительно сверкающие на солнце листы кровельного железа и, постукивая по ним молотком, укладывал один за другим ровной дорожкой. Бесстрашно прыгая по стропилам, спустился — с молотком в одной руке и железным листом в дру-

гой, — на самый край крыши, где не было никакого ограждения. И пока он не уложил этот, самый крайний, лист и не поднялся выше по скату кровли, Наташа все волновалась за него, забыв о своих собственных огорчениях.

Она не заметила, как к ней подошел Зырянов.

— Ну, будем работать?

Наташа от неожиданности вздрогнула, резко обернулась.

— Иван Семенович, что — все переделывать надо?

— Маленько. Кое-чего я сам не доглядел. Вот этот узел надо изменить... Тут придется подумать... Ну и, пожалуй, вот тут проставить размеры. Времени у нас с тобой мало — придется поднажать и на этой неделе все закончить...

— Иван Семенович, так до конца недели всего два дня остается! — взмолилась Наташа.

— Ничего, ничего, — невозмутимо промурлыкал Зырянов. — Придется в субботу поработать, потом, когда разделаешься со станком, — отгуляешь.

Вот всегда он так, — торопит, торопит, прямо гонки какие-то, а не работа. Наташа про себя возмущается, но и довольна в то же время: не так уж плохо все обернулось, и ее станок, конечно, будет работать.

Все три дня она почти не вылезала из-за кульмана и домой уходила не раньше десяти вечера. Проглотив поставленный матерью ужин, сразу ложилась спать, чтобы в половине седьмого утра быть на ногах.

— Никак, тебя начальником сделали? — все допытывалась мать. — Или, может, с кем познакомилась? Привела бы в гости.

— Да, да, познакомилась! — соглашалась Наташа. — Да, да, начальник теперь я!

И бежала в институт.

Зырянов подходил к ней каждые четверть часа:

— Ну, как дела?

Наташа удивлялась сама себе: никогда бы прежде она не подумала, что работа до изнеможения, до одури может доставлять удовольствие. А когда все исправления были закончены и Зырянов сказал, что теперь можно продолжать дальше работу над станком, Наташа почувствовала себя такой счастливой, словно бы исполнилось самое большое ее желание. И вот что еще удивительно: после такого напряженного труда голова была ясной и отдыхать совсем не хотелось. А на Лидию Григорьевну она уже больше не обижалась: теперь-то Наташа сама узнала, сколько самоотверженности требуется от человека, чтобы работать так, как работает Лидия Григорьевна.

Что же до Зырянова, то между ним и Наташей отношения были наилучшие. Зырянова она почти любила. Правда, эта любовь ее к начальнику отдела не была да и не могла быть постоянной. Временами Наташа начинала тихо его ненавидеть. Так было, когда Зырянов впервые заговорил с нею о командоаппарате. Оказывается, ей нужно еще рассчитывать и чертить кулачковый механизм командоаппарата, с помощью которого производится настройка и автоматическое управление станком. Командоаппарат находится не в самом станке, а вынесен куда-то там к черту на кулички, и Наташа думала, что это вовсе не ее дело — заниматься кулачками.

Она полагала, что почти закончила работу над станком — в который уже раз! — когда Зырянов преподнес ей этот сюрприз. А тут, как всегда некстати, подошла Позднякова и пренебрежительно так заявила:

— Мне кажется, Иван Семенович, она завянет с головой в этих кулачках. Лучше поручите их кому-нибудь из «старичков».

Наташа тотчас полезла на рожон:

— Лидия Григорьевна, над станком работаю я; а не вы, и мне лучше знать, завязну я или нет!

Позднякова равнодушно пожала плечами.

— Тебе же хотела лучше сделать. Ты не знаешь, какая это кропотливая работа. Ну, пеняй на себя... — и, поджав тонкие, ярко накрашенные губы, отошла.

Зырянов усмехнулся:

— Правильно, доведи уж сама до конца станок. Ничего, все будет хорошо.

Кулачок — это диск с пазами. Он вращается на оси, и по кромке движется ролик. Когда ролик проваливается в паз и когда выскакивает из него, на станок через релейную систему подается соответствующая команда.

Таких кулачков надо было чертить видимо-невидимо, штук шестьдесят: для каждой операции свой кулачок, а то и два. Причем буровые коронки, которые должны обрабатываться на станке, не одинаковы по размерам, и для каждого размера — свой набор кулачков.

Наташа пришла в ужас: это когда же она успеет, ведь сроки и так поджимают! Слезы сами покатались из глаз, защекотали щеки.

И тут подошел Зырянов. Наташа не могла обернуться к нему — стыдно было показать заплаканное лицо. Поэтому она продолжала сидеть спиной к начальнику отдела, пока все слезы не выморгала.

— Что, многого? — спросил Зырянов, заглянув в ее расчеты.

Наташа молча кивнула.

— Обрати внимание вот на что: кулачки на оси, как правило, располагаются по два рядом, и настройка станка производится путем совмещения их пазов. Вот так... — он набросал на бумаге два диска с пазами и показал, как пазы совмещаются. — Ясно?..

— Ясно, — сказала Наташа.

Слезы уже высохли, и она повернулась к Зырянову.

— Так что, — продолжал тот, — кулачков тебе придется чертить, может быть, немного меньше. Главное — ты выбери правильно оптимальные размеры.

Наташа снова любит Зырянова, как родного отца, любит кулачки и нисколько не обижается на Лидию Григорьевну: может, и правда Лидия Григорьевна хотела, как лучше.

Вот и вычерчен первый кулачок. Наташа сама полюбовалась им, показала и Вере Лекаревой:

— Ишь, какой поросенок! Уй ты, миленький мой!

А на другой день, когда она принялась за новый кулачок, с восемью пазами, ей вдруг пришло в голову: а для чего, собственно говоря, нужны восемь пазов? Ведь если рядом посадить кулачки с четырьмя пазами каждый, то, развернув их соответствующим образом, можно получить восьмипазовый кулачок...

Ниточка мысли потянулась дальше: ведь можно посадить рядом и четыре кулачка с двумя пазами каждый, и восемь — однопазовых... Ну-ка, ну-ка!..

Наташа, ужасно волнуясь, подошла к Зырянову, высказала ему свою мысль. Зырянов подумал, подумал и согласился. И выходило, что чертить надо этих самых кулачков всего ничего — штук пять или шесть.

— Ты прямо, как дитя, — добродушно смеивалась над нею Вера Лекарева. — Можно подумать, что эти кулачки — твое собственное изобретение.

— Но ведь мой вариант лучше! — возражала Наташа. — И мне никто его не подсказывал — я сама додумалась.

...Она посмотрела по календарю, сколько еще остается до конца месяца. План «в листах» она должна выполнить. В прошлом месяце немного не дотянула, но на этот раз все как будто складывается удачно.

— Не знаешь, премию нам дадут нынче? — спросила она у Веры.

Вера все знает. Она рада случаю поговорить.

— А мы с Колей вчера гарнитур кухонный купили. Польский.

— Да ну? Польский? — позавидовала Наташа. — Мы с мамой тоже хотим такой.

— Знаешь, совершенно случайно: подходим к мебельному, а там как раз разгружают. Посмотрела — аж сердце зашлось...

— Не могла мне позвонить? Я ведь тут весь вечер была, в институте... — упрекнула ее Наташа. — Ну, да ладно. Ты обедать пойдешь?

— Пойду, — кивнула Вера.

Во время перерыва они идут в столовую.

У Наташи превосходное настроение. Она чувствует себя как-то необычно легко и раскованно. Все хорошо. Все просто замечательно.

И ей немножко жаль Веру, которая «сидит» на деталировке и больше ничего не хочет. Всю жизнь так просидит, и каждый следующий день будет похож на предыдущий. Но ведь Вера довольна своей работой — чего же еще? И все равно немножко жаль ее. Самую чуточку. Именно потому и жаль, что сама Вера не испытывает никакого желания хотя бы одним глазком взглянуть на тот огромный мир, совсем необыкновенный, который находится по ту сторону замкнутого круга ее привычных обязанностей.

Но жизнь — удивительная штука. Прошло еще несколько дней, и все опять переменялось, стало с ног на голову, и уже не Наташа жалела Веру, а Вера, как могла, утешала ее.

А случилось вот что.

За три дня до конца месяца, когда Наташа заканчивала последний лист чертежа и осталось лишь написать спецификацию, к ней подошел Зырянов и каким-то замогильным голосом сообщил:

— Электрики возражают против командоаппарата. Ты пока не переживай — я еще пойду к главному инженеру, буду с ним вести разговор.

Он забрал чертежи общего вида станка и ушел, оставив Наташу в полном недоумении.

Часа через два вернулся — еще более расстроенный.

— Придется ставить конечные выключатели, — хмурясь, сказал он.

— А командоаппарат?..

— Командоаппарат не нужен.

Вот тебе раз! Значит, не нужны и кулачки! Значит, полетели в корзину чертежи, над которыми столько старалась Наташа. Кулачки, ее гордость, ее первая, пусть маленькая победа, оказалась пустым звуком, фикцией.

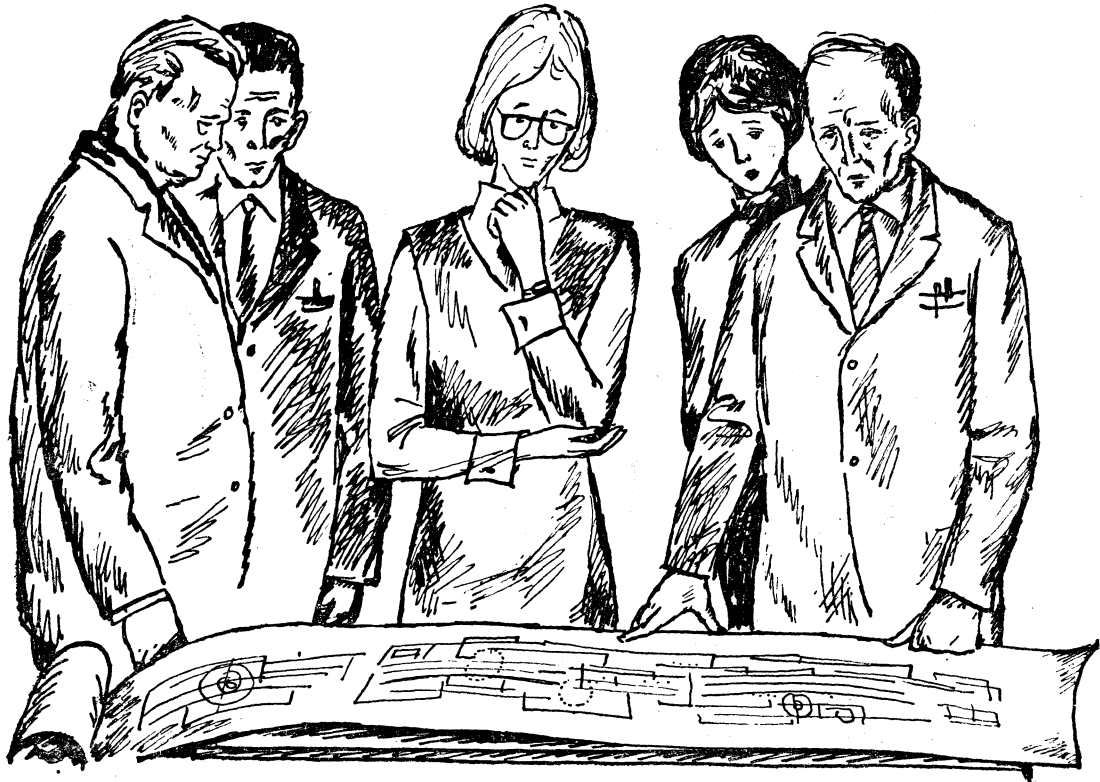
— Видишь ли, — говорил Зырянов. — Я пытался убедить главного инженера в том, что командоаппарат надежнее, чем конечные выключатели, которые чаще выходят из строя. Но электрики нашли свои доводы в пользу конечных выключателей, которые проще в эксплуатации, занимают меньше места, дешевле в изготовлении. Обычная борьба мнений. Ничего не поделаешь, придется тебе еще разок засучить рукава. На этой неделе нужно все закончить...

— Что ж, нужно, так нужно, — сказала Наташа с полнейшим равнодушием.

Ей вдруг показалось, что она потеряла вкус к работе. Чертила то, что от нее требовал Зырянов, листала справочники, рылась в архиве, два раза съездила на опытный завод. Все как-то не задумываясь, словно ее действия были кем-то запрограммированы заранее и она лишь выполняла требуемое. В процессе работы выяснилось, что и ограничительный упор тоже придется убирать. Надо убрать — уберем!

С каким-то злорадным чувством — нате вам! — она налепила на то место чертежа, где был упор, белую заплату из ватманской бумаги и с помощью угольника и карандаша привела чертеж общего вида станка к его первоначальному виду. Только заплатка с пожелтевшими от клея краями напоминала теперь о ее «творчестве».

С кулачками еще она обошлась еще проще: сложила все шесть листов вместе и разодрала пополам, а затем каждую половину еще пополам и, скомкав, сунула в корзину, которая стояла рядом с ее столом.

— Наташа, ты совсем почернела! — испуганно говорила Вера. — Ну, хоть поплачь... Я ведь тебя предупреждала — не берись. Ах ты, несчастье мое! — Она стала гладить Наташу по голове и уговаривала, как ребенка. — Хочешь, вместе останемся после работы — я помогать буду? Сколько тебе листов до плана не хватает?..

Но Наташе ничего не было нужно. Пусть она снова не выполнит план! Пусть ее лишат премии! Пусть!.. Все равно работать она здесь больше не будет, перейдет куда-нибудь в другое место, — инженеры везде нужны, а она не хуже многих других. Вот только доделает эти ненавистные конечники...

Но неожиданно работа вновь захватила ее. Произошло это после одного короткого, почти мимолетного разговора с Зыряновым. Наташа собиралась домой — только что прозвенел звонок, — когда услышала за спиной знакомое покашливание.

Зырянов, чуть склонив голову набок, разглядывал ее чертеж. Как раз в тот момент, когда Наташа на него взглянула, по его лицу скользнула усмешка.

— Что-нибудь опять не так? — резко спросила она.

— Я этого не сказал бы, — спокойно ответил Зырянов,

— А все равно кулачки лучше!

— Вот и хорошо, — кивнул Зырянов и прошел дальше.

Наташе вдруг расхотелось идти домой. Она швырнула сумочку на стол, пододвинула стул ближе к кульману и снова уселась за чертеж.

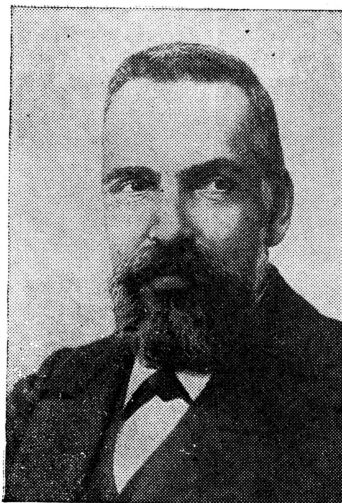
Наконец, наступил день, когда все было закончено и чертежи станка вместе со всей документацией были подписаны главным инженером.

Однако чувство облегчения не пришло. Напротив, Наташей овладело какое-то непонятное беспокойство, словно ничего еще не решилось, а только должно было решиться. Весь вечер она не знала куда себя девать: возьмет книгу — не читается, сядет к телевизору — не смотрится. А ночью не было сна: все думала о том, какое получит завтра задание. Она чувствовала, что не сможет больше заниматься детализовкой.

Утром поднялась раним-рано, пришла в институт, когда отдел еще был закрыт на ключ. Она взяла ключ у вахтерши, отперла дверь, уселась за пустой кульман и с замиранием сердца стала ждать прихода Зырянова, который даст ей новую работу. У нее было такое чувство, что вот сейчас — через двадцать минут — свершится или не свершится чудо, и оттого, свершится оно или не свершится, зависит теперь вся ее дальнейшая жизнь.

ЕГО ЦЕНИЛИ МНОГИЕ

В середине 1870-х годов, в разгар строительства Горнозаводской железной дороги, соединявшей Пермь с Екатеринбургом, много грузов поступало из-за границы и доставлялось на Урал водным путем. Всей транспортной и перевалочной огромного количества строительных материалов и оборудования руководил недавно появившийся здесь энергичный и деятельный «доверенный» Волго-Камского пароходства Николай Васильевич Мешков. Ему в ту пору было 25 лет.

Вряд ли кто предвидел, что этот молодой человек вскоре станет одним из известнейших людей Урала. Его назовут уральским Саввой Морозовым, за границей будут величать «королем Урала», сравнивать с выдающимися торгово-промышленными деятелями Сибири Сибиряковым, Сидоровым, Макушиным...

Перед Октябрьской революцией состояние Мешкова оценивалось уже в 15—16 миллионов рублей. Этот тверской самородок из мещан, почти без всякого образования, стал чуть ли не полновластным хозяином Камы. Он владел большим пассажирским и буксирным флотом, вел крупные опе-

рации по торговле нефтью, мукой, солью и другими товарами. Несколько крупных предприятий, производивших на Урале цемент и другие строительные материалы, также принадлежали Мешкову.

Но вместе с тем, купец Мешков оставил по себе и другую память.

Широко известно, например, его участие в создании Пермского университета — первого высшего учебного заведения на Урале. Он пожертвовал на его организацию полмиллиона рублей и передал для учебных целей огромные корпуса «ночлежного дома» (общежития), только что построенного им же для камских речников. Под канцелярии университета Мешков отдал свой великолепный особняк на набережной Камы (сейчас здесь находится управление Камским пароходством). В день обсуждения в Государственной думе вопроса об открытии университета в Перми депутатам думы и министрам была роздана брошюра «Заря высшего просвещения на Урале — университет в Перми», заказанная Мешковым. Она значительно помогла в решении вопроса.

За заслуги перед университетом Мешков был избран его

первым почетным членом.

Немало студентов Пермского университета и высших учебных заведений других городов учились на средства Мешкова, получали от него стипендии. Особенной поддержкой пользовались студенты, исключенные из учебных заведений за революционную деятельность.

Мешков охотно помогал деньгами и делу революции.

— Николай Васильевич привлекал нас к себе, — пишет в одном из своих писем известная деятельница Коммунистической партии, соратник и помощник В. И. Ленина, Лидия Александровна Фотиева, — своей отзывчивостью, сердечным отношением к молодежи, горячим интересом и сочувствием ко всему прогрессивному, передовому... С ним были связаны члены ЦК нашей подпольной партии. Давая деньги для нужд партии, он только говорил: «спасибо, что доверились».

Пермское губернское жандармское управление в 1901 году доносило своему столичному начальству, что летом этого года в Перми состоялся Педагогический съезд или «Учительские повторительные курсы народных учителей» и что «Мешков пожертвовал зна-

Снимок прислан краеведом А. К. Шарцев (г. Пермь)

чительную сумму на устройство названного съезда, предоставил свою квартиру для устройства одной из сходок... Некоторые сходки, в целях конспирации, устраивались под видом увеселительных загородных прогулок... Для помянутых... загородных прогулок он предоставлял один из своих пароходов».

По этому делу 7 марта 1902 года в доме Мешкова по-

лиция произвела обыск, а сам он был арестован.

Но деньги и большие связи выручили — под залог в 10 тысяч рублей его освободили, хотя долгое время еще держали под гласным надзором полиции.

С полицией Мешкову пришлось иметь дело еще не раз. Известно, что в 1905 году он материально поддержал забастовавших пермских железнодоро-

рожников и снова имел «неприятность».

Есть и еще одна интересная сторона в деятельности этого неутомимого человека, которая осталась почти неизвестной. В 1911—1917 годах Мешков на свои средства вел детальные изыскания для задуманного строительства железной дороги от Оренбурга вдоль Западного Предуралья в Печорский край. Написанное им в 1919 году экономическое обоснование строительства дороги сделало бы честь его автору и в наши дни. Оно характеризует Мешкова как человека, отлично понимавшего значение проектируемой железной дороги для Оренбургской, Уфимской, Пермской и Вятской губерний, для Печорского края и Туркестана, как патриота, болеющего нуждами своей родины.

Хорошо знали Мешкова в революционные годы не только Л. А. Фотиева, но и Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский. В числе его близких друзей был брат Я. М. Свердлова, Вениамин; выдающийся металлург России В. Е. Грум-Гржимайло, академик С. А. Чаплыгин. Встречались с ним и ценили его М. Горький, Ф. Шаляпин, А. Куприн и многие другие деятели культуры.

По свидетельству Л. А. Фотиевой, о деятельности Мешкова знал и В. И. Ленин. Именно с его согласия вскоре после Октябрьской революции Николаем Васильевичем был назначен консультантом по Волго-Камскому бассейну в Наркомате путей сообщения.

Умер Н. В. Мешков в возрасте 82 лет в Москве 19 июля 1933 года.

Р. РАБИНОВИЧ

Станислав ГАГАРИН

Рисунки Е. Стерлиговой

НЕСЧАСТНЫЙ случай

Приключенческая
повесть

Нашелся плащ

Ветров стоял на носу морского охотника, неслышно идущего в густом тумане к притаившемуся, невидимому вражескому берегу, и ждал, когда шепотом переданная команда заставит его покинуть небольшую палубу катера и прыгнуть в ледяную воду, в неизвестность.

Самым трудным было заставить себя перемахнуть борт и ринуться в черную воду. Потом будет скалистый берег, приглушенные вскрики часовых, снятых ударами ножей, неожиданные для врага разрывы гранат и автоматные очереди. Все это будни разведчиков, он к этому привык, если только вообще можно привыкнуть к шагающей рядом смерти, но вот к ледяной воде старшина Ветров привыкнуть никак не может...

Наконец, шепот донес до него команду командира отряда, капитан-лейтенанта Бирюкова. Ветров всегда высаживался первым, и никто не знал, как боится разведчик холодной воды.

Он перебросил одну ногу через леерное ограждение, потом поставил рядом вторую, подобрался и прыгнул...

Юрий Алексеевич проснулся, но глаз не открывал. Он сразу вернулся в действительный мир и подумал, что сон этот останется с ним, Ветровым, до конца его дней.

Начало см. № 6.

Из кухни послышалось, как вода бьет из крана в кофейник. Жена поднялась раньше и готовила завтрак. Ветров рывком поднялся в постели, опустил ноги на коврик, потрогал пальцами шершавую поверхность его и двинулся по комнате, разводя руки в стороны.

Жена Ветрова, Вера Васильевна, заглянула в комнату.

— Вчерашний хмель выгоняешь? — улыбаясь, спросила она.

— Какой там хмель, по рюмке выпили в баре, да и то один голландец пристал. Хочу, мол, с русскими моряками выпить... Не будешь же объяснять ему, что мы сидим в баре при исполнении служебных обязанностей.

— А чего это тебя в Интерклуб потянуло? — скорее из женской привычки к расспросам, чем из желания услышать ответ, спросила Вера Васильевна. Она знала, что Ветров никогда не делится с ней служебными новостями, успела с этим свыкнуться.

— Надо было, Веруша, надо, — ответил Юрий Алексеевич. — А ты все же учуяла вчера...

— Как же, — откликнулась уже из кухни жена. — Иди мойся да будем завтракать. Хочу сегодня пораньше в школу заглянуть. Мои питомцы какой-то сюрприз готовят к празднику, ко дню флота.

— Школа-то, поди, на ремонте, где вы соберетесь, шли бы к нам домой, — сказал Ветров.

— А у нас встреча только там. Потом, конечно, к нам пойдем, а может быть, погуляем,

дни-то какие, для нашего города — великая редкость.

Вера Васильевна преподавала литературу в школе. Своих детей у Ветровых не было, и она часто задерживалась в школе, ходила со своим классом в походы, иногда майор заставлял дома с десятком мальчишек и девчонок, они читали стихи, делали стенгазету или репетировали пьесу.

«Тебе легче, — подумал Ветров о жене, продолжая делать гимнастику, — тебе о сюрпризе ребята сегодня расскажут, но мне мое дело никто на блюдечке с синей каемочкой не преподнесет... А утром — доклад у полковника Бирюкова...»

С Василием Пименовичем Бирюковым Ветрова связала война. Юрий Алексеевич был старшиной в отряде специального назначения, которым командовал капитан-лейтенант Бирюков. Отряд совершал лихие рейды в тылу у немцев, проводил диверсионные и разведывательные операции, высаживаясь с моря на побережье.

Перед окончанием войны Бирюков был неожиданно отозван в Центр, и следы его для Ветрова потерялись. А Юрий Алексеевич демобилизовался и остался в Поморске. По путевке райкома партии он пришел на работу в милицию, окончил Всесоюзный юридический заочный институт, отличился в уголовном розыске как мастер по раскрытию запутанных преступлений. Его уже собирались было забрать в Москву, но тут приехал в Поморск бывший командир отряда, теперь уже полковник Бирюков, возглавил местное управление государственной безопасности. Он-то и уговорил Ветрова перейти на работу в комитет. И дело радиста Оскара Груннерта было первым крупным заданием, за которое взялся молодой контрразведчик. Впрочем, могло оказаться, что убийство радиста было заурядным уголовным преступлением, не больше...

— Да, это возможно, — подтвердил полковник, когда Ветров закончил доклад о всех проделанных вчера первоначальных следственных действиях. — Но не исключено, что тут совсем другое... Сегодня уже звонили из Москвы. Там держат расследование этого дела на особом контроле. История с убийством радиста может принять неприятный оборот. Москва спрашивает, не нужна ли ее помощь...

— А чем они могут помочь? — недовольным тоном произнес Ветров. — Что мы тут слепые, что ли?

— Ты не кипятись, от помощи не надо отказываться... Но я сказал, что пока мы справляемся сами. Давай-ка посмотрим, что вы с парнями из уголовного розыска не успели еще сделать... Сосредоточим внимание на двух неясных деталях: бутылке и плаще.

— С бутылкой — запутанное дело, — сказал Ветров. — Следы пальцев барменши и радиста на бутылке мы нашли. На горлышке след неясный, смазанный. Дактилоскописты из НТО утверждают, что этот след может принадлежать кому угодно, но только не радисту. На горлышке отпечатался большой палец правой руки, а у Груннерта через капилляры этого пальца проходит шрам, который оставляет характерный след. Значит, за горлышко схватил бутылку и опустил на неизвестную голову кто-то другой, не радист. Уже это может свидетельствовать, что в деле был некий третий, скажем, «Игрек».

— А следы на горлышке? Эксперты не могут точно идентифицировать эти отпечатки?

— Нет, они только подтвердили, что это следы не Груннерта, из-за шрама. Не будь шрама, мы были бы в полном неведении, а так хоть это знаем. Мы незаметно взяли отпечатки пальцев у Элерса и Хилльмера, но раз номер с бутылкой не прошел, их дактилограммы нам пока ни к чему.

— Кстати, что дал обыск в каюте радиста?

— Ничего существенного. Я хотел подвергнуть осмотру каюты стюарда и боцмана, но без разрешения капитана судна этого сделать нельзя, а идти объясняться к нему, значит, объявить, что мы подозреваем этих двоих. Я ждал доклада, чтобы посоветоваться с вами.

— Вы правы, — сказал полковник, — тут надо деликатно... Хорошо, я даю «добро», но вам придется заняться этим лично. Убедите капитана Шторра, что такой осмотр необходим. Но эти двое ничего не должны знать.

— Сделаем, товарищ полковник... Да, вчера мы выявили всех, кто обращался в поликлиники и медпункты города по поводу ранения головы. Их оказалось четверо мужчин и одна женщина. Все они проверены, но тут мы потянули пустышку. Травмы получены при свидетелях, исключающих причастность к этому делу.

— А тот таинственный англичанин? Что думаете делать с ним?

— В эту версию я мало верю, Василий Пименович. Судите сами. По словам Хилльмера, англичанин после предложения боцмана поискать другой столик встал и ушел. Напомню, что это предложил англичанину не Оскар Груннерт, а Хилльмер. Радист, как раз наоборот, предложил англичанину выпить с ними, так что у того не должно было возникнуть недобрых чувств к Груннерту. И вот радист возвращается. Трудно предположить, что увидев его снова в баре, пьяный англичанин, ни слова не говоря, выходит следом или пораньше и убивает Груннерта. А если б они стали ссориться в баре или в коридоре, это не осталось бы незамеченным в Интерклубе.

— Верно, — сказал Бирюков. — Но вы все-таки не отбрасывайте эту версию. Возможно, они столкнулись у входа, когда их никто не видел... Но вы не успеете побывать на английском судне, вам надо идти на «Пиккенпек». Найдите кого-нибудь для этой цели.

— Может быть, капитан Корда...

— Ну, хотя бы и он. Кстати, как вам работается со старыми знакомыми?

— Прекрасно, Василий Пименович.

— Тогда все хорошо, Юрий Алексеевич, — сказал полковник. — Теперь перейдем к плащу. Что вы скажете по поводу его исчезновения?

Полковник Бирюков откинулся в кресле и приготовился слушать. Но едва Ветров собрался с мыслями, на столе начальника управления низко зарокотал один из телефонов.

— Да, это я, — сказал полковник, сняв трубку. — Здравствуй, здравствуй. Нет, пока ничего. Ведь дело-то у вас, я у тебя о новостях должен спрашивать... Он здесь, у меня. Интересно... Хорошо, сейчас он будет.

Бирюков положил трубку и глянул на настоящего майора.

— Юрий Алексеевич, — сказал он, — звонил начальник управления внутренних дел. Плащ радиста нашелся...

Алиби Виктора Надеина

— Зовут меня Наталья Степановна, а по фамилии Надеина... Работаю в торговом порту стивидором¹. Нет, сегодня у меня выходной, на работу мне не надо. А с плащом этим вот как получилось. Вчера вечером пришла я домой со смены, гляжу, а Виктора, это сын мой, нету. Ну, думаю, в кино, верно, пошел или с ребятами гуляет... Вскоре приходит Виктор, чаю попил, потом одевает пиджак и собирается идти. Я была в комнате, а тут меня что толкнуло — выглянула в коридор. И увидела, что он со свертком на улице собрался. «Что это у тебя, Витя?» — спрашиваю. Он смутился. Молчит. Я сверток у него из рук, развернула, а там вот этот плащ!.. Ну я, конечно, взяла его, Виктора, в оборот: откуда плащ и прочее. А он мне в ответ одно лишь твердит: «Нашел на улице». А зачем, спрашиваю, из дома сейчас несешь? Хотел, говорит, ребятам отдать, чтоб не держать дома. Тут у меня разные мысли пошли, не поверила я сыну, какой это растапа плащ потеряет, тут не иголка, плащ... Сегодня, говорю, поздно, а завтра носи плащ в милицию. На улицу Виктора не пустила, а утром решила сама вам отнести и все рассказать... Отнесла в наше отделение, а оттуда меня сюда привезли.

— Где ваш сын сейчас? — спросил капитан Корда.

— Он на работе, на судостроительном заводе.

Подполковник Нефедов посмотрел на Бессонова, тот понимающе наклонил голову и вышел из кабинета.

— Ему восемнадцать лет уже? — спросил майор Ветров, который успел прибыть в уголовный розыск к началу допроса Надеиной.

— Да, исполнилось недавно. После восьмилетки отдала его в профтехучилище, теперь токарем работает.

— А раньше вы не обнаруживали в квартире вещей, не принадлежащих вашей семье?

— Нет, такого не случилось...

Алексей Николаевич Корда продолжал задавать вопросы Надеиной, а Ветров и Нефедов перешли в другую комнату.

— Что думаешь по этому поводу, майор?

— Посмотрим на парня, поспрашиваем его...

— Сейчас Надеина приведет Бессонов. Может быть, пацан и не убивал, что-то не вяжется, но на след с его помощью можно и выйти.

Дверь открылась, и вошел Корда.

— Закончил с Надеиной? — спросил Нефедов.

— Пока оставил ее. Пусть посидит, подождет, когда привезут сына. Надеина показала сейчас, что в день убийства радиста они с сыном ездили за город, к родственникам и даже остались там ночевать.

— Куда ездили?

— В Мурмано.

— Ты послал кого-нибудь туда?

— Уже выехал Вася Елин, — ответил Корда. — На вашей машине...

— Никаких новых указаний от своего шефа не получил, Юрий Алексеевич? — спросил начальник уголовного розыска у Ветрова.

— Советует обыскать каюты боцмана и стюарда. Надо бы мне официальное удостоверение от вашей фирмы...

— Это мы сделаем. А он прав, стоит там покопаться. Аккуратно, конечно... Ох, и не люблю я дел, когда замешаны иностранцы, — вздохнул Нефедов.

— А что делать, — сказал Ветров. — Разве что просить перевода в другой город, где их не бывает...

— А того англичанина искать будем? — спросил капитан Корда.

— Надо бы, — сказал Нефедов.

— Англичанина дайте мне, я его поищу по словесному портрету.

— Давайте пока подождем Виктора Надеина, — предложил Нефедов. — Глядишь, через него и ниточку обнаружим...

Привезенный в управление внутренних дел Виктор Надеин на допросе рассказал, что плащ, — на нем была даже метка с инициалами Груннерта, это позволило не обращаться лишний раз на «Джулиус Пиккенпек», — он нашел, якобы, на улице, когда утром пятнадцатого июля шел на работу.

— Он лежал в придорожной канаве, — сказал Надеин. — Сначала я думал, что это тряпка, но потом поднял и увидел совсем новый плащ. Импортный... Ну, и взял. По дороге купил в киоске газету, завернул в нее. Когда вернулся домой, то сначала спрятал плащ, а потом договорился во дворе продать его Тимке Фрею...

— Кому-кому? — спросил Ветров.

— Ну, Короткову Тимке. Это его так зовут — «Фрей». Он всегда покупает иностранные штучки...

— Значит, решил продать? Но это же не твоя вещь, Виктор...

— Но я ведь нашел плащ, — возразил Виктор.

— А про такую контору — бюро находок — ты слышал? — спросил Нефедов.

— Слышал...

Виктор покраснел и опустил голову.

Когда установили действительность их несостоявшейся сделки с Коротковым, любителем заграничного тряпья, и факт пребывания Надеиных во время убийства радиста в Мурмано, — оттуда позвонил старший лейтенант Елин, — мать и сына отпустили, но Нефедов, тем не менее, крепко отчитал Виктора в присутствии Натальи Степановны, разъяснив ему, что присвоение находки тоже уголовное преступление.

Было ясно, что к убийству Виктор Надеин не причастен, но всех мучила мысль о том, как плащ оказался на полдороге между местом убийства и проходной порта.

— Если плащ подобрал убийца, нес его, а потом бросил, — размышлял майор Ветров, — значит, он шел в порт.

— Опять все дороги ведут туда, — сказал Нефедов. — Надо искать в порту.

*„Пусть бог пошлет нам
танкер...“*

После нападения на «Адмирала Ричардсона» Эрнст Форлендер отвел субмарину к высоким берегам Норвегии, чтобы лодку, хорошо видимую с воздуха, не смогли обнаружить самолеты. Он не знал, что на погибшем корабле не заметили

¹ Руководитель грузовых работ.

ни следа движущейся торпеды, ни самой субмарины, что в эфир никакого сообщения о появлении «Зигфрида-убийцы» не поступило. И Форлендер считал необходимым переждать несколько дней на тот случай, если в район гибели «Адмирала Ричардсона» ринутся корабли противолодочной обороны и самолеты, вооруженные глубинными бомбами.

Но субмарина имела ограниченные возможности.

Топливо было на исходе, кончались продукты питания, без пополнения припасов уже нечего было думать о переходе в Южную Америку, да еще кружным путем.

«Зигфрид-убийца» затаился у норвежского побережья и ждал новую жертву.

— Нам нужен танкер, — сказал фрегатен-капитан Эрнст Форлендер Шеллингу, — ни больше и ни меньше... И взять его необходимо так, чтоб не навлечь на себя свору охотников.

— И ты уже придумал? — спросил штандартенфюрер.

— Пусть бог пошлет нам танкер, а как с ним справиться — это моя забота, — ответил командир субмарины.

У него оставалась еще одна торпеда, но применение ее в данной ситуации, разумеется, исключалось. Танкер нужен был Форлендеру целехоньким.

Можно было всплыть и, заставив судно остановиться, высадить на него группу захвата, арестовать команду, закачать в лодку топливо, а затем спокойно отправить танкер на дно.

Но Форлендер не был уверен в том, что все корабли бассейна Северного моря не получили предупреждения о пиратствующей лодке и что с танкера его не встретят огнем. К тому же капитан судна немедленно сообщит о нападении, и сюда отовсюду набегут смертельные враги субмарины.

Нет, и этот план не годился. Форлендер подготовил нечто другое, позволяющее свести риск для «Зигфрида-убийцы» до минимума.

...Вахтенный штурман танкера «Шетланд айлс» Питер Лейтон заметил правее курса две точки на поверхности и доложил об этом капитану. Когда Эдмунд Грей, капитан танкера, появился на мостике над морем, в том месте, где виднелись неясные предметы, взмыла красная ракета — сигнал бедствия.

— Десять градусов право! — скомандовал Эдмунд Грей.

Вскоре с танкера увидели на воде две резиновые лодки, на которых были люди. Они размахивали руками и кричали, призывая на помощь... «Шетланд айлс» застопорил машину, люди на лодках что есть силы налегали на короткие весла, подгребая к борту. Уже сброшены шторм-трапы и ободряюще кричат моряки танкера. Еще несколько минут, и спасенные люди, хватаясь за протянутые им руки, один за другим поднялись на борт корабля.

И опять, как в случае с «Адмиралом Ричардсоном», никто в суматохе не заметил перископа подводной лодки. Впрочем, это можно было понять. Война окончилась, круговое наблюдение за горизонтом вести перестали, да тут еще спасательные работы сосредоточили на себе внимание команды.

И Эрнст Форлендер, злорадно ухмыляясь, наблюдал, оставаясь невидимым, как осуществляется его план. Перехватив сообщение о выходе

танкера с грузом топлива для бункеровки английских военных кораблей, Форлендер выбросил на курсе следования танкера свою специальную группу на двух резиновых лодках. Группой командовал лейтенант Курт Завадски.

Изображая потерпевших кораблекрушение моряков, пираты, вооруженные короткими автоматами, пистолетами и ручными гранатами, должны были проникнуть на борт танкера и, уловив подходящий момент, захватить судно. Когда с экипажем будет покончено, Курт Завадски, а если он погибнет, то его помощник, даст серию красных и желтых ракет. Тогда лодка всплывет и спокойно пришвартуется к борту «Шетланд айлс», чтобы принять топливо.

Пока все шло так, как было задумано. Головорезов с «Зигфрида-убийцы» приняли на борт танкера, который продолжал следовать своим курсом, не подозревая о страшной опасности, нависшей над ним.

Субмарина неотрывно двигалась за танкером, держа его в поле зрения.

Прошел час, начался второй, но условленный сигнал не появлялся.

Эрнст Форлендер нервничал.

— Чего они тянут? — сказал он. — Пора кончать...

— Может быть, лейтенант никак не выберет подходящий момент... Не волнуйся, Эрни, — успокоил Форлендера Густав Шеллинг.

— Девять таких молодцов с автоматами — они уже сами по себе подходящий момент, — сказал командир. — Но нам ничего другого не остается, как ждать.

— Вот именно, — подтвердил штандартенфюрер.

Когда начался четвертый час ожидания, сменивший командира у перископа старший рулевой Клаус Шмеккер вдруг закричал:

— Господин фрегатен-капитан! Он меняет курс!

Эрнст Форлендер прижался к окулярам перископа и увидел, как «Шетланд айлс» разворачивается и ложится на обратный курс.

— Что случилось? — спросил Шеллинг.

— Он возвращается, что-то произошло, — ответил командир.

— Наверно, Курт сделал свое дело...

— Но где же сигнал?

В овальном проеме двери, ведущей из отсеков лодки в центральный пост, показался радист.

— Господин фрегатен-капитан, — сказал он, — я перехватил радиogramму с этого корабля. Вот текст.

Форлендер схватил листок с текстом радиogramмы.

— Проклятье! — воскликнул он. — Танкер возвращается на базу и радирует о том, что он обнаружил неизвестную субмарину. Просит выслать конвой...

— А что же Курт? — спросил Шеллинг.

— Курт, Курт... Откуда я знаю! Шмеккер, включите сигнал боевой тревоги!

— Что ты собираешься делать, Эрни? — вскричал штандартенфюрер. — Не забывай, что я тут с секретной миссией...

— Твоя миссия, дорогой Густав, давно окончена. Здесь командир я! Приготовить торпедные аппараты!

Подводная лодка по кличке «Зигфрид-убийца» выходила на боевой курс. Эрнст Форлендер был прекрасным подводником. Он знал,

что у него последняя торпеда, и промахнуться он не имеет права.

Рассчитав торпедный треугольник, он отдал команду. Субмарина вздрогнула, освободившись от груза, возник и потянулся хвостом за торпедой ее след.

На танкере заметили торпеду слишком поздно. Оглушительный взрыв потряс корпус танкера «Шетланд айлс». Взрыв был сильнее, чем следовало ожидать. Эрнст Форлендер совершенно напрасно выбрал этот корабль для нападения. Он неверно расшифровал перехваченную радиограмму. На танкере «Шетланд айлс» было топливо, но не для кораблей, а для заправки самолетов. Тысячи тонн авиационного бензина не могли бы выручить субмарину.

А сейчас они многократно усилили взрыв, воспламенивший море.

Что произошло на танкере, так и осталось загадкой.

Эрнст Форлендер убрал перископ, всплыл, выйдя в позиционное положение, и взял курс на север, стремясь как можно скорее уйти от бешававшего на воде пламени.

Вскоре зарево осталось за горизонтом. Внизу стучали дизели, сжигая последние запасы топлива. Но заряжались аккумуляторы, которые были нужны, если придется уходить от погони под воду.

Угрюмый Форлендер стоял на мостике рубки и смотрел, как растут на море белые барашки, и все темнее и темнее становится небо.

Надвигался шторм.

Капитан Шторр разгневан

Юрий Алексеевич Ветров еще с минувшей войны хорошо знал немецкий язык, постоянно практиковался в нем и поэтому решил идти на теплоход «Джулиус Пиккенпек» без переводчицы.

Капитана Фридриха Шторра он не застал на борту, но его старший помощник, моложавый моряк непомерно высокого роста, предупредительный и вежливый, — звали его Отто Зульцер, — предложил Ветрову подождать капитана в своей каюте.

— Герр капитан должен прибыть с минуты на минуту, — сказал Зульцер.

Погрузка на «Пиккенпек» уже подходила к концу. Трюмы теплохода наполнялись последними тоннами руды, и если б не загадочное убийство радиста Груннерта, корабль уже сегодня в ночь покинул бы Поморск. А теперь его отведут на рейд, где «Пиккенпек» бросит якорь и будет ждать преемника Груннерта.

Старпом оставил Ветрова в каюте, предло-

Ботинки Элерса

жив сигареты, напитки и извинился за то, что покидает гостя, так как ждут дела.

Через четверть часа он, однако, вернулся и сообщил о прибытии капитана.

Разговор с Фридрихом Шторром не занял у Ветрова много времени. Капитан любезно принял его и, узнав, что тот хочет осмотреть каюты боцмана Хилльмера и стюарда Элерса, поколебавшись несколько, пригласил к себе старшего помощника.

— Вот что, Зульцер, — сказал капитан, — этот господин из русской криминальной полиции должен видеть каюты Хилльмера и Элерса. Один только бог ведает, что он намеревается там найти, но если это поможет отыскать убийцу Груннерта, я готов позволить сделать обыск в собственной каюте. Отшлите боцмана и стюарда по каким-нибудь делам на пирс, а потом откройте каюты для этого господина своими ключами...

— Я бы хотел, чтоб герр Зульцер оказал мне любезность и согласился присутствовать при осмотре, — сказал Ветров.

— Окажите эту любезность, Зульцер, окажите... А пока я хочу предложить вам, герр следователь, рюмку-другую доброго коньяка...

Спустя час с небольшим майор Ветров в сопровождении старшего помощника вновь вошел в каюту Фридриха Шторра. В руках Юрий Алексеевич держал средних размеров пакет.

— Это я нашел в каюте Элерса, — начал Ветров, — его ботинки. Я прошу вас, герр Шторр, держите мой визит в тайне от экипажа...

— Да, да, я понимаю, — сказал капитан. — Но ботинки Элерса...

— Я обо всем поставлю вас в известность, герр капитан, а сейчас извините меня, но я вынужден просить вас дать распоряжения последовать вашему стюарду Йоганну Элерсу вместе со мной на берег.

— Вы хотите его арестовать? — вскричал Фридрих Шторр. — Вы считаете, что Йоганн — убийца?

— Ну что вы, герр капитан, зачем так сразу, — укоризненно сказал Ветров. — Мы хотим выяснить кое-какие обстоятельства, связанные со смертью вашего радиста.

— Простите, герр следователь, но мне это порядком надоело, — сердито заговорил капитан. — Я прихожу в ваш порт за рудой на мирном судне, у меня убивают радиста, целый день вчера вы держали у себя двух членов моего экипажа, теперь забираете стюарда снова... И это вместо того, чтобы искать убийцу бедного Оскара! Вы попустительствуете вашим гангстерам и мешаете свободному торговому судоходству! Я вынужден стоять в вашем проклятом Поморске до тех пор, пока из Федеративной республики не прибудет новый радист!.. Вы...

— Извините, герр капитан, — мягко остановил Шторра майор Ветров. — Мы понимаем вас и с уважением относимся к вашим чувствам. Но, как вы знаете, закон есть закон. Интересы следствия требуют разговора с вашим стюардом в моем служебном кабинете, поэтому я прошу...

— Ах, оставьте меня, — сказал Шторр и устало махнул рукой, опускаясь в кресло. — Заберите Элерса ко всем чертям. Только, скажите ему, Зульцер, пусть он оставит кого-нибудь за себя понадежнее. Второй день мои офицеры едят кое-как, и кают-компания превратилась в харчевню...

Нина Самойлова шла по Верхне-Портовой улице, направляясь к зданию управления внутренних дел, куда ее снова пригласили для участия в допросе свидетелей.

«Сказать надо, — думала она, — а может быть, не стоит? Будут смеяться, мол, тоже еще Шерлок Холмс в юбке... Собственно, ничего тогда особенного не произошло. Они ведь спрашивали, не видела я чего-нибудь странного в поведении этих людей. А я ничего и не видела. Правда, тот случай просто забыла, да, впрочем, ничего в нем странного и не было. По-моему так...»

Она не успела окончательно решить, как следует поступить. Сзади послышался скрип тормозов. Нина обернулась и увидела остановившуюся «Волгу». Дверца машины приоткрылась, и капитан Корда жестом пригласил девушку в кабину.

— К нам, наверно? — спросил Алексей Николаевич, когда Нина Самойлова села с ним рядом, позади водителя.

— Да вот, позвонили, — ответила она. — Попросили прийти.

— Вы, Нина, молодец, — сказал Корда. — Крепко помогаете нам...

Нина не ответила. Она снова подумала о том, что надо обо всем рассказать, неважно, если сведения и не нужны этим людям, и лучше пусть выслушает этот человек с усталыми глазами, к нему она чувствует особое доверие, он не станет смеяться над ее подозрениями.

— Алексей Николаевич, — начала переводчица. — Хочу вам сказать... Я кое-что вспомнила про тот вечер в Интерклубе...

Когда Корда и переводчица вошли в кабинет Нефедова, там был уже Ветров.

— Вот и хорошо, что вы прибыли, — сказал он Нине. — Сейчас допросим Элерса. Очень важный с ним будет разговор.

— Но ведь вы, Юрий Алексеевич, хорошо знаете немецкий, — возразила Нина.

— Да, но я-то знаю его неофициально. Мало ли что, могу ошибиться, не так перевести, а это используют потом как зацепку. А ваше участие в деле мы фиксируем особым протоколом.

— Давайте сюда Элерса, Алексей Николаевич, — попросил Нефедов. — Ну, что у тебя с англичанином?

— Липа, — сказал Корда. — Нет там такого...

— Гм, — хмыкнул Нефедов. — Может, он на другом судне есть?

— Сейчас в порту только одно английское судно, — сообщил Юрий Алексеевич. — Хотя англичанин может быть в составе экипажа кораблей, приходящих под другим флагом... Ладно, потом займемся этим. Сейчас главное — Элерс.

Когда привели Элерса, Нефедов вежливо предложил ему сесть и задал первый вопрос.

— Скажите, Элерс, вы никогда не ссорились с Груннертом?

— Нет, мы всегда ладили с Оскаром...

— А с другими членами команды «Пиккенпека»?

— Всякое бывает, но, кажется, врагов у меня нет.

— А если кто-либо смертельно оскорбил вас, вы не смогли бы пустить в ход нож, который мы нашли в кармане вашего пиджака и с которым вы никогда не расстаётесь?

— Не думаю, герр следователь...
— А если бы пришлось защищаться от нападения?

— Не знаю... Может быть...
Элерс испуганно смотрел на подполковника, пытаясь понять, к чему тот клонит.

Наступила пауза. Вопросов Элерсу больше не задавали. Прошла минута, вторая, третья. Стюард нервно заерзал на стуле.

Вдруг майор Ветров поднялся и вплотную подошел к Элерсу.

— Ну вот что, — быстро проговорил он. — Хватит валять дурака, Элерс. Посмотрите сюда!

Юрий Алексеевич резко сдернул лежащую на столе газету. Элерс отшатнулся. Это были его ботинки.

— Это ваша обувь?

— Да.

— Так вот, на правом ботинке обнаружена человеческая кровь. Как она могла попасть туда? Отвечайте!

Побледневшее лицо Элерса медленно наливалось краской. Он обвел всех глазами и улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь, Элерс? — спросил Ветров.

— Этих ботинок я не видел уже три дня. Их принесли мне только сегодня утром, — ответил стюард и облегченно вздохнул.

— Кто их брал у вас? — спросил Нефедов, когда Нина Самойлова вполголоса перевела ему и Корда ответ Элерса.

— Боцман Вернер Хилльмер.

Корда, Ветров и Нефедов, в упор смотревшие на Элерса, отвели от него глаза и переглянулись.

Да, у этого бородача, рослого здорового мужчины, были непропорционально маленькие ноги, и ботинки коротышки Элерса приходились ему впору.

Почему Хилльмер оказался в ботинках стюарда? Это Элерс тотчас объяснил. Боцман, якобы, сильно поцарапал свои ботинки о металлический трап и одолжил обувь у стюарда, чтобы выйти в город в приличном виде...

Работники уголовного розыска попросили Элерса задержаться на случай, если понадобится проведение очной ставки с Хилльмером.

Когда за Элерсом закрылась дверь, Корда сказал:

— А теперь, до того как мы примем решение, пусть Нина повторит то, что рассказывала мне о встрече боцмана Хилльмера с таинственным незнакомцем в Интерклубе...

— Да, еще загадка, — произнес Нефедов, когда переводчица закончила свой рассказ. — Вы сумели бы опознать того человека?

— Думаю, что смогла бы, — ответила Самойлова.

— Все это далеко не в пользу боцмана, — сказал Ветров. — Зачем он скрыл это на допросе?

— И англичанина выдумал, — сказал Корда. — Нет такого, чует мое сердце...

— Что ж, надо его задержать. Опять ехать в порт... Может, ты, Юрий Алексеевич? — спросил Нефедов.

— Так просто, без соответствующих санкций, капитан «Пиккенпека» не захочет со мной говорить...

— Хорошо, — решил Нефедов. — Соберем все, что имеем, захватим Элерса, как свидетеля,

Нину и махнем к прокурору. Сам поеду. Буду просить санкцию на задержание Хилльмера. Улик, вроде, хватает. Ложь на допросе, потом кровь на ботинках — пусть он нам на все даст вразумительный ответ.

Выстрелы в машинном отделении

Вторые сутки неистовый зюйд-вест, соединяясь с Гольфстримом, гнал беспомощный траулер в северо-восточном направлении.

Вода залила машинное отделение, но вскоре течь прекратилась и судьба отпустила еще какое-то время фрегатен-капитану Эрнсту Форлендеру, рулевому Клаусу Шмеккеру и еще трем матросам с подводной лодки.

Кроме них да еще трех трупов, на старом норвежском траулере никого не было.

После неудачной попытки захватить танкер Эрнст Форлендер понял, что для субмарины все решено. У нее не было возможности совершить трансатлантический переход из-за отсутствия топлива, а попытаться напасть на другой танкер командир «Зигфрида-убийцы» не решался. Он считал, что его присутствие в Северном море открыто и лодку ищут повсюду.

Посоветовавшись с Шеллингом, Форлендер задумал захватить какое-нибудь рыболовное судно, уничтожить лодку, а самим пробираться к испанскому берегу, где можно было найти приют. Во всяком случае, Густав Шеллинг, похлопывая по стальному походному сейфу, с которым он прибыл на борт субмарины, говорил, что в Испании с содержимым этого ящичка им будет совсем неплохо. Конечно, там не так спокойно, как в Аргентине, но можно пересидеть смутное время и за Пиренеями.

Однако, штандартенфюреру не суждено было когда-нибудь еще раз заглянуть в свой сейф...

Шторм не вошел в полную силу, когда с мостика низко сидящей подводной лодки заметили ходовые огни ведущего промысел траулера. Субмарина вплотную подошла к рыбакам, четверо матросов перепрыгнули на палубу траулера и через несколько минут все было кончено.

Когда трупы рыбаков сбросили в море, Форлендер и Шеллинг перебрались в рубку траулера. Клаус Шмеккер обрубил рыболовные снасти, чтоб они не мешали движению.

— Что ты думаешь делать с лодкой, Эрни? — спросил штандартенфюрер.

— Сейчас увидишь, дорогой Густав, сейчас увидишь, — сказал Форлендер и посмотрел на часы. — Эй, Генрих! — крикнул он выбравшемуся из машинного отделения траулера механику Шульцу. — Как двигатель?

— В порядке, господин фрегатен-капитан. Можно запускать...

— Тогда давай вниз. Приготовьтесь дать ход.

Шульц исчез в машинном отделении.

Форлендер позвал одного из матросов и приказал отдать швартовы. Потом он крикнул своему помощнику Максу Крюгеру, который оставался на мостике субмарины:

— Хотим опробовать двигатель! Оставайтесь в дрейфе, подрабатывайте на ветер! Скоро мы к вам подойдем!

Он дал ход. Траулер заскользил вдоль длинного узкого корпуса субмарины и, ускоряя движение, покачиваясь на разгулявшейся волне, пошел вперед. Форлендер поставил траулер против ветра и передал штурвал Клаусу Шмеккеру.

— Держите на норд-ост, — сказал командир и дал полный ход.

Они прошли этим курсом минут двадцать, потом Форлендер застопорил двигатель. Теперь слышны были лишь порывы усиливающегося ветра и удары волн в округлую корму траулера.

Прошло еще минут пятнадцать, и ветер принес звук далекого взрыва. Форлендер стащил с головы берет.

— Вот и не стало «Зигфрида-убийцы», — сказал он.

Ошеломленный Шмеккер выпустил из рук штурвал, и траулер положил поперек волны.

— Идиот! — заорал Форлендер. — Нас может перевернуть!

Он звякнул машинным телеграфом, но снизу никто не ответил. Форлендер дергал рукояткой, но из машины ответного сигнала не было.

— Заснул он там, что ли? — закричал Форлендер.

— Успокойся, я пойду вниз и расшевелю его, — спокойно произнес Шеллинг и вытащил из кобуры парабеллум.

Когда штандартенфюрер спустился вниз, из машинного отделения раздались выстрелы, затем послышался неясный крик. Форлендер схватил автомат, метнулся к открытому световому люку над двигателем, увидел мелькнувшую в полумраке незнакомую фигуру с пистолетом в руках и выпустил в нее всю обойму.

Безымянный норвежский моторист, который во время расстрела своих товарищей спрятался, видимо, где-то в машинном отделении, подкараулил и убил немца-механика и, завладев его пистолетом, тяжело ранил двумя пулями Шеллинга.

Штандартенфюрера перенесли в кубрик. Он умирал. С ним остался Эрнст Форлендер, а Клаус Шмеккер старался удерживать траулер против ветра, но это было трудно сделать — судно не имело хода. Остальные три матроса: Генрих Краузе, Отто Мюллер и Людвиг Бальдберг, молча стояли в рубке.

Наконец, из кубрика показался их командир. Палуба уходила из-под его ног, Форлендер, покачиваясь, ловко пересек ее и поднялся в рубку.

— Он умер, — сказал он. — Умер...

Форлендер обвел глазами матросов, потом поискал взглядом стальной ящик, — его принес с лодки штандартенфюрер.

— Кто из вас может запустить двигатель и управлять им? — спросил Форлендер матросов. Двигатель пытались запустить все по очереди.

Но старания оказались тщетными. Видимо, норвежский моторист успел что-то испортить в машине.

Лишенный управления и хода траулер уносило в Баренцево море.

На третьи сутки шторм затих и пришел туман.

Немцы жарили выловленную бывшими хозяевами траулера треску и ждали нового поворота

судьбы. Больше им ничего не оставалось. Еще на лодке они переоделись в штатские платья, и сейчас Форлендер раздал всем документы рядовых одной из сухопутных частей вермахта, разбитых в Норвегии.

— Если окажемся на берегу и нас схватят, говорите, что вы прятались в горах, а сейчас, не выдержав лишения, пришли сдаться в плен, — инструктировал своих матросов бывший командир «Зигфрида-убийцы».

Туман не рассеивался. На четвертый день, утром, раздался оглушительный треск, и траулер повалился на левый борт.

Хилльмер отвечает: „да“

— Вот что, Хилльмер, — обратился к боцману майор Ветров. — Мы хотим, чтобы вы снова повторили свой рассказ о всех ваших действиях в тот вечер, когда был убит радист Оскар Груннерт.

— Но я уже обо всем рассказывал вчера...

Вернер Хилльмер растерянно оглядел собравшихся в комнате. Нина Самойлова собрала все силы, чтоб спокойно выдержать взгляд Хилльмера, но боцман не посмотрел на нее, он пытался прочесть нечто только в глазах Нефедова, Ветрова и Корды.

— Я все уже рассказал, — повторил он.

— Переведите ему, Нина, — сказал Нефедов, — что у русских есть хорошая поговорка: повторение — мать учения...

Когда боцман снова закончил свой рассказ, некоторое время все молчали.

— А теперь, Вернер Хилльмер, — сказал немецкий майор Ветров, — я дополню ваши показания... Когда вы сидели с Груннертом в баре, то заметили одного человека из норвежского экипажа. Человек вышел в коридор, и вы последовали за ним. Там вы схватили его за рукав и произнесли такие слова: «Вы не узнаете меня? Но я не мог ошибиться...» Человек резко ответил вам что-то на норвежском языке и пошел прочь, но вы снова остановили его. «Неужели это не... Ведь такое сходство. Не узнаете? Клаус...» Но человек отвернулся от вас и вошел в зал, где были танцы. Вы, Хилльмер, некоторое время стояли, словно раздумывая, не пойти ли вам следом, а затем вернулись в бар... Так все было, или вы поправите меня? Кто это был, Хилльмер? Что значит «Клаус»? Фамилия этого человека? Отвечайте!

Вернер Хилльмер, испуганно смотревший на Ветрова пока тот говорил, опустил голову.

— Не советую вам отказываться, — продолжал Ветров. — Вас видела с этим человеком и слышала разговор фрейлен, которая сейчас находится здесь. Вы подтвердите мой рассказ, Нина?

— Да, — сказала Нина. — Все было так...

— Кто был этот человек, Хилльмер? — резко спросил Ветров.

Хилльмер молчал.

— Вы его знали раньше? За кого вы приняли его? — задал вопрос Корда.

— Почему не рассказали на предыдущем допросе об этой встрече? Зачем вам понадобилась выдумка о стычке с англичанином, которого не существовало? Чтоб направить следствие по ложному пути? Отвечайте! — громко сказал Нефедов.

Нина Самойлова едва успевала переводить

вопросы, сыпавшиеся на Хилльмера, но тот молчал.

— Не хотите отвечать, — по-немецки заговорил с ним Ветров, — это ваше дело. Молчание — это тоже защита. Но вот на эти вопросы вы мне ответите. Вы брали у Элерса ботинки, чтоб пойти в них в город?

— Да.

— Эти ботинки были на вас в тот вечер, когда убили Груннерта?

— Да.

— На правом ботинке обнаружена человеческая кровь. Это кровь Оскара Груннерта?

Хилльмер молчал. Все замерли в ожидании ответа и непроизвольно наклонились в сторону боцмана.

Вернер Хилльмер судорожно глотнул воздух и в третий раз произнес:

— Да...

Сейф спрятан

Когда яма была готова, Эрнст Форлендер опустил туда стальной ящик Шеллинга.

— Теперь засыпайте, — сказал он матросам. Их стало меньше на одного. Когда траулер прибило к прибрежным камням и они, покинув его, стали перебираться к спасительному берегу, едва видимому в густом тумане, утонул Людвиг Вальдберг.

Клаус Шмеккер видел, как он поднял вдруг руки над головой, сдавленно выкрикнул что-то и камнем ушел под воду.

Они высадились в небольшой бухте с узким пляжем и лежащими на нем огромными валунами. Ближе к полудню туман рассеялся и стало видно, что над бухтой нависли скалы, а ограждают ее с моря два мыса характерного профиля.

Эрнст Форлендер тщательно зарисовал очертания мысов и бухты, потом выбрал под скалой место и приказал вырыть яму.

Вскоре стальной сейф был надежно укрыт под полтораметровым слоем песка и гравия.

— Вот что, друзья мои, — сказал Форлендер. — Вы хорошо служили мне и рейху, я вами доволен. Скоро мы расстанемся. Будем пробираться поодиночке. Сейчас вместе поднимемся на перевал, а там разойдемся в разные стороны...

Они разделили оставшиеся припасы, отдохнули перед дорогой и принялись подниматься в горы.

Идти было трудно, но они не хотели, чтоб их обнаружили на побережье, и уходили все дальше в горы. Незадолго до того как разойтись в назначенном месте, Клаус Шмеккер, который шел впереди, выбрался на открытую площадку и остановился, поджидая товарищей. Вот показался Отто Мюллер, за ним, не отставая, плелся Генрих Краузе.

— А где господин фрегатен-капитан? — спросил Клаус.

— Немного отстал, — сказал Генрих, — сейчас он догонит. Подождем его здесь...

— Хорошо...

Клаус развел руки в стороны, потянулся и вдруг увидел, как странно завертелся волчком и рухнул Мюллер. Клаус Шмеккер схватил приставленный к камню автомат, хотел укрыться за валун, но почувствовал удар в голову, и все исчезло...

Встреча в сквере

— Да, это кровь Оскара Груннерта, — сказал Вернер Хильмер, — но я не убивал его...

Он пошарил по карманам, достал пачку сигарет, дрожащими пальцами сунул сигарету в рот, капитан Корда щелкнул зажигалкой, которая уже побывала однажды в руках боцмана, и поднес ему огонь.

— Оскар на самом деле пошел тогда за бутылкой, — начал Хильмер, — уж лучше бы он этого не делал...

Нефедов хотел задать боцману какой-то вопрос, но майор Ветров сделал ему знак: не надо, пусть, мол, говорит все, что считает нужным, выговорится до конца, а спросить всегда успеем...

— Мы вдвоем вышли из бара, — продолжал Хильмер, — и ему захотелось взять еще бутылку. Оскар повернул обратно, а я медленно пошел вперед...

Когда боцман оказался на аллее сквера, он вдруг услышал шаги за спиной и пробурчал, не поворачиваясь:

— Поторопливайся, Оскар. Не мог взять бутылку сразу...

Человек поравнялся с ним, Хильмер почувствовал, как его крепко ухватили за плечо, и он резко повернулся. Это был не Оскар Груннерт.

— Значит, ты узнал меня, Клаус Шмеккер? — спросил человек.

— О, майн гот! — воскликнул боцман. — Господин фрегатен-капитан...

— Узнал все-таки...

Вернер Хильмер растерянно смотрел на догнавшего его человека и едва попытался произнести какие-то слова, как вдруг человек, которого он назвал фрегатен-капитаном, выхватил правую руку из кармана, раздался щелчок, и в свете фонаря сверкнуло лезвие.

— Что?! — крикнул боцман, нож рванулся к нему, но Хильмер успел перехватить руку убийцы. Свободной рукой тот резко ударил Хильмера в лицо, удар пришелся в челюсть, борода смягчила удар, и боцман продолжал стискивать руку с ножом.

— Зачем? — крикнул он.

Нападавший сумел освободиться, занес оружие над боцманом, и тут подскочил другой человек. Он оттолкнул Хильмера, схватил врага за горло, потом ахнул и грузно свалился на землю.

Мгновение убийца и Хильмер стояли друг против друга, и их разделяло лежавшее на аллее тело Оскара Груннерта. Похоже было, что убийца опешил, а боцман бросился к Оскару, ощупал его грудь, ощутил липкое на пальцах, судорожно всхлипнул, рука нашла бутылку, купленную радистом в баре Интерклуба, пальцы обхватили горлышко. Хильмер выпрямился и перешагнул через Груннерта. Убийца отступил, хотел вернуться, но Хильмер изловчился и сильно ударил бутылкой в коротко остриженный затылок...

— Кто это был? — спросил майор Ветров.

— Бывший командир подводной лодки фрегатен-капитан Эрнст Форлендер.

...Клаус Шмеккер не был убит. Пуля контузила его. Когда Клаус пришел в себя, то увидел лишь трупы своих товарищей. Форлендера он не нашел и до последней встречи с ним считал, что на них напали норвежские патриоты, захватившие в плен командира лодки.

— Но когда я увидел в его руках нож, — сказал Хильмер-Шмеккер, — то понял, что выстрелы на перевале — его работа. Он хотел избавиться от нас, последних свидетелей...

— Как вы стали Хильмером? — спросил капитан Корда.

У Клауса Шмеккера были документы на это имя. Рядовой горнострелкового полка Вернер Хильмер — вот кем стал бывший рулевой субмарины. Проплутав в горах трое суток без каких-либо припасов — рюкзаки его и товарищей оказались пусты, — он вышел к норвежской деревушке с поднятыми вверх руками.

Тогда в Северной Норвегии находились еще советские войска, и Шмеккер-Хильмер в качестве военнопленного очутился в России. «Легенда» сработала без осечки, и так, под именем Вернера Хильмера, он был освобожден из плена и отправлен в Германию. В Гамбурге Хильмер, будем называть его новым именем, узнал, что все его родные погибли. Он остался совершенно один на белом свете.

— Мне показалось, что нет смысла восстанавливать старое имя, никому уже Клаус Шмеккер не был нужен. Так я и остался Хильмером. Устроился матросом на торговое судно, потом стал боцманом. Многие годы я плавал по всем океанам и совсем забыл о прошлом, пока в вашем порту в коридоре Интерклуба не встретил командира «Зигфрида-убийцы».

— Тот человек, которого вы остановили в Интерклубе, был Эрнст Форлендер? — спросил майор Ветров.

— Да. Но там он не захотел признаться. Я вернулся в бар и рассказал обо всем Груннерту. Но Оскар посмеялся надо мной, сказал, что мне спяну померещилось...

— Значит, Форлендер был в составе экипажа норвежского судна? — спросил Ветров у Нины.

— Да, кажется, он из норвежской команды.

— Я должен позвонить полковнику Бирюкову, — сказал Ветров вполголоса, наклоняясь к начальнику уголовного розыска.

— Конечно, Юрий Алексеевич, конечно, — согласился Нефедов. — Я же говорил, что дело пойдет по твоей епархии. Иди, звони, мы пока приостановим допрос.

Когда Ветров вернулся, подполковник спросил Хильмера:

— Чем вы можете доказать правильность ваших показаний?

Боцман задумался.

— Не знаю... Мы были вдвоем... Он убил Оскара...

Хильмер замолчал, потом начал говорить снова, медленно, подбирая слова:

— Когда я ударил Форлендера бутылкой, он сразу упал... Я нагнулся и вытащил из кармана бумажник, чтоб посмотреть документы.

— И что вы увидели в бумажнике? — спросил Ветров.

— Там был его заграничный паспорт. И еще разные бумаги... Я узнал, что его зовут Оле Абрахамсен, он старший штурман теплохода «Вестенроллен».

— Моряки с этого судна были у нас на вечере, — сказала Нина.

— Это интересно, — сказал Нефедову Ветров. — Значит, он стал норвежцем.

— Что было потом? — спросил Нефедов у Хильмера.

— Я взял бумажник Форлендера с собой.

Даже увидев чужое имя в документах, я не сомневался, что это он. Более того, чужое имя почему-то укрепило меня в уверенности, что я не ошибся. Я убрал с аллеи их обоих: Оскара и своего бывшего командира, оба они были мертвы. Потом я побежал в порт. По дороге вдруг сообразил, что держу в руках плащ Груннерта. Я выбросил его...

— Понятно, — сказал капитан Корда. — А как же все-таки с тем англичанином?

— К нам и на самом деле подсаживался англичанин, он просто хотел прикурить, а потом ушел. Когда я давал описание, я видел перед собой лицо Форлендера... Мне... Я считаю, что отомстил за смерть Оскара и тех, кто погиб по вине фрегата-капитана еще в сорок пятом, но пусть власти решат, так я считал, что они убили друг друга в драке. Конечно, я понимаю, что в моих действиях не было необходимой обороны, но когда я увидел убитого Оскара, то не владел собой. Я готов нести ответственность...

— Но все дело в том, что вы никого не убивали, Хилльмер, — сказал Нефедов. — В кустах нашли только труп Груннерта, и капитан теплохода «Вестерроллен» не заявлял об исчезновении своего старшего штурмана...

— Так, значит, он жив! — вскричал боцман. — Арестуйте его немедленно! Это не человек, а дьявол! Он сумеет выйти из любого положения!

— Не волнуйтесь, Хилльмер, — сказал майор Ветров. — Скажите, а куда вы девали бумажник Форлендера?

— Он спрятан в форпике, на верхней полке по правому борту, среди банок с краской. Одна из банок пуста. Я положил бумажник в полиэтиленовый пакет и опустил в банку. Вы можете взять его сами, я расскажу, как найти...

— Зачем? — сказал Нефедов. — Проще прогуляться вместе с вами на «Джулиус Пиккенек».

Несчастный случай

— Я проверил план, который мы нашли в бумажнике Форлендера, — сказал майор Ветров. — Это наша Белушья губа. Боцман говорил, что на скале у того места, где они зарыли сейф, характерный рисунок трещин. Есть такой рисунок: вот фотографии, мы сделали их, когда летали туда на

вертолете. Приборы показали, что на небольшой глубине находится металлический предмет. Я оставил там пост наблюдений. Выкапывать сейф, согласно вашему приказу, мы не стали...

— И правильно, — сказал Василий Пименович, — он никуда не денется, пятнадцать лет пролежал, полегит и еще, а вот птичек приманить на него мы можем...

— Словом, все готово к аресту Форлендера, — продолжал майор. — Люди Нефедова сумели побывать на «Вестерроллена» и установили, что затылок тамошнего старпома залеплен пластиком. Но вот почему он не заявляет о потере паспорта? Странно.

— Выжидает. Выжидает он, Юрий Алексеевич. Он знает, что боцман работает на «Джулиусе Пикенпекер», и ждет, когда судно уйдет из порта. Возможно, что у него есть сообщник в По-морске. В одиночку Форлендеру трудно было бы добраться до сейфа в Белушней губе. Я не удивлюсь, если выяснится, что план бухты, обнаруженный в его бумажнике, только копия, а оригинал уже передан кому-то здесь.

— Надо брать Форлендера, — сказал Ветров.

— И как можно скорее, майор. Предварительно следует поговорить с капитаном «Вестерроллена» Эвальдом Григом. По моим данным, он участник Сопrotивления. Я пойду с вами, норвежский язык, кажется, еще не забыл. Учтите, Форлендер может оказаться вооруженным.

...Капитан теплохода «Вестерроллена» Эвальд Григ вот уже полчаса оживленно беседовал с полковником Бирюковым. У них оказались общие друзья в Норвегии, и теперь они вспоминали их, говорили о годах военного времени.

Остальные участники операции, и боцман Хилльмер с ними, сидели за большим столом в салоне капитана и потягивали из бокалов пиво, наливая его из жестяных банок.

Наконец, Василий Пименович перевел разговор на личность старпома.

— У меня он недавно, — сказал капитан Григ. — Мой старый чиф мейт¹ по распоряжению фирмы ушел в отпуск, а Абрахамсена мне прислали в качестве замены на два-три рейса. Он новый человек у нас. Я раньше не встречал его на флоте. Говорят, что вырос в Соединенных Штатах. Это похоже: на своем родном языке Оле говорит с акцентом.

— К сожалению, вы ошибаетесь, капитан Григ, — сказал полковник, — норвежский язык никогда не был для вашего старшего помощника родным. Он — немец.

— Немец? — вскричал капитан теплохода «Вестерроллена». — Немец?

— Да. И я пришел сюда, чтобы арестовать его по обвинению в убийстве. Вот ордер на арест.

Василий Пименович протянул капитану ордер и его перевод на норвежский язык.

— Но как же так? — растерянно пробормотал Эвальд Григ, глядя то на листок бумаги, то на полковника.

— Возможно, позднее я приглашу вас к себе и расскажу обо всем подробнее. А сейчас прошу вас показать нам Оле Абрахамсена, но сначала так, чтоб он нас не заметил.

— Он на палубе, — сказал капитан. — Пойдемте на мостик.

Все поднялись и вслед за хозяином вышли из каюты в рубку, а затем на крыло мостика.

— Вот он, — сказал Эвальд Григ, протягивая руку в сторону полубака, — мой старший помощник Оле Абрахамсен. Я могу вызвать его сюда...

— Не беспокойтесь, господин Григ, — медленно, подбирая слова, произнес на норвежском языке Бирюков, — мы пройдем к нему сами...

Все стали спускаться. Майор Ветров тронуть боцмана Хилльмера за рукав и вопросительно повел глазами к носу теплохода.

«Он, это он», — кивнул головой бородач.

— Спасибо, — сказал Ветров и посоветовал Хилльмеру. — Вы не ходите с нами. Понимаете? Если потребуетесь, позовем.

Абрахамсен-Форлендер стоял на сдвинутых металлических плитах, закрывающих в море трюм номер два, и что-то говорил своему боцману. Видимо, матросы заканчивали приготовления к приему груза во второй трюм. Старший помощник не видел еще спускавшихся по трапу людей, так как стоял к ним спиной, но когда капитан Григ, он шел впереди, затем полковник Бирюков с Кордой, переводчик из управления госбезопасности, представитель «Инфлота» и замыкавший процессию Ветров двинулись по палубе, Абрахамсену-Форлендеру неудержимо захотелось повернуться. Он оборвал себя на полуслове, глянул через плечо, увидел капитана Грига, приближавшегося к нему в сопровождении незнакомых людей, и повернулся, намереваясь шагнуть навстречу.

Но тут его взгляд выхватил мелькнувшую вдалеке рыжую бороду Вернера Хилльмера, а ранее Клауса Шмеккера.

Эрнст Форлендер вздрогнул и все понял. Он медленно попятился. Последний командир «Зигфрида-убийцы» отступал к краю пустого трюма. Капитан Григ приближался, и Эрнст Форлендер отступал все дальше и дальше. Когда правая нога его повисла над многометровой пустотой трюма, Форлендер стряхнул с себя оцепенение, попытался наклониться вперед, взмахнул руками, чтобы сохранить равновесие, но тут же лицо его исказилось, он с силой оттолкнулся левой ногой, успел почувствовать засвистевший ветер в ушах, и мир для него перестал существовать...

Полковник Бирюков стоял у окна, смотрел на бухту и суда.

— «Вестерроллена» снимается с якоря, — сказал он и повернулся к майору Ветрову. — Садитесь, Юрий Алексеевич... Значит, смерть Форлендера спишем на несчастный случай?

— Оно так и было, товарищ полковник. Тут уж сам рок вмешался...

— Рок, рок, — проворчал Василий Пименович. — Не увлекайтесь мистикой, майор. Если бы вы не сумели вовремя вытянуть из бородача эту их историю с пиратством и сейфом, бывший командир «Зигфрида-убийцы» отплыл бы сейчас в заморские края. И не исключено, что с не пустыми руками. Кстати, вы были снова в бухте?

— Был. Пост продолжает наблюдение. Пока никто не пришел за сейфом.

— Что ж, наберемся терпения... Если был у Форлендера сообщник, он объявится... Если нет, то нет. Во всяком случае содержимое сейфа у нас, и это главное.

¹ Старший помощник.

ТОЛЬКА

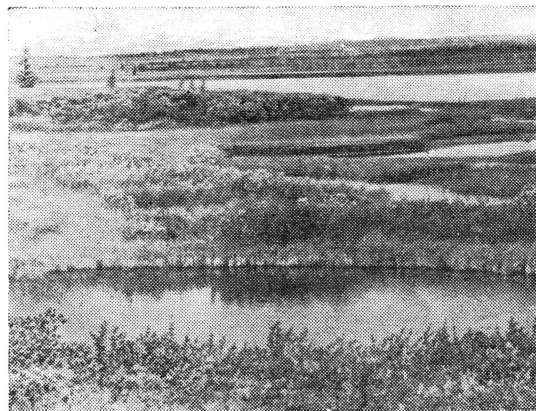
Фото А. Торопова (г. Вологда)

«КАРАВАН»

Фото Е. Расторгуева (г. Вологда)

В ТУНДРУ ПРИХОДИТ ВЕСНА...

Озера, озера... Вдали отроги Полярного Урала.

В ПРОШЛОМ году мне довелось впервые побывать в тундре. Поездом добрались мы до поселка Лабитнанги, что в низовьях Оби, а оттуда вездеход доставил нас — энтомологов и орнитологов — на базу института экологии¹ растений и животных Уральского филиала Академии наук.

Поход в тундру состоялся на следующий день — 16 июня.

Погода выдалась чудесная — солнечно, тепло. Кругом, куда ни помотришь, — бесконечная ровная ширь, только на севере виднеются Уральские горы. Они — белые, и над ними — такие же белые облака. Местами лежит еще снег, а там, где его нет, — красновато-рыжие пятна. Снег поразительно чистый, на свету он нежно-розовый, в тени — ярко-голубой. Мелкие речки и озера скованы льдом.

¹ Энтомология — наука, изучающая насекомых. Орнитология занимается изучением птиц. Экология — наука, изучающая животных и растения во взаимодействии с окружающей их средой.

Идем то по земле, то по снегу, проваливаясь выше колен. На первом же озере увидели несколько темных точек. Это были утки-морянки, они сидели прямо на льду. А дальше, в рыжих разводьях, покачиваясь и кивая головами, плавала целая стайка куличиков-плавунчиков.

На берегу удастся увидеть и других куликов. Все они похожи друг на друга расцветкой и размерами и различаются по носам: с длинным прямым носом — веретенник, с загнутым вниз кончиком клюва — кроншнеп, с сильно загнутым — улит.

Направляемся берегом озера. С земли то и дело взлетает разная пернатая мелочь — коньки, подорожники. Смотрим по сторонам. Вон на лиственнице сидит куропад, да какой нарядный, разноцветный! Осторожно обходим деревце, чтобы не спугнуть красавца, но тут прямо из-под ног выскакивает что-то рыжее и скачками несется прочь. Колонок! Мы не удерживаемся от шумного восторга, и куропад покидает дерево.

Речки и мелкие озера переходим прямо по льду. Берега их укрыты толстым слоем снега. Сквозь него местами пробиваются невзрачные,

Раковые шейки

Синюха

Мытник

корявые ветви какого-то кустарника. Но что такое? Откуда на них такой красоты лимонно-желтые сережки?! Перед нами ива мохнатая. А вот и другие ивы, пушок на их сережках привычного сероватого цвета. Из ветвей цветущих ив получился бы чудесный букет, но мы воспользовались лишь одной веточкой, усыпанной сережками, похожими на пушистых цыплят. Растения, что нам по пояс, намного старше нас — так медленно они растут.

В тундре попадалось много оленьих рогов. Они лежали на земле, висели на кустах, одни отбеленные солнцем и дождем, другие — бурые. И почти все без отростков-веточек: их уничтожают мыши.

Но вот кончился солнечный день, и опять стало холодно. Этот год был необычно суров, приход лета в тундру запаздывал на целых две недели.

Растения с нетерпением ждали тепла. Ждали березки, держа наготове разбухшие почки, чтобы сразу выбросить зеленые листочки; ждали лиственницы с дрожащими от холода пучками коротких иголок. Не ждали только птицы. В конце июня они уже сели на гнезда: ведь надо успеть вывести птенцов, выкормить их, а с первыми заморозками, которые начнутся в августе, подняться на крыло и лететь на юг.

Днем температура едва достигала плюс 12 градусов, а на пушистых сережках ивы медленно ползали шмели, собирая нектар. Их не было видно только в те дни, когда дули ураганные, жестокие ветры.

Наконец, в середине июля пришло долгожданное лето, и тундра преобразилась. Жизнь развивалась настолько бурно, что за переменами трудно было уследить. Вдруг украсилась миниатюрными ярко-зелеными круглыми листочками карликовая березка; выбросил свои желтые кисточки мытник, и к ним устремились шмели. Почти одновременно вспыхнули нежные крупные цветы морошки, раскрыла симпатичные маленькие цветочки куропаточья трава, покрылся розовыми бутонами багульник... Тундра переливалась всеми красками. На глазах эти краски менялись, на месте одних появлялись другие. Через несколько дней отцвел мытник, и теперь в траве виднелись его побуревшие соцветия. Розовые бутоны багульника, раскрывшись, превратились в совершенно белые цветы, и тундра стала местами светлой, а воздух пропитался терпким, дурманящим запахом. Распустилась андромеда, ее розовые цветы удивительно похожи на крохотные бра из тонкого хрупкого стекла. А по обеим сторонам насыпной дороги появились яркие желтые полярные маки.

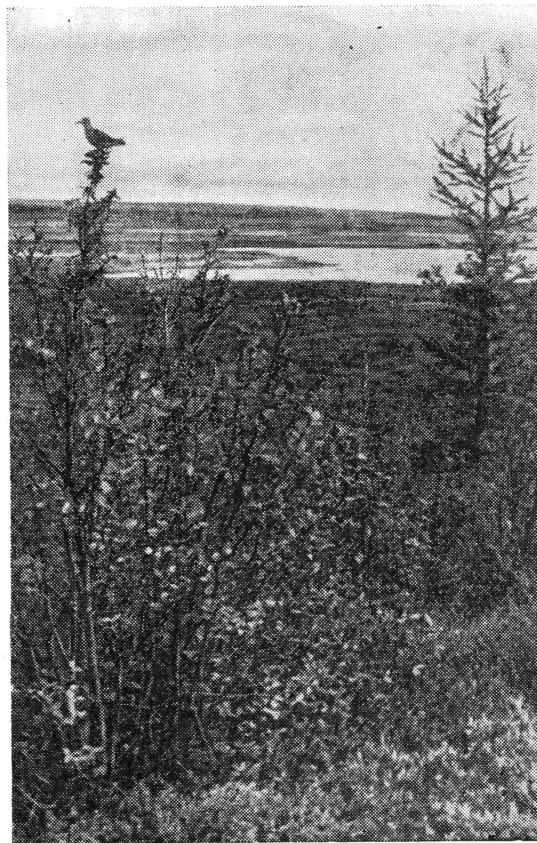
В лугах по речке Той-Пугол голубеют фиалки и незабудки, желтеют купавки — их тут три вида — и лютики.

В тундре все растения спешат за короткое время завершить полный жизненный цикл. Через две недели морошка завязала плоды, расцвели шиповник и ромашка. Они такие же, как на нашем Среднем Урале. Но привычных наших растений — подорожника, лопуха, лебеды, крапивы — в тундре совсем нет...

Уже месяц у орнитологов горячая пора. На-

Крячка атакует...

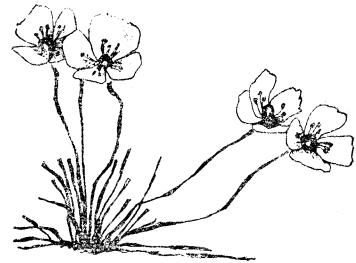
Кулик фифи настороже

Белозер

Морошка

Мак полярный

таша, сотрудница одного из московских музеев, изучает куликов. Гнезда этих птиц не так-то просто обнаружить. Собственно, гнезда, как такового, у них нет, и желто-коричневые яички с темными пятнышками, совершенно незаметные на фоне окружающей растительности, лежат на земле открыто в небольших углублениях. Наташа заметила гнезда кроншнепа, фифи, турухтанов, куликов-плавунчиков, сшила для укрытия брезентовую палаточку и начала вести наблюдения. После шести-восьмичасовых дежурств возвращалась в балок озябшая и голодная, но неизменно довольная, и принималась делиться новостями.

— Вчера самка кроншнепа сменила супруга в восемь вечера, как и в позавчерашний раз, с разницей в 10 минут. А сегодня, смотрю, ей пора сменяться, а его нет. Самочка кричит, беспокоится, супруг откликается где-то поблизости, но к гнезду не идет. Тогда она оставила гнездо, разыскала лентя, и они начали разговаривать, будто спорили. И что вы думаете? Он так и не пришел в свою смену. Вернулась самочка и села на яйца. И такая грустная...

Мы смеемся:

— Невоспитанный, видать, папаша, злостно уклоняется от своих обязанностей!..

Да, такое бывает у самцов-кроншнепов. А вот у плавунчиков — другое дело. Самки у них только откладывают яйца и, собравшись в стайки, удаляются. Насиживать яйца и заботиться о птенцах — обязанность самцов. Один из таких заботливых папаш сидел на гнезде на расстоянии вытянутой руки от Наташи и даже позволял ей брать яйца для измерения и взвешивания.

В середине июля у всех куликов вывелись птенцы, и родители увели их от гнезд. Теперь куличат можно обнаружить только случайно наткнувшись на выводок. Пушистые, окрашенные в желто-коричневый цвет, с темной полоской на головке и спинке, с белыми крапинками — так называемой манкой, — птенцы при малейшей опасности припадают к земле и буквально исчезают на глазах.

Другие орнитологи занимались воробьиными. Сутками находились они, вооруженные биноклями, у гнезд коньков, подорожников, пеночек, чечеток, варакушек. Когда птицы сидели на яйцах, шло определение кормовых участков, а когда вы-

велись птенцы, началась новая работа. Теперь надо было узнать, сколько птенцов появилось в каждом гнезде, как они растут, сколько раз в сутки родители кормят их и какой пищей. А пища эта состоит из различных насекомых, и необходимо определить, сколько их приносят птенцам за один раз. Орнитологи пользовались в этом случае испытанным способом — загодя перевязывали глотку птенцу, потом вынимали непроглоченный корм, а мы, энтомологи, принимались его разбирать. На нашу долю доставалось, пожалуй, самое трудное: пойдя разберись, если от одного насекомого осталась лишь одна голова, от другого — грудка с ногами, а третье хоть и не расчленено, зато исковеркано до неузнаваемости...

В тундре мы часто натыкались на гнезда уток. Утки-морянки обычно вели себя спокойно и разрешали подходить с фотоаппаратом вплотную. Совсем не то — крачки. Стоило случайно оказаться от гнезда крачек даже на расстоянии двухсот метров, как в воздухе над нашими головами, резко крича, появлялись ревнивые родители и бросались в стремительное пики. Тут уж берегись, чтобы не получить чувствительный удар клювом прямо в затылок!

Полярное лето принесло с собой жару, тучи комаров и мошки. Звенящая летучая армия неотступно атакует в тундре, мелькает перед стеклами биноклей и объективами фотоаппаратов, заполняет наше пристанище — балок. Мы обильней натираемся дэтой, ходим в накомарниках, спим под пологами, но это слабо помогает. Ходим искусанные, с распухшими лицами. От этой напасти может спасти только холод.

Двенадцатого августа — ровно месяц в тундре продолжалось лето! — ударил первый заморозок. Исчезли комары, все меньше становится других насекомых. Птенцы еще в начале месяца покинули гнезда и теперь готовятся к отлету. Созрели ягоды голубики и морошки. Даже как-то не верится, что за такое короткое время все успело родиться и вырасти.

Вскоре стали собираться в дорогу и мы. Первая встреча с тундрой оставила в душе глубокий след. Видно, правду говорят: кто хоть раз видел север, заболевает им на всю жизнь.

И. БОГАЧЕВА

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ

Первое известие о том, что на Урале имеются ледники, появилось в литературе более полувека назад. В 1911 году исследователь Большеземельской тундры С. В. Кацелли опубликовал следующий рассказ оленевода Е. Терентьева.

«Есть у нас на Камне места, где снег никогда не тает, и там уже не снег, а такой твердый лед, что его только топор берет, а снега и льда не видно, потому что сверху завалены мелкими камнями, а внизу, где кончается лед, в нем большая дыра, как пещера, а от туда течет речка. Длиною такие места бывают больше версты, и знаю я несколько таких мест и одно не меньше полутора верст длиною».

Однако на это описание ледников в те годы не обратили должного внимания; среди географов продолжала бытовать старая ошибочная точка зрения, высказанная еще более ста лет назад крупнейшим исследователем Уральского Севера Э. Гофманом, что на Урале ледников нет и, вследствие малой высоты хребтов и континентальности климата, быть не может.

Шли годы, все чаще отправлялись экспедиции в богатые полезными ископаемыми северные районы Урала, и вот в 1929 году геолог А. Алешков впервые обнаружил ледники в Саблинском хребте на Приполярном Урале. Теперь на Урале их насчитывается 143, общей площадью 28 квадратных километров. Установлено, что основные из них находятся на Полярном Урале, между верховьями рек Усы и Кары, что самый длинный — ледник МГУ (Московского государственного университета) — достигает 2200 метров, а площадь наибольшего ледника — ИГАН (Института географии Академии наук) — почти 1,5 квадратных километра. Недавно

стало известно также, что самый южный ледник расположен на Тельпосском хребте Северного Урала, а вот где находится самый северный — до последнего времени было не ясно.

Большая часть географов считала, что севернее ледника Терентьева на хребте Оченырда ледников нет; другие утверждали, что они могут быть значительно севернее этого хребта.

Недавно, просматривая аэрофотоснимки Полярного Урала, гляциологи Института географии обнаружили несколько неизвестных ранее ледников к северу от Оченырда. Самый северный из них был назван в память первооткрывателя уральских ледников геолога Алешкова.

Работая в верховьях Кары, я решил побывать на нем. Рано утром вдвоем со студентом-практикантом мы покинули лагерь у подножья Оченырда. До вершины Лядгей, у которой находится ледник, предстояло проехать около 25 километров по горам без троп, переправляться через быстрые речки, подниматься по крутым каменным осыпям.

Идем вверх по долине ручья. Чем дальше углубляемся в горы, тем пейзаж становится мрачнее: вскоре ущелье суживается до нескольких метров; под ногами, сзади, спереди и над головой нависают темные скалы; несмотря на ясный и теплый день — в ущелье сыро и сумрачно. Но вот горы раздвинулись, и внизу сверкнули изумрудные воды озера Очты. Тишина и безлюдье... В спокойной воде отражаются величественные хребты и облака. Тишина гор нарушается лишь криками чаек, летающих над озером. Но что это? Вдоль берега медленно идет медведь. В поисках пищи он вырывает какие-то корешки, переворачивает камни. Долго наблюдаем за мышкой и после нашего сви-

ста он пускается наутек в ближайшее ущелье.

От противоположного конца озера поворачиваем на восток по долине реки Трехозерной, однако река, пересекая хребет, прорыла глубокий непроходимый каньон. Идти с лошадьми через гребень хребта также невозможно — путь преграждают каменные россыпи.

После продолжительных поисков все же удается найти проход через хребет. Только к вечеру выходим к ручью, вытекающему, как нам казалось, из ледника Алешкова. Здесь лошадей пришлось оставить, так как дно ущелья завалено валунами и обломками скал.

С трудом идем по долине ручья, прыгая по шатающимся камням. Судя по карте ледник должен быть где-то близко. После поворота долины влево камни кончаются, начинается снежник. Подъем по снежнику крут, но снег плотный и ноги не проваливаются. Снова поворот долины, и перед нами вал конечной морены восьмидесятиметровой высоты. Еще немного усилий и там, за моренным валом должен быть самый северный ледник Урала, — ледник, на который еще не вступала нога исследователя.

Но вот, наконец, и вершина вала. Перед нами, в огромной каменной чаше, сверкает голубой лед. Над ослепительно-белой поверхностью фирна четырехсотметровой стеной нависают суровые скалы. Тишина... Кругом все мертво: ни птиц, ни мха, ни травы; нет даже комаров.

Измерив ледник Алешкова, установили, что по длине (1200 метров) и площади (более половины квадратного километра) он входит в первую десятку крупнейших ледников Урала.

А. КЕММЕРИХ

МЕНШИКОВЫ В БЕРЕЗОВЕ

Борис ГАЛЯЗИМОВ

I. Дорога в Сибирь

Ранним апрельским утром 1728 года обширное и богатое барское поместье Раненбург, бывшее вотчиной светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, покидал обоз. Состоял он из рогожной кибитки да нескольких скрипучих телег. Обоз увозил в далекую и страшную Сибирь опального генералиссимуса.

Несколько месяцев назад он, отстраненный за «лихоимство и казнокрадство» от государственных дел, навсегда покинул Петербург, чтобы в своем бывшем поместье под охраной 180 солдат при 75 пушках дожидаться окончательного решения своей судьбы Верховным тайным советом.

48 Сначала враги князя думали сослать его в Вятку. Потом Вятку решено было заменить Пустозерским монастырем, но в конце концов

4 апреля 1728 года Верховный тайный совет обнародовал протокол, в котором говорилось: Меншикова «...послать, обобрав его все пожитки, в Сибирь, в город Березов с женою и сыном и с дочерьми». Под протоколом стояло несколько подписей и в том числе — князя Алексея Долгорукого, которому суждено будет вскоре отправиться вслед за Меншиковыми.

Везли Александра Даниловича вместе с женой Дарьей Михайловной, 13-летним сыном Александром, 14-летней Александрой и 16-летней Марией, обрученной невестой императора Петра II, отказавшегося по настоянию тайного совета от этого брака. Кроме того, князю разрешили из ста тысяч крепостных душ, принадлежавших ему когда-то, взять с собой десять человек «мужеска и женска пола».

Двигался обоз под охраной двадцати отставных солдат, которыми командовал лейтенант Преображенского полка Степан Крюковский. При нем находилась грозная инструкция, достав-

ленная лишь незадолго до отправки обоза в дальнюю дорогу. В ней указывалось, как нужно обходиться с человеком, отныне именовавшимся только Меншиковым, без имени и отчества, без чинов и «кавалерий», пожалованных ему Петром I и совсем еще недавно его внуком, юным царем Петром II.

Полагалось за Меншиковым «иметь крепкое смотрение». В частности, князю не разрешалось иметь при себе даже клочок бумаги. Охране, если она обнаружит у него какие-то письма, следовало тотчас же отсылать их в Верховный тайный совет.

Обоз отъехал от Раненбурга несколько верст, когда его нагнали вооруженные конники. В одном из них Крюковский узнал капитана Петра Мельгунова, который присутствовал при всех допросах Меншикова.

Мельгунов потребовал остановиться. Солдаты тут же вытащили на дорогу вещи Меншикова. Таково было указание Верховного тайного совета. Говорилось в нем: «А когда он, Меншиков, из Аранибурха повезен будет и выедет несколько верст... тогда капитану Мельгунову осмотреть его пожитки...» В Москве считали, что Меншиков мог утаить часть вещей от начальника следственной комиссии Ивана Плещеева, допрашивавшего князя по всем пунктам данной ему инструкции и производившего конфискацию имущества.

Предположение подтвердилось. У опального князя отобрали «шляфрок, подбитый беличьим мехом, три гребня черепаховых, чулки касторовые ношенные, два копчака бумажные, кошелек с пятьюдесятью копейками, чулки замшевые, две пары нитяных чулок, четыре простые холщевые скатерти». Здесь же все это было описано, и обоз вновь отправился в путь. Через день, 17 апреля, Мельгунов доносил в Верховный тайный совет, что он отобрал и переписал у Меншиковых все их личные вещи, кроме ветхой одежды. Но, странное дело, впоследствии оказалось, что у ссыльных осталось много дорогих икон, украшенных жемчугом. Каким-то образом им удалось также утаить некоторую церковную утварь и облачения. У дочери князя, Марии, остались золотой медальон и несколько богатых платьев. Но это только то, что нам известно сегодня...

Обоз двигался торопливо. Крюковскому беспрепятственно выделяли ямские и уездные подводы — «на прогоны» приставу выделили тысячу рублей «из описанных его, Меншикова, денег». Сумма по тем временам весьма не малая.

В пути останавливались лишь для того, чтобы пообедать. «На корм» семье Меншикова отпускалось по пять рублей в день и всего лишь рубль полагался на тех десятых, которые входили в состав князевой прислуги.

Спустя пять дней обоз достиг Переяславля-Рязанского и на другой день путники отправились дальше уже по воде. С дороги Крюковский известил Верховный тайный совет, что князь и его семейство находятся «в добром состоянии», но лейтенант явно кривил душой. Всю дорогу бывший «полудержавный властелин» сидел, погруженный в думы. Плакала жена, плакали дети. Особенно убивалась Дарья Михайловна. Вскоре она ослепла.

10 мая охрана была вынуждена пристать к берегу у села Услон, что верстах в десяти от Казани: с Дарьей Михайловной стало совсем плохо. Ее внесли в одну из изб и, причастившись,

супруга опального князя скончалась. Оставшихся Меншиковых повезли дальше.

Ровно через три месяца пути, 15 июля 1728 года, барка с семьей Меншикова ткнулась в берег, на котором стоял седой Тобольск. Крюковский передал ссыльных в руки самого губернатора и, кроме того, вручил ему 840 рублей, оставшихся от дорожных расходов.

После продолжительной беседы с губернатором опального князя и его семейство отвели в местную тюрьму — для отдыха.

Как явствуют документы, дальше, к месту своего заточения, Меншиков отправился в сопровождении «доброего офицера» — капитана Михаила Миклашевского, двух урядников да двадцати гарнизонных солдат. Даты отправки князя из Тобольска и прибытия его в Березов в ряде источников приводятся самые различные. Но, пожалуй, следует считать, что Меншиковы покинули Тобольск 17 июля, а в Березов, видимо, прибыли или в конце этого же месяца или в начале августа.

2. Житие в заснеженном крае

Меншиков был не первым именитым узником Березова. Еще в 1660 году здесь побывал «государственный преступник» князь Дмитрий Романовский, но, правда, прожил он здесь недолго, вскоре его перевели в Соловецкий монастырь.

И вот почти семь десятилетий спустя в Березов пожаловал «птенец гнезда Петрова».

Взору Меншикова открылась деревянная крепость с четырьмя башнями по углам и одной — шестисаженной — над входом. Стража со скрипом распахнула ворота. В глубине крепости князь увидел острог, в котором ему суждено будет провести долгие месяцы заточения.

Сам Меншиков, конечно, знал, что этот острог, обнесенный тыном из толстых стоячих бревен, построили совсем недавно, четыре года назад по указу самого Петра I, чтоб содержать в нем государственных преступников. Любимец царя и не предполагал, что первым узником этого острога придется быть ему.

В просторной ограде острога — здание, далеко не похожее на ту обитель, которую Суриков изобразил на своем бессмертном полотне. Художник нарисовал низенькую, вросшую в землю избенку с маленьким подслеповатым оконцем — убожеством обстановки он хотел подчеркнуть тот страшный тупик, в каком оказался всемогущий когда-то вельможа.

На самом деле здание, где жила в дни ссылки семья Меншикова, было хотя и не такое уж высокое, но длинное и довольно-таки просторное. Сводчатые окна с железными решетками свидетельствовали, что здесь когда-то, еще до сооружения крепости, находился монастырь. Именовался он Воскресенским и был упразднен в 1723 году. Здание было поделено на четыре комнаты. Одну из них заняли Меншиков и его сын, другую — дочери, а третью — прислуга. Четвертую комнату отвели под вещи и продукты.

В тяжелое время прибыл Александр Данилович к месту своего заточения. Как видно из дел воеводской канцелярии, Березов не так давно пережил большой голод «от безрыбья и ма-

лой заправки хлеба». Погибло много горожан, некоторые «остяки продавали детей, даже жен своих».

Судя по сохранившимся в Березове преданиям, Меншиков первые дни редко выходил из своей обители. Он отпустил бороду, носил простой халат и теплую шапочку. Но вскорости его, человека по натуре непоседливого, энергичного, безделье стало тяготить. В то первое лето своего заточения он взял в руки топор и соорудил на крутом берегу Сосьвы беседку. В ней князь любил посидеть по утрам. Иногда его окружали любопытные, но Меншиков, как сообщает историк Сибири Н. Абрамов, разговаривал с жителями «большей частью о суете мира и о других душевспасительных предметах». Осторожен был князь, знал: вокруг — царевы глаза и уши. Охрана по-прежнему следовала за ним по пятам. В Тобольск постоянно доносили о тех разговорах, которые вел вельможа.

Этим же летом Александр Данилович решил близ острога на месте ветхой монастырской построить свою церковь. Деньги на ее строительство князь выделил якобы из личных сбережений. Впрочем, его и самого каждый день видели с топором в руках. В построенной церкви он исполнял обязанности старосты, звонил в колокола и даже пел на клиросе.

Наступила зима с такими сильными морозами, что птицы падали на лету, земля и лед давали глубокие трещины. Долгими зимними вечерами, натянув на ноги цветастые татарские валенки и накинув на плечи теплую меховую шубу, Меншиков читал церковнославянские книги или рассказывал сыну «любопытные события из своей жизни». Дочери, Мария и Александра, шили богатую парчовую ризу.

Иногда к Меншиковым заглядывал сорокалетний березовский мещанин Матвей Бажанов. Дожив до 107 лет, он оставил нам кой-какие любопытные сведения о времяпрепровождении князя. Бажанов, например, рассказывал, что Меншиков он частенько заставлял за необычным занятием. Тот диктовал детям свои воспоминания, и они по очереди записывали их в толстую большую тетрадь. Возможно, это было продолжение тех «Поденных записок», которые князь вел когда-то. Но, к сожалению, до наших дней они не дошли.

Иногда Матвею Бажанову доводилось беседовать с князем. «Вот ты сидишь со мной рядом, — якобы говорил ему Меншиков, — а прежде вельможи и князья всячески добивались попасть ко мне. Теперь же самые дорогие для меня гости — неимущие...»

В те зимние дни Александр Данилович немало времени уделял воспитанию детей. Марию и Александру он учил штопать, чинить и стирать, веря, что им когда-нибудь да пригодится это нехитрое занятие. Сын вскоре научился владеть топором. Вместе с отцом юный Александр сколотил большое кресло.

Иногда князь оставлял острог и прохаживался по городку. Заглядывал он и в дома березовских жителей, с которыми подолгу вел беседы.

Прошла зима, наступило лето. Князь стал чаще покидать острог. Вместе с сыном он приступил к строительству придела к своей церкви. Позднее в эту церковь, а также в другие храмы Березова, он передал все сохранившиеся у него иконы, церковную утварь и ризу, вышитую его дочерьюми.

Надо полагать, Меншиков не смирился со своей участью и мечтал о времени, когда судьба вновь вознесет его. В одном из источников говорится, что князь с редкой твердостью переносил свое несчастье и «из худосочного, каким он был прежде, стал здоровым и полным». Позднее стало известно, что Меншикову из Березова готовили побег.

С этой целью сюда прибыл князь Федор Васильевич Долгорукий, сын князя Василия Лукича, немало сделавшего для того, чтобы убрать Меншикова. Был Федор, как рассказывали современники, строен, легок, красив и к тому же очень застенчив. Юный князь не разделял интриг своего отца, в чем, вероятно, немаловажную роль играла его преданная любовь к старшей дочери Меншикова. Любовь эта была взаимной и не угасала даже тогда, когда Мария считалась невестой Петра II.

Долгорукий имел при себе заграничный паспорт с вымышленным именем и фамилией. Но выполнить задуманное ему не удалось. Почему — это так и осталось тайной. Может быть, потому, что Меншиков заболел. А в ноябре 1729 года Иван Болтин уже доносил в Верховный тайный совет: «Сего ноября 12 дня Меншиков в Березове умре». В донесении даже не сообщалось, какая болезнь унесла его в могилу. Можно лишь предположить, что князь умер от горловой чахотки, которой давно страдал.

Могилу рыли в лютую пору неподалеку от церкви, возведенной руками Меншикова. Земля настолько промерзла, что ее долбили целый день. А на следующее утро состоялись скромные похороны. В них приняли участие дети Меншикова, Матвей Бажанов, поп, дьячок, капитан Миклашевский и три сержанта.

Березовские жители рассказывали автору этих строк, что на могиле была установлена каменная плита — ее видели еще в тридцатые годы нынешнего столетия, а потом она куда-то исчезла. Но ни в одном из документальных источников об этой плите не упоминается.

Известно лишь, что над могилой Меншикова его дети возвели часовню. Судя по аналогичным часовням, впоследствии появившимся над могилами сосланных сюда других князей, была она срублена из толстых кедровых брусьев «в замок». Сверху ее обшили досками с резными торцами. Створчатая и вверху полукруглая дверь располагалась с восточной стороны. Длинное, узкое окно, чуть ли не подпирающее крышу, было прорублено с юга. Внутри часовни возвышался катафалк, на котором покоилось подобие гроба.

После кончины Меншикова власти разрешили детям покинуть острог. Они стали жить в собственном доме, часто гуляли по городу. По-прежнему за ними следили власти, но уже не так строго. Повевали новые ветры. Отношение царствующих особ к Меншикову и его лютым друзьям изменилось.

В эти дни после полугодового путешествия в Березов и прибыло семейство престарелого князя Алексея Долгорукого. Того самого, который подписывал протокол о ссылке Меншикова в далекую Сибирь. Вместе с князем Алексеем сюда пожаловали его супруга Прасковья Юрьевна, дочь Елена, княгиня Наталья (в прошлом Шереметева), незадолго до ссылки обручившаяся с Иваном Долгоруким, — всего одиннадцать человек. Среди них находилась и княгиня Екатерина

Долгорукая, вторая «высочайшая невеста» Петра II. Удивительное совпадение судеб! Меншиков, выдавая свою дочь Марию за нелюбимого ей малолетнего императора, мечтал закрепиться у власти, но вместе с ней оказался в ссылке. Точно такая же участь постигла князя Долгорукого и его красавицу дочь. Впрочем, и сторонник Долгоруких граф Остерман тоже вскоре окажется в Березове. Сюда его сошлют в 1743 году уже престарелым, мучительно страдающим от подагры. И «сын немецкого пастора, пришедший искать счастье в преобразившейся России», найдет свой последний приют в холодной Сибири.

Прибывших в ссылку Долгоруких поместили в том самом остроге, где совсем недавно коротали свои дни Меншиковы. Содержали их намного строже, чем членов семьи опального генералиссимуса. В частности, сохранилось свидетельство, что юную княгиню Елену Алексеевну даже во время утрени в церкви окружали капрал и два солдата. А за несвоевременное служение одной из таких утрен протопоп Андрей Михайлов был сослан в «пустынный Илинск».

Вся эта обстановка, а также суровый климат подкосили здоровье князя Алексея Долгорукого и его супруги княгини Прасковьи Юрьевны. По иронии судьбы, их похоронили рядом с церковью, построенной человеком, в судьбе которого они сыграли зловещую роль.

Но это случилось уже после того, как Березов проводил в последний путь Марию Меншикову и Федора Долгорукого, отважившегося добровольно приехать в далекий городок, чтобы спасти свою возлюбленную.

Сохранилось предание, что князя Федора Долгорукого и княгиню Марию в летнее время можно было видеть где-нибудь на улице. Они спокойно разгуливали, о чем-то оживленно беседуя.

Оставили нам историки и описание внешнего вида Марии: «Кроткая, прекрасная, отлично воспитанная, имела стройный стан, удивительную белизну, на которой играл нежный румянец, черные огненные глаза, обворожительную улыбку, красивые под пудрой локоны...» На ней всегда было «черное платье, чаще бархатное, с складкою из серебряной блонды».

Очевидно, еще весной 1729 года с согласия князя Александра Даниловича они обвенчались. Венчание проходило тайно в присутствии единственного престарелого священника, имя и фамилия которого не упоминаются ни в одном из источников. Известно только, что за оказанную услугу молодая супружеская чета вручила ему дорогой «барсовый» платок. Эта реликвия долгое время хранилась у родственников священника, и они при случае любили ею погордиться перед березовскими жителями.

Однако супружеское счастье Марии и Федора длилось недолго. Вскоре в Тобольск из Березова от капитана Миклашевского пришло донесение. «Декабря 26 дня, — гласило оно, — Меншикова дочь Марья в Березове умре». О причинах смерти в документе ничего не сказано. Но в книге И. Завалишина «Описание Западной Сибири» мы находим такие строчки: «Княгиня Долгорукова скончалась от родов близнецами». Похоронили ее южнее деревянной Спасской приходской церкви.

Вслед за Марией Березов проводил в последний путь и ее супруга, князя Федора. Как сообщает нам летописец, он умер «с горя». По-

хоронили Долгорукого рядом с женой. Над их могилами еще долго стояли памятники из деревянных брусьев, обшитых досками.

После смерти Федора Долгорукого в Спасскую церковь кто-то передал золотой медальон, ранее принадлежавший княгине Марии. Под его выпуклым стеклом на белом атласе лежала прядка светло-русых волос княгини.

Медальон этот долгое время тайно хранился среди золотых и серебряных вещей храма. Но духовные лица даже не пытались о нем завести разговор. Дело в том, что в 1739 году оставшихся Долгоруких постигла еще более суровая кара, чем ссылка в Березов. Их обвинили в «явных нескромных и дерзких словах» об императрице Анне и всесильном временщике Бироне. Всех Долгоруких вывезли из Березова на небольшом судне в дождливую осеннюю ночь. После недолгого следствия князь Алексей был отправлен «в Комчатку матросом». Сюда же вскоре прибыл и князь Александр, которого до этого наказали кнутом «с урезанием языка». Княгиня Екатерина вместе со своими двумя сестрами была сослана в монастырь. Но особенно жестоко императрица расправилась с Иваном Долгоруким. В том же году под Новгородом князя колесовали, а затем отрубили голову.

Так что священники опасались упоминать не только имена Долгоруких, но даже не заикались о переданном им медальоне. Последнее упоминание о «секретном, долгоруковском прикладе» относится к 1842 году. Именно тогда исследователь Сибири Н. Абрамов, разыскивая рукописные и вещественные редкости Березова, увидел медальон и собрал о нем все легенды.

А как же сложилась судьба Александра и Александры Меншиковых?

Пятнадцатилетний император Петр II, чувствуя глубокую вину за свой несправедливый поступок по отношению к Меншикову, незадолго до своей смерти от оспы принял решение о возвращении детей князя из ссылки. Но вернулись они в Москву лишь в царствование Анны Иоанновны. Императрица приняла их в «изгнанническом платье». В том же 1731 году князь Александр стал поручиком Преображенского полка. Его сестра некоторое время была фрейлиной, а затем вышла замуж за Густава Бирона, брата герцога Бирона Курляндского.

На этом можно было бы наш рассказ о последних днях жизни Меншиковых в Березове закончить, если бы...

Но давайте расскажем все по порядку.

3. Как искали могилу Меншикова

20 февраля 1764 года, на сырной неделе, трапезник Петр Федоров напился «до потери риз». И то ли искру заронил, то ли опрокинул свечку, но церковь, построенная Меншиковым, вдруг вспыхнула.

Горели дорогие иконостасы, церковная утварь. Огонь быстро пожирал сухое дерево и переметнулся на часовню над могилой Меншикова.

Прибежавшие к месту происшествия жители Березова бессильны были что-либо сделать. Че-

рез некоторое время на месте пожара остались лишь пепел и дымящиеся головни.

Двадцать шесть лет спустя сгорел и сам острог. Наконец, пожар, случившийся в 1806 году, уничтожил и то здание, в котором когда-то содержались ссыльные.

Коварная, особенно в период осеннего половодья, Сосьва помогла огню сгладить следы пребывания Меншикова в Березове. Она настойчиво подмывала и рушила высокий берег, на котором находилась могила «птенца двора Петрова». И, наконец, добилась своего...

Прошло около ста лет. И вдруг о Меншикове вспомнил тобольский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский, известный по составленному им «Словарю достопамятных людей Русской земли». Человек любопытный, он решил узнать, где же все-таки покоится прах Меншикова. Найти и разрыть могилу губернатор приказал березовскому городничему Андрееву. Тот, по словам местных жителей, могилы князя отыскать не смог и призвал себе на помощь казака Шахова. Казак был человеком преклонных лет, считался старожилом Березова и якобы знал, где покоится прах знаменитого узника.

Он привел городничего и его спутников к высокому берегу реки и указал на один из холмиков, поднявшихся над землей в нескольких сажнях от Спасской церкви. Но когда могилу разрыли, в ней, к общему удивлению, нашли два детских гробика, обитых алым атласом, а в них кости младенцев, покрытые той же алой материей. В головах лежало по шелковому венчику.

Оба гробика покоились на большой (около сажени длиной) крепкой деревянной колоде из кедра, покрытой сукном с крестом из серебряного позумента. Сняв крышку колоды, увидели тело, завернутое в зеленое атласное покрывало и покрытое толстым слоем льда. Когда лед удалили и разрезали покрывало, то, к удивлению, обнаружили, что покойник, пролежавший в земле около ста лет, прекрасно сохранился. Одежда на нем была из материи красного цвета. Голова покрыта шелковой шапочкой. На ногах — башмаки из махровой материи с остроконечными передунами и высокими, суживающимися к низу каблучками. Подобную обувь в то время носили женщины.

Примерно сутки могилу не зарывали. Жара

сделала свое дело. Лицо покойника почернело, тело стало разрушаться.

В те дни Андреев сообщал Бантыш-Каменскому, что он выполнил его указание, но «не ручается, действительно ли усопший был Меншиков». Впрочем, нам уже ясно, что была разрыта могила дочери Меншикова Марии и ее детей-близнецов, скончавшихся сразу же после неудачных родов. Меншиков же был погребен значительно дальше — возле другой церкви (Рождества пресвятой богородицы), уничтоженной огнем.

Но на этом поиск могилы Меншикова не закончился. Через два года Бантыш-Каменский, приехав в Березов по делам службы, решил лично убедиться в достоверности андреевского донесения. Он приказал вновь разрыть могилу. Та ли это была могила, сейчас сказать трудно. Но, как утверждал губернатор, он узнал в покойном Меншикова, найдя якобы сходство лица усопшего с изображением на фамильном портрете. А инспектор врачебной управы Альберт будто спустился в могилу и даже «гладил бороду покойника и чувствовал, что она колет».

Последнее утверждение явно противоречит истине: Меншиков, находясь в Березове, бороду не брил. Это видно из сохранившихся преданий. К тому же известно и другое: Меншиков «был росту 2 аршина 12 вершков», а покойный, которого откопали, на 7 вершков меньше.

Остается только предположить, что могила, которую разрыли вторично, принадлежала или Федору Долгорукому или какому-то другому лицу. Во всяком случае историк Н. Абрамов не далек от этой точки зрения. Он пишет, что казак Шахов знал о судьбе могилы Меншикова, унесенной водами Сосьвы, и если умышленно указал на другую, то только потому, что «ждал себе за открытие награды, а паче (как сам сказывал березовским жителям) полагал, что наследники князя будут усердствовать Спасской церкви богатыми вкладами».

Впоследствии примерно такая же участь постигла и могилу графа Остермана. Ее случайно разрыл начальник Уральской экспедиции полковник Гофман, решивший узнать, на какую глубину промерзает в Березове земля.

Вот что рассказывают нам различные исторические источники о последних днях Меншиковых, проведенных ими в «заснеженном крае».

МЕСЯЦ БЕЗ ТЕНИ

Е. ИОРДАНИШВИЛИ

Далеко на юге, за незримой чертой экватора, среди выжженной солнцем саванны уходит вверх почти на шесть километров к небу вершина Кибо — высшая точка африканского континента. Нам шестерым, группе Географического общества СССР, предстоит осуществить попытку первого восхождения на Кибо, первого — для нас, советских альпинистов. Есть и другие задания — сбор гербария высокогорной флоры, наблюдения за ледниками Килиманджаро, фото- и кино съемки, осмотр заповедников Танзании. Но главная цель — восхождение. Два вымпела — Географического общества и общества «Спартак» — надежно упакованы в рюкзаке. Им вместе с нами предстоит долгий и нелегкий путь.

остаемся одни. Еще несколько минут затянувшейся встречи, и нас подзывают к иммиграционному чиновнику — молодому бородатому индусу. Четким, хорошо поставленным голосом он объявляет, что наши визы, выданные кенийским посольством в Москве, не согласованы с правительством и не имеют силы... Но, уважая международные каноны вежливости и прочее, нам разрешено остановиться на 24 часа без права

Персона нон грата

Всему приходит конец. Последние метры долгого-долгого пути: Москва — Каир — Ходейда — Могадишо — Дар-эс-Салам. Несутся мимо пальмы, мокрые от только что прошедшего дождя. Свежевымытый аэропорт Дар-эс-Салама встречает высокого гостя из Югославии — Эдварда Карделя. Наш самолет приземляется на 20 минут раньше — процессия из шести человек, обвешанная фотокинотехникой, с ледорубами и папкой гербария, неторопливо дефилирует мимо дипкорпуса и несколько шокированной публики.

Спустя четыре часа, окунувшись в теплый, не принеший облегчения океан, мы снова в лайнере. На сей раз авиакомпании ВОАС. Рейс Дар-эс-Салам — Найроби — Каир — Рим — Лондон. Нам сходить на следующей остановке.

Найроби встречает нас уже в полной темноте. Чуть более суток прошло с момента вылета из Москвы. Мы в южном полушарии, на другом материке.

Небольшая очередь прибывших постепенно процеживается сквозь паспортный контроль и таможню. Стены зала украшают классические сувениры Восточной Африки — шкуры леопардов и львов с оскаленными мордами, копья и щиты масаев — кочевого племени этих широт, искусно вырезанные фигурки из эбенового дерева. Мы

продления виз. Анализировать положение поздно и в переносном и в прямом смысле слова. Через час мы уже устроены в отеле кенийского бюро путешествий и, одуревшие от суточного перелета, выходим на вечернюю прогулку по Найроби.

Половина одиннадцатого вечера. Город спит. Яркий свет витрин разгоняет мрак тропической ночи в пределах тротуаров, середина улиц темна. В маленьких магазинах груды бананов и ананасов, в роскошных салонах с дневным светом — автомобили процветающих концернов Европы и Америки, чудо-холодильники, элегантные костюмы «белого человека»... А рядом с магазинами — банки. Полунебоскрежные, холеные здания с «эркондишен» и стеклянными поляроидными стенами, за которыми в сиянии современных светильников ряды столов с портативными электронно-счетными машинками. Банков много. Большинство — английские.

Кое-где у роскошных витрин и зеркальных дверей, привалившись спиной к стене, сидят на корточках темные фигуры. Ночные сторожа. Старики племени кикуйю, масаев, банту. С копьями в руках.

Восемнадцатый век сторожит богатство двадцатого. Может быть, с этими копьями пятнадцать лет назад отступали они в джунгли с последними отрядами армии Мау-мау?

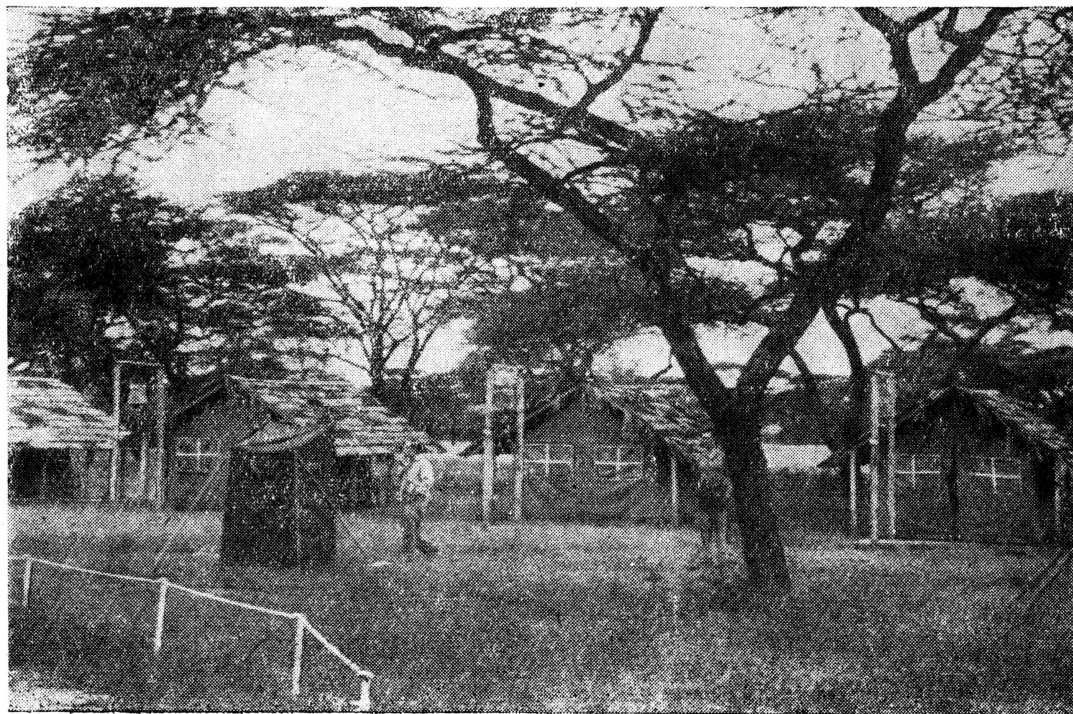
Давно отгремели салюты парада независимости, где партизаны дали клятву новому правительству на верность в мирной жизни. Ржавеют в руках колья. Редко покупают их иностранцы, как сувениры. В магазинах полно более новых и экзотических.

А над Найроби сияет Южный Крест. Встали рано. За завтраком набросились было

на экзотическую папайю, но быстро остыли. То ли фрукт, то ли овощ, среднее между дыней и тыквой, ближе к последней. Употребляется с ломтиком лимона. Входит в общий комплекс дневной пищи, составляющей так называемую «английскую кухню в тропиках». Сегодня — сумасшедший день. Точнее, половина дня. В три часа нам поддут машину, на которой мы досрочно выезжаем в Танзанию, в район вулкана Меру — соседа Килиманджаро. В то время как группа, используя на сто процентов оставшиеся часы, лихорадочно «обегают» город, копя впечатления и расходуя кино- и фотопленку, мы с «толмачом» группы Алексеем Абрикосовым лихорадочно согласовываем с «United Touring Company» детали программы нашего пребывания в Танзании. Все в порядке, за исключением мелочи. Наша программа там начинается через два дня. Выход находим сразу. Еда и снаряжение у нас с собой, попробуем подняться на одну из вершин вулкана Меру. Прекрасная тренировка перед Килиманджаро.

Каждое положение и ситуация, пережитые человеком, обогащают его специфическими сведениями так сказать «узкого профиля». Вот и сейчас, неожиданно попав в положение «персон нон грата», мы узнали, что предписание властей о выезде считается выполненным в момент, когда делает один оборот колесо «телеги», на коей покидает страну данная персона. После этого первого оборота «телега» может сколько угодно долго ползти по стране, лишь бы не останавливались колеса. Итак, наша машина отходит в четыре часа после полудня, и представители советского консульства должны лично завизировать первый оборот колеса.

И вот уже в легкой завесе пыли скрываются

зеленые пригороды Найроби, и машина выезжает в страну детских снов — саванну. Объявляется приз первому, увидевшему зверя. Первый крик, первые разногласия: оптимисты кричат — буйвол, пессимисты хихикают — корова... Враждующих примирил шофер. «Зебу», — лаконично изрек он и прибавил газу. Но вот оба лагеря дружно ахают — жирафы! Свесив элегантные головки над окружающими дорогу кустами, животные медленно отходят метров на двадцать и грациозно застывают.

Уже под вечер пошли вокруг зеленые холмы. Вдали показалась черная на фоне закатного неба громада вулкана Меру — трапеция с двумя острыми вершинами по краям. С легкостью заполнив таможенные декларации (пятый раз за последние двое суток), довольно долго едем по ничейной земле между двумя погранпунктами, распугивая светом фар мелких зверьков, вышедших на ночную охоту. Легкая суматоха в хижине танзанийского пограничника — он считает, что, вылетев в Найроби из Дар-эс-Салама, мы погасили танзанийскую визу и въехать обратно уже не можем. За моей спиной кто-то даже восхищенно ахнул перед ошеломляющей безвыходностью ситуации. Впрочем, безвыходна она была и для молодого сержанта-пограничника. Невиданные ночные мотыльки обжигались о газовую лампу. Цикады наполняли прохладный воздух звоном, нарушая молчание сторон. Тропическая ночь притихла за открытой дверью. Вдохнув, сержант шлепнул визы, ошибившись в подсчете необходимого срока на три дня. Теперь визы должны были кончаться за день до отлета самолета на Москву. Но спорить было бесполезно. С этим и въехали в Танзанию — теперь уже на три недели.

В снегах Килиманджаро

Грунтовая дорога, размокшая от ночного дождя, безжалостно трясет машину. Приземистые, чем-то схожие с яблонями, кофейные деревья протягивают к стеклам микроавтобуса ветви с зелеными плодами. Плантация принадлежит частному владельцу. Она невелика. На больших плантациях, тех, что окружают Килиманджаро, созданы показательные государственные хозяйства. Минуя заросли ярких цветов, машина подъезжает к шоссе, тонкой ниткой перерезавшему выжженную солнцем саванну от Великого разлома через города Аруша и Моши.

Гигантский баобаб у дороги, в тени которого приютилась крохотная деревушка с неприхотливыми хижинами и огородиками. Ярко-желтый, с красными разводами трактор, рыча, пробует силы на обочине.

— Чехословакия, — уважительно говорит шофер, обмениваясь приветственным жестом с допельзя измазанным молоденьким трактористом.

Позади остался городок Моши — мы в него еще вернемся. Небольшая остановка на развилке дорог в поселке. С правой стороны шоссе пятиногий, пышущий огнем тигр предлагает автомобилистам первоклассный бензин компании «Esso». На другой стороне элегантная желтая раковина международного картеля «Shell» предлагает то же самое. Где-то за желтыми пустынями и синими океанами идет незримая и безжалостная схватка крупнейших компаний планеты. Где-то вздымаются акции и падают правительства, черная река течет в гигантские чрева танкеров, тихо урчат электронные компьютеры в стек-

лянных кабинетах банков, а здесь, в маленьком танзанийском городке Моши, бесшумно вертятся катушки счетчика галлонов, не спеша накручивая шиллинги и доллары.

Давно прошли времена беззастенчивого грабежа и монопольного взвинчивания цен. Современный капитал в развивающихся странах выглядит очень культурно и даже заботливо. В магазинах и газетных киосках продается прекрасная туристская карта Восточной Африки: глянцева бумага, яркие краски, последние данные о дорожной сети. Всего три шиллинга. Трогательная забота о нуждах автомобилистов. А на форзаце карты скромная желтая раковина — карта сделана по заказу «Shell». Расчет прост — сколько раз путешественник развернет в дороге карту, столько раз запечатлеется в его мозгу доброе имя фирмы, позаботившейся о его отдыхе. А вот и заправочная станция с раковиной... Добро пожаловать с вашим долларом, фунтом, лирой, франком!

Скрылись за поворотом конкурирующие бензоколонки. Впереди, возвышаясь над пьедесталом грозовых туч, в предвечернем дрожащем воздухе встает огромный массив, увенчанный двумя снежными шапками. Мы въезжаем в пределы национального парка Килиманджаро.

Кибо-отель, исходная точка большинства восхождений на Килиманджаро, почти пуст. Сезон близится к концу. До периода дождей меньше месяца. Вежливо выслушиваем страшные альпинистские были из уст старой хозяйки — фрау Брюль.

Основной смысл этих историй сводится к тому, что наверх надо идти, как этого требует традиция, с проводником, носильщиками и ч'поваром.

Встречаем атаку спокойно — мы готовы к ней. Для нас важнее традиции наших горовосходителей.

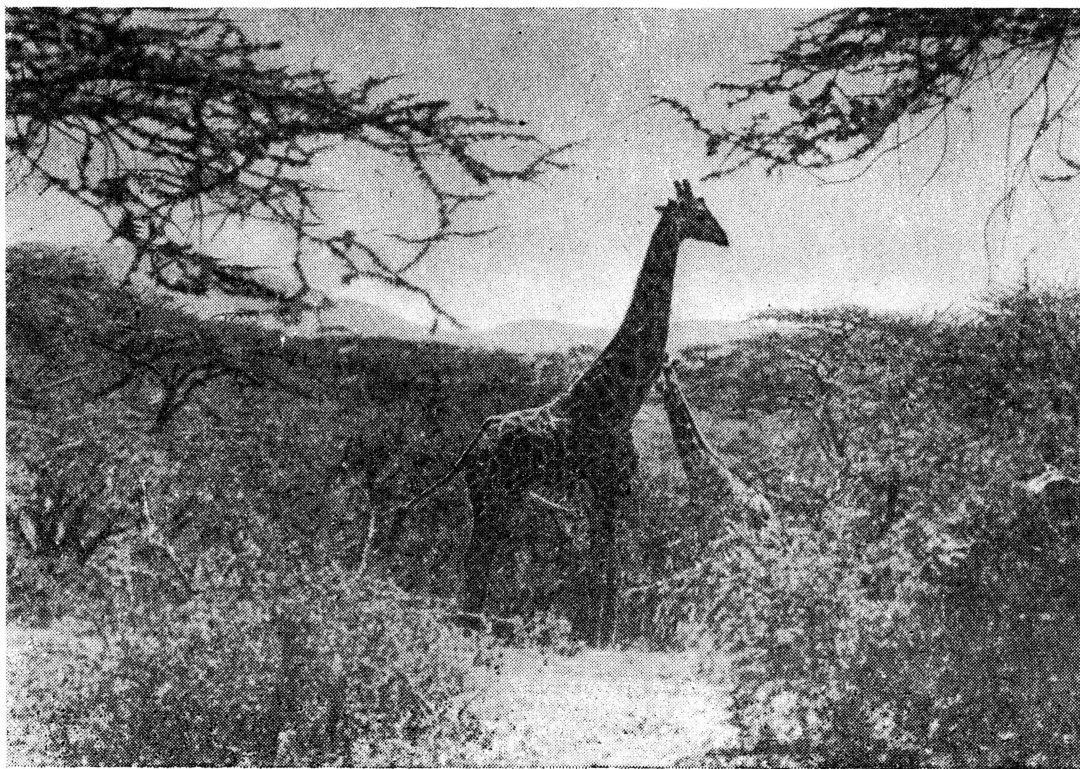
Мы пойдем самостоятельно. Даже без ночевки в домиках на пути к вершине. Палатки и запас продуктов делают нас совершенно автономными. Мы должны совершить первое советское групповое восхождение на Кибо. Вздохнув, хозяйка уступает. Четким почерком она заносит в специальную книгу запись о том, что уважаемые господа предупреждены о возможных опасностях и выходят на свой страх и риск. Аккуратно расписываемся, освобождая душу верной каточки от возможных неприятностей.

Утро следующего дня застало нас уже в пути. Жители селения Химо, спешащие вниз на работу, с удивлением приветствовали нас, желая удачного восхождения.

Беспощадное солнце, почти начисто уничтожившее своими отвесными лучами наши тени, жгло сквозь шляпы. Обступившие дорогу джунгли полны тени, но... непроходимы. А светло-красная лента дороги, дрожа в нагретом воздухе, накручивает поворот за поворотом.

В три часа дня лес, наконец, расступился. Повеяло прохладой. Первая ночевка, Мандаракхат. Высота 3000 метров. Последний островок причудливого леса, и мы у края альпийских лугов.

Ночь была прохладной, около десяти градусов тепла. Ветер гнал облака, а они сыпали на нас крупные капли дождя. Весь следующий день мы шли по альпийским лугам. Небольшие рощицы деревьев, сплетенных светло-зеленым мхом, чувствуют себя явно неуютно в этом мире холодных ветров. А солнце снова печет нестерпимо,

хотя мы «размениваем» уже четвертую тысячу метров. И вдруг навстречу нам — странная процессия. Двое молодых носильщиков с сундуками на голове, метра в двухстах позади идут еще трое, один из них торжественно несет фонарь «летучая мышь», другой примус. Еще через пять минут появляются две дамы. Рядом с ними, заботливо неся фотоаппарат, шагает проводник. Дамы не пошли выше ночевки Кибо, высоты 4700 метров, но судя по всему, «экзотики» хлебнули через край.

Снова пусто вокруг. Растет высота, скуднее становится альпийская (как неуместно здесь это европейское слово) флора.

И вот уже морозная тропическая (какое странное сочетание!) ночь нависла над хаосом лавовых глыб. Ушли вниз и притаились в душной, влажной зоне лесов белые облака. Млечный путь сверкающей дорогой перечеркивает бездонное небо. Почти в центре его скромным ромбом из четырех звезд мерцает Южный Крест — неисчерпаемая тема песен романтиков.

Ночь восхождения. Мы ждали ее почти два года. Девять тысяч километров оставил позади себя самолет, пятьсот километров — машина, пятьдесят — ноги. Остался путь, длиной в пять километров. И всего тысяча триста метров набора высоты. Холодно. Десять градусов мороза. Чуть поскрипывают под ногами черные камни да петляет еле видная тропка по пластам смерзшегося снега.

Два часа — самое темное время ночи. Холодное безмолвие вокруг. Только хриплое дыхание людей говорит о том, что есть жизнь на этих склонах. Короткая остановка в пещере со свисающими ледяными сосульками. Восемьдесят лет

назад она была пристанищем первого восходителя на Кибо — Ганса Майера.

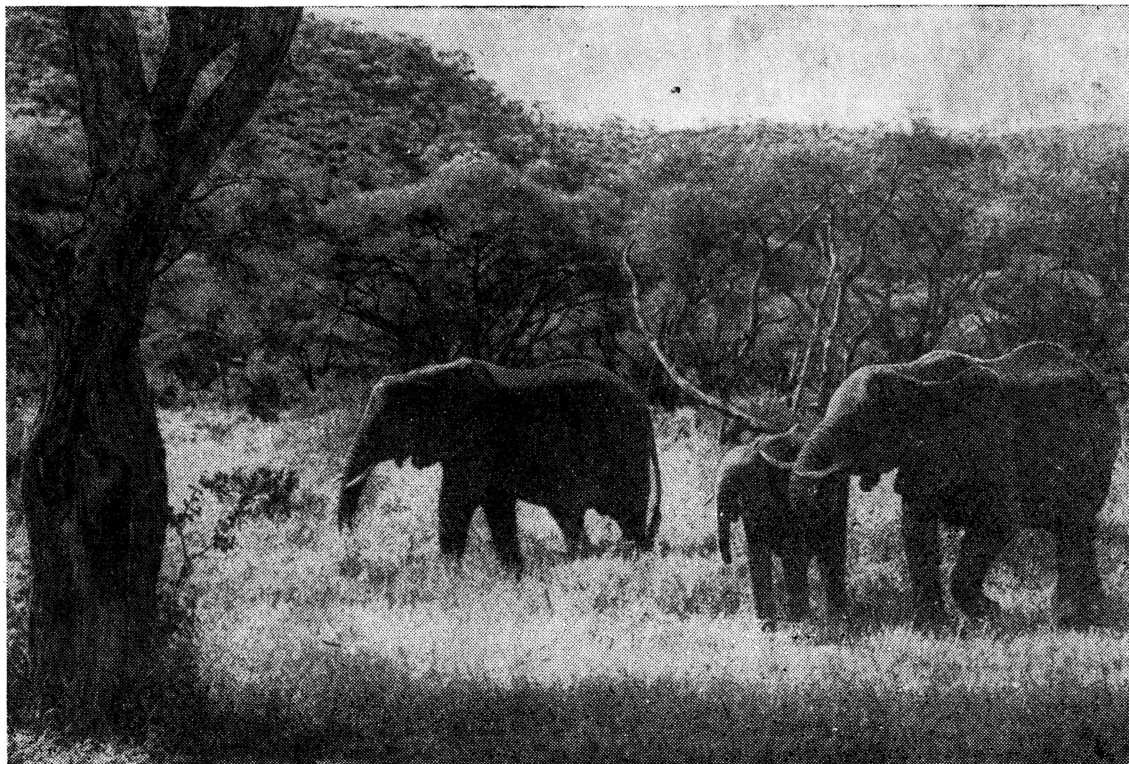
Выходим на довольно крутой снежник. Высота приближается к шести тысячам метров. Все меньший слой атмосферы отделяет нас от холодной звездной пустоты. Ноги и руки совсем ооченели. Каждый шаг — ступенька в твердом фирне — дается с трудом. За спиной медленно светлеет небо. Теперь дойдем — осталось метров двести высоты и вполне достаточный запас спортивной злости. Последний привал на холодных скалах. Сказочное зрелище восходящего солнца над вершиной Мавензи. Самые тяжелые шаги по предвершинным валунам. И вот кончился путь вверх, кончился внезапно. Фиолетово-синее утреннее небо тропосферы хлынуло в глаза. А ниже ослепительно белым покрывалом, скрывающим очертания гигантского кратера, сверкают снега.

Снега Килиманджаро!

На одной из огромных скал, из которых состоит гребень кратера, флагшток с обрывками вымпелов и флагов. Рядом — деревянный ящик с книгой для записи имен восходителей. Два вымпела затрепетали на ветру: серо-голубой — Географического общества и красный — спартакковский. Щелкают затворы фотоаппаратов, жужжит кинокамера.

Необычная тишина стоит в разреженном воздухе. Синие тени от гребня легли на белые снега кратера. Они укорачиваются с каждой минутой — слепящий даже через темные очки шар-солнце быстро ползет вверх. Далеко внизу, видная на десятки километров, просыпается африканская саванна.

А мы, шесть человек, принесли в вечные

снега тропиков крохотный пакетик с ленинградской землей, стоим под косыми лучами солнца и мысли и заботы наши уже далеко внизу, где много кислорода и чистой воды, где за поясом тропических лесов и знойным простором саванны ждут нас величайшие заповедники планеты.

«Ухуру на уююя»¹

Снова чинный отель слышит незнакомую доселе речь, а на куртках темнокожих официантов, несущих добавку хлеба «бванам», появляются значки с силуэтом Кремля. Вчерашний вечер был полон контрастов. Пройдя в последний день на спуске около 35 километров, обессиленные от жары и долгого пути, обгоревшие и грязные, мы ввалились в свои номера. А через час отмытые горячим душем, в полной вечерней форме продефилировали к обильному ужину, которым отметила наше благополучное восхождение обрадованная хозяйка.

Сегодня мы осматриваем окрестности отеля. Неловко себя чувствовать туристами-наблюдателями, но что поделаешь! Удивительное дело, английские семьи, приехавшие на отдых в эти прохладные по африканским понятиям места, не

¹ Свобода и независимость (суахили).

проявляют какого-либо интереса к природе и окрестностям. Взрослые целый день сидят в холле, лениво листая журналы, и даже дети, немного порезвившись на лужайке перед отелем, также чинно уселись в уголок.

Метрах в двухстах от отеля — сельская католическая церковь. Здание, похожее на чистенький каменный сарай, внешне никак не соответствует обители бога. Внутри скамейки, скромный помост с ширмой, за которой, видимо, совершаются все таинства. Никого нет, все двери настежь. Напротив дом, в котором находится детский сад и начальная школа. Оба заведения курируются церковью. Служители ее, скромные молодые люди с маленькими крестиками в лацканах пиджаков, прервали занятия, чтобы познакомить нас с жизнью их подопечных.

Сумрачная полутемная комната. Скромная утварь: несколько самодельных кроваток для самых маленьких, столики, стулья. В углу ящики: то ли с игрушками, то ли со столовой утварью. Два десятка детских мордашек, четыре десятка любопытных глаз. Нет традиционного писка и гвалта детского сада. Две молоденькие няньки с большими детьми на руках. На стенах, еще более подчеркивающие контраст с действительностью, вырезки из роскошных журналов: Эйфелева башня в лазурном небе Парижа, ослепительные снега Швейцарии с ярко одетыми, смеющимися лыжниками, белоснежные заокеанские небоскребы. Прекрасный, пьянящий, недоступный мир. Тут же рядом — бесхитростные рисунки малышей; обведенные и вырезанные из бумаги ладошки художников...

Тяжело смотреть на это суровое детство. Дети ведь не понимают ни разницы в судьбах

стран и народов, ни сложности современного мира. Они только молча смотрят на цветные сказки, висящие на темной стене, да приклеивают рядом свои худенькие ладошки из бумаги.

С другой стороны дома школа. Два класса в одной комнате. Некрашенные скамейки. Школа без учебников и тетрадей. Дети поют, заучивая материал на слух. Учебный материал — псалмы. Маленькая элегантная книжечка с крестом на обложке в руках молодого пастора-учителя — основная программа начальной школы. Компромисс с церковью. Еще несколько лет назад такая школа была единственным вариантом сельской сети начального образования. Сейчас она — один из вариантов.

Дети радостными криками приветствуют досрочную перемену. Молодые пасторы с удовольствием принимают значки пятидесятилетия Октября, тут же прикалывают их в петлицу рядом с крестом.

Шумная ватага высыпает на крыльцо и, дирижуемая учителем, слаженно исполняет на суахили псалом. Это нам, на прощание.

Еще через десять минут в просвете банановых листьев видим купол огромной хижины, похожей на остроконечный стог сена. Подходим ближе и неожиданно оказываемся в «галерее искусств Кибо».

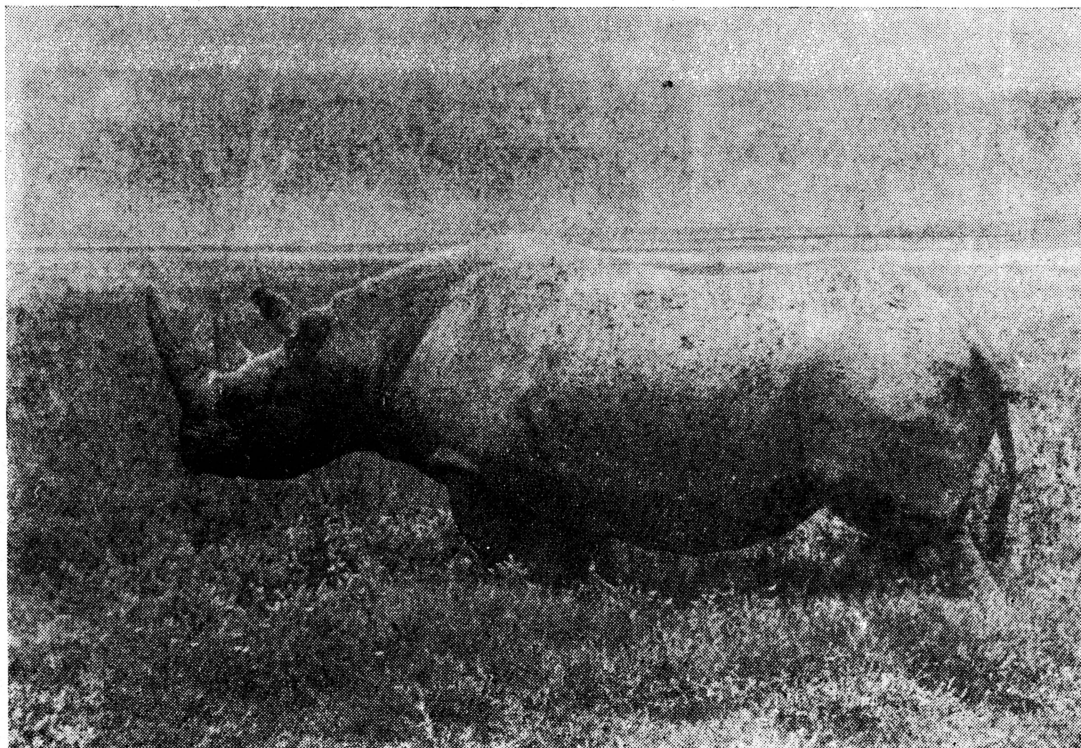
Седой старик негр, единственный страж музея, предупредил нас о нежелательности фотосъемок и оставил наедине с искусством современной Танзании. Спокойно пройдя шеренгу стилизованных скульптур, мы остановились перед галереей картин, под которыми повторялась одна и та же фамилия — Нджао. Неуловимое, почти не-

вероятное сочетание красок Ван Гога со стилем Николая Рериха поражает само по себе, а в этом далеком уголке планеты — особенно. Еще один необычный штрих — много библейских сюжетов, где главные действующие лица — апостолы, Мадалина, сам Христос — негры: вознесение Христа, тайная вечеря, поклонение волхвов. Названия из библейских сюжетов, но это другие, совершенно необычные полотна. «К неизвестному богу», фантастика пополам с мистикой — необычайно талантливо и своеобразно.

Смотритель с гордостью показывает нам вырезки из газет. Талант молодого художника замечен совсем недавно. «Где он сейчас?» — спрашиваем мы. «В Найроби, — с грустью говорит старик. — Переманили сына моего. Славу большую сулят...»

Прощаемся, сохранив в памяти палящее солнце над желтыми холмами и черные лица, в экстазе обращенные к черному богу. Старый седой человек долго смотрит нам вслед с порога родовой хижины, хранящей тепло таланта его сына...

На другом конце селения за десятиметровыми стрелками цветущих агав — старинное здание педагогического колледжа с крестом на крыше. Бывший католический колледж сейчас переживает второе рождение. Полным ходом идет строительство нового комплекса современных аудиторий, лабораторных корпусов, часовни, мастерских. В готовых к приему зданиях — современные кабинеты лингвфонного обучения со специальными акустическими покрытиями стен, физико-химическая лаборатория углубляет представление о современном мире и его законах. Лаборатория готова к борьбе за атеистическое

В плену экзотики

мировоззрение. Готова к борьбе и модернистская пятиугольная в плане часовня, похожая внутри на летнее кафе. Новые полированные скамейки еще не испещрены автографами непоседливых слушателей. Свеженькие молитвенники издательства «Августин-пресс» (Иллинойс, США) ждут будущих хозяев.

Здесь, как и во всей стране, идет незримая, но острая борьба. Борьба за людей. Арушская декларация — программный документ партии ТАНУ — в числе главных задач провозгласила борьбу за социалистическую идеологию. В условиях Танзании эта задача не менее сложна, чем создание современной, процветающей экономики. На многих учебниках, увиденных нами в библиотеке колледжа, специальная пометка издательств Англии и США «для Восточной Африки». Излагаемый в них материал (особенно его гуманитарно-философская сторона), как правило, достаточно полно «не коррелирует» с прогрессивными концепциями. В этих сложных условиях конечный результат во многом будет определяться усилиями преподавателей колледжа — активистов партии ТАНУ. От их борьбы за умы студентов будет зависеть, какое число из шестидесяти преподавателей каждого выпуска понесет прогрессивные идеи в средние школы, а какое ограничится пересказом истин с клеймом «Августин-пресс».

А за воротами буйная растительность тропиков и беззубые улыбки встречающих, уже знающих о советской группе.

«Рашен!» — восторженно кричат мальчишки у сквера перед отелем, устраивают баталии из-за значков и помогают собирать цветы для гербария...

Бесконечная лента шоссе уходит за горизонт, а по обеим сторонам ее в тени банановых рощ лежат грозди, корзины, ящики, связки бананов, готовых к отправке в города. Нас ждут знакомые пока по книгам об Африке да кинофильмам «клуба кинопутешественников» заповедники: озеро Маньяра, кратер Нгоро-Нгоро, плато Серенгети. Зеленые холмы Африки, воспетые Хемингуэем, оттеняют желтизну сухой саванны. Мерное шуршание шин навеивает думы о далеких зимних полях.

Песни, веселые и грустные, протяжные и быстрые, рвутся на простор из несущейся машины. Вздрогнув, недоуменно поднимает от теодолита голову инженер-англичанин, стоящий с непокрытой головой на самом пекле.

Удивительное дело, как часто у себя дома мы находимся в плену модных песенок — «шлягеров». Романтика Окуджавы и Визбора, «экспедиционная» лирика Кукина и Городницкого, тонкая чувствительность Новеллы Матвеевой, грубая прямота Высоцкого. Но вот кривизна Земли скрывает очертания знакомых берегов, чужие звезды зажигаются в небе и уходят в небытие модные песни. Остается то, что «забито» накрепко, что связывает тебя с далекой родиной. «Летят перелетные птицы» сменяет «Степь, да степь кругом»; кажется не к месту, но зато как здорово плывет над саванной грустный мотив «Эх дороги, пыль да туман», и наоборот — совсем к месту, выплескиваясь из открытых окон, несется в тень при-

дорожных баобабов «Среди долины ровняя, на гладкой высоте»...

Через два часа необычное зрелище — мечта географа. От горизонта до горизонта (и даже дальше, примерно на две тысячи километров с севера на юг) гигантской четырехсотметровой ступенькой протянулся Великий африканский разлом. У его зеленого подножья раскинулось озеро Маньяра с густым заповедным лесом по берегам.

Осторожно въезжаем в царство диких зверей. Здесь они на свободе, а люди в клетках-машинах. Правда, есть открывающаяся крыша, сквозь которую ты до пояса высываешься со своей фото- и кинотехникой, что создает полную иллюзию беззащитности царя природы перед царями зверей.

Две львицы безмятежно спят на ветках акации в прохладной тени. Приглушив мотор, машина подкатывается под самое дерево. На шкале расстояний фотоаппарата четыре метра. Торопливо щелкают затворы, жужжат кинокамеры да вежливо зевает наш шофер, читая свежую газету. А потом мирно пасущееся стадо слонов и совсем крохотный на их фоне наш микроавтобус, предусмотрительно развернутый к слонам тылом на случай осложнения взаимоотношений.

Но вот уже к разделу воспоминаний отнесены обезьяны и слоны неповторимого заповедника у озера. Надсадно воя мотором, по дорожному серпантину мы въезжаем на грань кратера Нгоро-Нгоро. Белые облака клубятся рядом — высота две тысячи метров. Одинокий слон нахально пасется на чьем-то огороде. Скромный обелиск-могила молодого чешского зоолога Гржимека, разбившегося здесь на своем спор-

тивном самолете, стоит у обрыва в тени надвигающихся сумерек.

Утром мы пересели на лендровер. На нем спустились по крутой дороге в кратер. Гигантская чаша, более двадцати метров в диаметре, просыпается, сбрасывая легкое покрывало ночного тумана. Стайка веселых газелей Томсона, подрагивая хвостиками, пасется рядом, вперемешку с антилопами гну серьезно смотрят на нас, не переставая жевать, сытая, отяжелевшая гиена лениво трусит к склону в тень деревьев. Рассеивающийся туман открывает все новые неожиданности заповедника. Ограниченный естественным валом кратера, бродят здесь стада антилоп Иланда, зебр и гну, семейства львов располагаются прямо на открытых лужайках, переваривая пищу и резвясь после удачной охоты, небольшие стада носорогов в четыре-пять голов, похрюкивая, методично уминают жухлую траву. Удивительно мирное «коровье» впечатление производят эти неповоротливые махины. Но вот минутная потеря бдительности шофера, и машина оказалась прямо на пути носорога. Вздрогнула массивная туша, напряглись ноги-колонны, кровью налились глаза. Мгновенный поворот руля, и машина снова сбоку. И снова все спокойно и мирно...

Законы заповедника строжайше запрещают выход людей из машин. Однако жизнь, как известно, богата неожиданными ситуациями. Даже в заповедниках. Желая поближе рассмотреть стадо розовых фламинго, мы неосторожно подъехали к топкому берегу и застряли на заливаемом лугу всего в десяти метрах от сухого грунта. Усилия довольно слабенького мотора быстро погрузили колеса по оси в теплую грязь, после

чего выход и организация спасательных работ стали уже суровой необходимостью. Напичканные «тропическими» инструкциями, мы совершенно явственно представляли, как зловередные церкарии — носители самых страшных болезней — ждут нас в теплой гниющей воде. Но... первая пара ног звучно плюхнулась в воду, сразу потеряв свой белый цвет, за ней вторая, третья. Операция по спасению лендровера продолжалась два часа почти на виду у изумленных львов и носорогов. Наконец взревел мотор, потоки жидкой грязи покрыли оставшиеся еще незапятнанными части тел, лендровер, дрожа, выполз из трясины и замер. Наш шофер Эссау с радостными криками бросился к нам, наверное навсегда запомнив русское «раз-два — взяли!»

И снова ложатся под колеса километры дорог, а справа и слева умопомрачительные стада антилоп гну и зебр. Несколько сот тысяч их мигрирует через саванну к озеру Виктория. Вокруг, сколько видит глаз, — колонны, табуны животных. Несутся, идут, скачут.

Традиционный шлагбаум, флаг Танзании, маленький домик. Въезд в заповедник Серенгети условен — та же саванна с зелеными холмами, поросшими лесом. Молодой парень, дежурный охраны, изумленно улыбается — мы первые русские на его памяти, въезжающие в Серенгети. Он очень интересуется Россией — показывает нам богато иллюстрированную, но с явно «кляквенным» текстом книгу об СССР какого-то скандинавского издательства. Дарим ему комплект открыток и роскошное издание «СССР в иллюстрациях». Долго не можем расстаться, наперебой комментируя далекие и экзотические названия: Суздаль, Игарка, Сахалин.

Удостоив равнодушным взглядом двух роскошных львиц, возлежащих на дереве метрах в сорока от домика, сворачиваем к лесистому холму в поисках встречи с леопардами. Однако гордость заповедника — дикие, кровожадные красавицы прячутся в ветвях где-то рядом.

— Остановимся, — говорит шофер, — здесь удобное место для еды.

— Интересно, мы будем есть или нас будут есть? — мрачно осведомляется один из москвичей, вылезая из машины на лужайку.

В аккуратных коробках с изображением носорога — набор. Сырок из Кении, танзанийские бананы, содовая вода из Уганды, пластмассовая ложечка из Гонконга.

В общем — международный ленч. Система заповедников — весьма прибыльная организация. Естественно, это привлекает различные компании — от поставщиков лендроверов до производителей туалетной бумаги.

По прямой, как стрела, дороге мчимся к центру заповедника — кемпингу Серонера. Причудливые груды огромных валунов, поросших кустарником, появляются слева. Как будто эти островки — горы каменного материка, залитого как морем красной землей саванны. Справа от нас внезапно появляется красавец козел-топи. Бешеным галопом летит он, соревнуясь в скорости с нами, потом в несколько прыжков выскакивает на дорогу и несется перед машиной, никуда не сворачивая километра два.

— От льва спасается, у человека ищет защиты, — замечает Эссау.

62 Наш спутник, гид и шофер Эссау, — молодой, симпатичный, коренастый, белозубый, с широким лицом — типичный представитель племени чагга,

обитающего в районе Килиманджаро. Он один из счастливых, кому удалось закончить среднюю школу. В течение ряда лет работает в туристской компании. Заработка с трудом хватает на жизнь семьи. Очень хочет учиться дальше.

Вечером 8 марта мы пригласили его отметить в мужском обществе женский день. После традиционных тостов за белых и черных жен разговорились о жизни стран, экономике, политике. Хорошо разбираясь в современном положении, Эссау говорил нам о том, как непросто претворение в жизнь положений Арушской декларации о постепенном переводе экономики на социалистические рельсы. Он рассказывал о фактическом бойкоте со стороны ряда промышленных фирм западных стран, об острой нехватке специалистов с социалистическими убеждениями, о сильном влиянии церкви, особенно в сельских районах. И еще говорил о том, что многие европейцы-туристы приезжают сюда, «считая, что у нас хвост как у обезьян». И он долго будет помнить этот вечер в кругу советских друзей, где он сидит «на равных». Откровением для него было и то, что дружба и общность целей объединила в нашей группе представителей четырех национальностей. Национальный вопрос в Танзании не так остр, как в ряде стран Западной Африки, но все же наследие колониализма еще не изжито и здесь.

Переночевав в кемпинге, хозяина которого — щуплого старичка англичанина в шортах — мы по какой-то необъяснимой ассоциации дружно прозвали дедом Щукарем, выехали в кольцевой маршрут в поисках новых обитателей Серенгети. В этот день фотокиноохота была особенно удачной. Две леопардовые кошки, спящий среди травы гепард, стадо страусов голов в сто, спокойно, горделиво шествующих вслед за вожаком, стая гиеновидных собак, матерый кабан-бородавочник с клыками, образующими почти кольцо, — вот «улов» первых двух-трех часов поездки. Львов, сидящих в тени камней или играющих на опушке небольшой роции, мы уже не считаем за находку. Жанровые сценки из жизни животного мира — драка грифов над падалью и бегство от машины двух гиен, одна из которых мчалась, не выпуская из зубов куска добычи, — как бы подвели итог впечатлениям дня.

Вечером, когда ночь уже вступала в свои права и черные силуэты акаций с трудом выделялись на темно-красном небе, подсвеченном еще розовыми облаками, торжественно отметили самую западную точку маршрута. Отсюда начинается наш путь обратно в родную страну. Опять вполголоса пели песни. Чопорная публика сидела на открытой веранде вокруг костра-камина. Высокоинтеллектуальные англо-французские фразы («У сэра был сегодня отменный аппетит», «Интересно, повисится ли завтра влажность...») лениво порхали от кресла к креслу. И вдруг захотелось подкинуть в костер цветную ракету, взятую с собой на случай беды в горах, и посмотреть, как в ее ослепительном свете появятся на окружающих лицах гамма естественных чувств. Но местная «международная обстановка» не благоприятствует столь «революционным» действиям, и мы ограничиваемся всесторонним анализом гипотетической ситуации.

Прохладная тишина спустилась на лагерь. Погасли огни в хижинах и палатках. Ночные звери начинают свою неслышную для человека жизнь.

К синему океану

Утром прощаемся с нашим Эссау. Дарим ему кучу сувениров и книг, благодарим за незабываемую поездку. Он в свою очередь произносит прочувственную речь. Наибольшее впечатление, как оказалось, на него произвел момент, когда после аварии с машиной в Нгоро-Нгоро мы, имея возможность уехать с попутным лендрровером в отель (как это обычно и делают туристы с застрявших машин), остались с ним вытаскивать лендрровер. Расстаемся настоящими друзьями.

Обремененные объемистыми альпинистскими рюкзаками, туристскими чемоданами, ритуальными барабанами из зебровых шкур, масайскими щитами и копьями, с трудом погрузились в рейсовый автобус и двинулись через всю страну к городу Танга на побережье океана — городу, давшему название всей стране. За окном баобабовые леса. Никогда не думал, что они существуют. Картинка — баобабы-одиночки среди простора саванны — считалась почему-то единственным возможным вариантом.

Грунтовая дорога петляет по неглубоким ущельям вдоль зеленых склонов гор.

Во второй половине дня долины стали шире, горы ниже. Потянуло влажным дыханием еще далекого океана. По обе стороны дороги все чаще стали появляться поля с тысячами геометрически безупречных рядов остролистого растения. Пучки серебристых мясистых листков, растущих из одного корня, повторяющиеся в десятках тысяч одинаковых экземпляров, придают

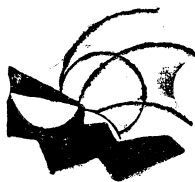
плантациям какой-то неземной, марсианский вид. Это сизаль — одно из богатств страны. Родоначальник знаменитых сизалевых веревок, внесших неоценимый вклад в многовековое могущество парусного флота, — эта техническая культура сохранила свою ценность и сейчас, в нейлоновую эру. Национализированные высокорентабельные плантации являют собой один из примеров успешного претворения в жизнь прогрессивных планов танзанийской экономики.

Город Танга, северный порт Танзании на берегу Индийского океана, встретил нас довольно скромной температурой — плюс 29° С, которая, однако, в сочетании с почти 100-процентной влажностью переносится весьма тяжело. Здесь, как и на всем восточном побережье Африки, чувствуется влияние арабского мира — преимущественно в архитектуре. Современный небольшой порт принимает корабли из СССР и других социалистических стран, хотя главная артерия морской торговли проходит через Дар-эс-Салам.

В консульстве узнаем, что в танзанийской газете опубликована информация о нашем восхождении — особо отмечено его самостоятельное проведение без услуг проводников и носильщиков. Улыбнулись безбожно искаженным в корреспонденции фамилиям.

И снова, как четыре недели назад, мелькают под крылом самолета пальмы. Только теперь, точно в фильме, пущенном наоборот, уменьшаются с каждой секундой их силуэты. И вот уже виден весь Дар-эс-Салам, и за грязно-зелеными тонами залива бесконечная, вплоть до Австралии, гладь океана. А впереди снова Великая воздушная дорога. Дорога домой.

Фото автора

АЗЪ БУКИ ВЪДИ

ЧТО ТАКОЕ РЕНОМЕ?

Когда-то, лет 25 назад, попался мне в руки номер журнала «Крокодил» с эпиграммками и шаржами в адрес некоторых участников Пленума Союза писателей, проходившего в то время. Одну эпиграмму я помню, хотя не ручаюсь, что воспроизведу ее точно. Она была направлена против писателя, употребившего в речи слово **авторá** вместо **авторы**:

«Давно, товарищи, пора не говорить нам авторá,

чтобы на этом пленумé не портить наше реномé». Последнее слово мне было непонятно. Что такое **реноме**? Заглянув в словарь, я узнал, что это слово французское и означает установившееся, сложившееся мнение о ком-либо или о чем-либо. У него есть синоним: **репутация** (тоже из французского языка).

Но не только писатель — всякий грамотный человек должен бережно относиться к слову.

Особую осторожность надо проявлять в употреблении иностранных слов. Иногда неуместное их употребление приводит к непониманию речи слушателем. Мало того. Дело доходит до смешного. Один чеховский персонаж выражался так: «Что такое неженатый человек, ежели взглянуть на него с точки зрения? Так, синоним какой-то...» Он явно не знал значения этого слова. И читатели смеются над ним, видя птицу по полету. Люди всегда смеются над теми, кто «слышал звон, да не знает, где он».

Иностранными словами без надобности часто щеколят люди малообразованные, «нахватавшиеся верхушек». «Оне хочут свою образованность показать, вот и говорят о непонятном». Эта фраза героини одного из чеховских водевилей стала крылатой.

Еще одно замечание. Всегда нужно иметь в виду, с кем вы

говорите. Ребенок или малообразованный человек не поймет вашей речи, если в ней содержатся иноязычные слова. Если вы, обращаясь к малышу, скажете: «Коля, ты отобрал яблоко у Пети из эгоистических соображений! Ты проявляешь зоологический индивидуализм! Это абсолютно неприемлемо!» — вряд ли это произведет на него впечатление. А если вы скажете: «Коля, не будь жадным. Отдай Пете яблоко, нельзя любить только себя самого», — ребенок все хорошо поймет.

Вспоминается мне один давний случай. В трудном 1946 году я стоял в очереди за хлебом. Передо мной — старая женщина, перед ней — девушка. Хлеб еще не привезли, и люди один за другим уходили из очереди, надеясь, что успеют в другом магазине «отovarить» карточки на крупу, сахар или жиры. Ушла и девушка. Подъехал фургон, продавцы стали выгружать хлеб. Очередь попятилась — в нее стали быстро вливаться те, кто ушел раньше. Девушка тоже прибежала. Старуха встретила ее косым взглядом и пробурчала: «Ты откуда взялась?» Девушка долго доказывала, что она стояла именно здесь. Это же подтверждали и свидетели. Но старуха и слушать не хотела. Девушку поставила впереди себя какая-то женщина, а девушка сказала старухе: «Вы **эгоистка**». Та пришла в ярость и закричала на всю улицу: «Это ты, наверно, эгоистка-то, а не я! Я ведь по ночам с парнями не шляюсь, заборы не подпираю! Я сроду эгоисткой не была!» Кое-как успокоили старуху. А я задумался о том, как из-за одного неверно понятого слова может разгореться ссора.

Надо также правильно произносить слова. Для этого очень важно верно ставить ударения. Грамотный человек никогда не скажет **случай**, **процент**, **портфель**, **ремонт**; он знает, что надо говорить **случай**, **процѐнт**, **портфѐль**, **ремонт**. Сведения о правильных ударениях можно найти в словарях.

Некоторые люди, старающиеся показать свою «образованность», произносят **шинэль**,

пионер, **тэма**, **тэзис**. Они не знают, что слова иноязычного происхождения, давно укоренившиеся в русском языке, претерпевают изменения, приспособляясь к его законам. Так, английское **рейлз** стало произноситься как **рельс**, греческое **тэма** как **тема**.

Правда, имеется немало слов, в которых пишется **е**, а читается **э**: **антенна**, **анемон**, **обсентеизм**. Иноязычное происхождение здесь ощущается говорящими сразу; оно, как говорится, видно невооруженным глазом.

Не мешает нам знать, как правильно употреблять грамматические формы и сочетания слов. На Урале часто можно слышать: **мать стирается**, **дочь шьется** вместо **мать стирает**, **дочь шьет**. Частица **-ся** придает глаголам стирать и шить страдательное значение. Сравним: «**Это платье стирается хорошо**». «**Пальто шьется в мастерской уже месяца**». А между тем, говорящий имеет в виду действительный залог, означающий, что подлежащее само производит действие, а не испытывает его со стороны. «Стираться» может платье, носовой платок, но никак не мать! «Шиться» может шуба, платье, но никак не дочь! А на юге говорят даже: «**Ребенок играетя...**» Глагола игратья в литературном языке нет.

Нельзя, например, сказать: «Наш отряд сплотился в дружную единицу», так как единица не может быть ни дружной, ни недружной. Нередко мы слышим и такое: «Ваня, одень пальто!» Здесь неправильно употреблен глагол **одеть** вместо **надеть**. Одеть можно куклу, человека, но пальто **одеть** нельзя. Его можно только **надеть**.

Слова нужно беречь. Слово может быть и лекарством, поднимаящим с постели больного, и кинжалом, вонзающимся в грудь по рукоятку, по выражению поэта Расула Гамзатова. Слово — носитель мысли, хранитель знаний. Мы должны знать его законы.

Е ГИЛЕВА

ОСЕННЕЕ ПОЛЕ

Е ГИЛЕВА

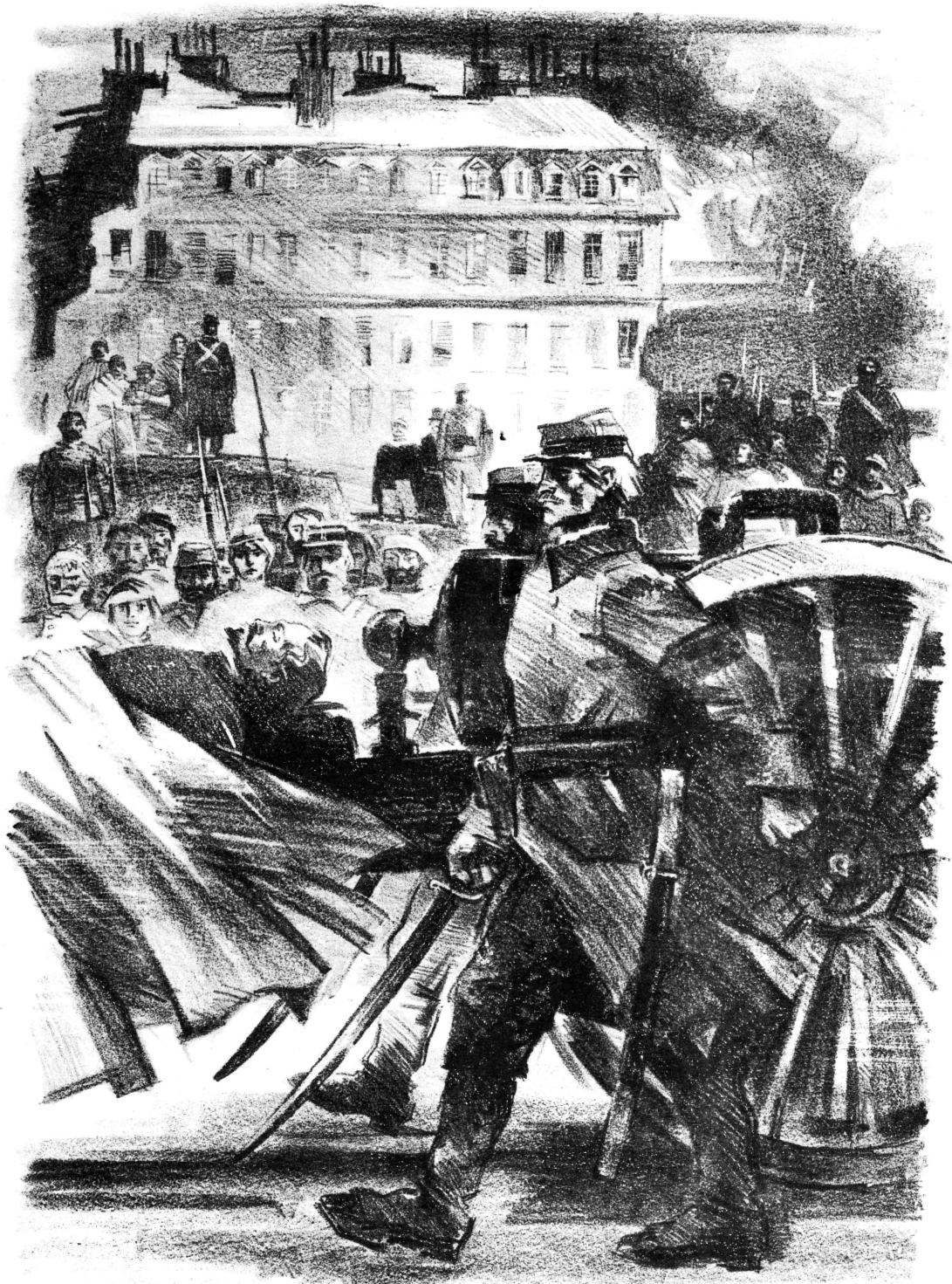
БЕРЕГА НА ИСЕТЬ

COMMUNE DE PARIS 1871-1971

*Прочь шляпы, буржуа, и поклонитесь людям!
Да, мы рабочие. Рабочие! Мы будем
Господствовать, когда наступит новый век...*

Артюрь Рембо

*Похороны героя Парижской Коммуны
генерала Ярослава Домбровского*

*Литографии
В. Старова*

В. ЯКОВЛЕВ

ВЫШИВАНИЕ

ПЕРВЫЙ ИНТЕРДЕТДОМ НА УРАЛЕ

Началом интересного следопытского поиска учащихся школы № 10 стали несколько газетных строк. «Учительская газета» в статье о А. В. Лучарском упоминала об интернациональном детском доме имени К. Либкнехта и Р. Люксембург, находившемся в 1922 году на берегу озера Смолино, около Челябинска.

Что это за детский дом? Почему он назывался интернациональным?

Следопыты решили ответить на эти вопросы. Вскоре оказалось, что в поиски включились и другие ребята. В Челябинск пришло такое письмо: «Прежде всего мы хотим представиться. Мы — это «Клуб интернациональной дружбы» при Доме пионеров в г. Земмерде, ГДР. Нами получено задание: изучение истории детского дома имени К. Либкнехта и Р. Люксембург у озера Смолино.

Дом был построен на средства, собранные немцами и голландскими детьми в 1921—1922 гг. Будьте уверены, дорогие товарищи, что мы приложим все наши силы, чтобы исследовать до конца историю «большой дружбы», как мы это называем. Мы хотим показать всем людям, сколько доказательств истинной дружбы между СССР и нами, немцами, имеется уже с первых лет Советской России.

За мир и социализм — Всегда готовы! Дружба!

Пионеры и члены союза Свободной немецкой молодежи г. Земмерда, район Эрфурт».

Челябинские следопыты выяснили, что руководителем Смолинского детского дома была немецкая коммунистка Лотта Пулевко. А потом в результате переписки с немецкими друзьями узнали, что в Потсдаме (ГДР) есть детский дом, носящий ее имя. Когда он был открыт? Кем? Почему ему присвоено имя Лотты Пулевко? Новые вопросы и новая переписка с архивами, с потсдамскими ребятами...

Так была воссоздана история интердетдома имени К. Либкнехта и Р. Люксембург у нас на озере Смолино.

Голод

В результате первой мировой войны, в которую была втянута царская Россия, в стране наступила разруха. Молодая Советская республика вынуждена была вести войну с интервентами и внутренней контрреволюцией. Не хватало продовольствия. Многие губернии страны, в том числе и Челябинская, были охвачены голодом. В отчете губисполкома 1922 года отмечалось: «Голодающих по Челябинской губернии — 423•372 человека, из них детей — 178 тысяч. Особенно поражены уезды Верхнеуральский, Троицкий, Миасский».

В этой тяжелой обстановке предпринималось все возможное, чтобы спасти детей, в первую очередь беспризорных. Вот скупые строки одного из протоколов тех лет:

«Слушали: О принятии мер в подборании беспризорных детей, валяющихся по улицам в ночное время.

Постановили: Обратиться в РКСМ с просьбой организовать летучие отряды для обхода улиц по ночам на предмет подбора беспризорных детей...» Истощенные, обессиленные дети помещались в специальные детские дома, но и сюда приходили голод и холод.

Еще в 1919 году на берегу озера Смолино, на дачах бывших челябинских купцов, была организована детская колония, в которой находились ребята от 6 до 12 лет.

Бывшая воспитанница этой колонии К. Шавалова вспоминает: «В домах печи не топились, а были установлены железные печки, которые держали тепло, пока топят. Топливо добывали сами, пилили деревья с корня. Обед — горячая водица. С наступлением весны и лета мы оживали и переходили на подножный корм, благо лес был рядом. Все, что можно было есть, — ели: кислятку, варили крапиву, собирали ягоды, грибы. Вообще летом жилось привольно. Но проходило лето, и опять наступала холодная и голодная пора».

Другая воспитанница, Роза Петровна Кетчик, рассказывает: «После смерти моих родителей от тифа меня в 1921 году увезли на Смолино. На первых порах и там не сладко нам пришлось. В день выдавали по 50 граммов хлеба и сколько хочешь бульона, состоявшего в основном из воды...

Страшно было смотреть на опухших от голода. Я, наверное, никогда не забуду, как некоторые ребята, растягивая удовольствие, ели этот кусочек хлеба. Они брали на маленькую палочку, вроде спички, по крошке. И так могли есть свой кусочек 3—4 часа. А остальные, которые свою порцию просто проглатывали, затаив дыхание, смотрели на них».

Международная рабочая помощь

2 августа 1921 года Владимир Ильич Ленин в специальном обращении к международному пролетариату писал:

«В России в нескольких губерниях голод... Это тяжелое последствие отсталости России...

Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся... Мы уверены, что, несмотря на их собственное тяжелое положение... они откликнутся на наш призыв...»¹

В сентябре 1921 года в Берлине состоялась международная конференция комитетов помощи населению голодающих районов Советской России. Был организован Межрабпом (Международная рабочая помощь), который возглавила Клара Цеткин. Секции Межрабпوما объединяли более 10 миллионов трудящихся разных стран. За 1921—1922 годы было собрано денег, вещей и продовольствия более чем на 5 миллионов рублей золотом. О том, как шел сбор средств в Германии, мы узнали из немецких коммунистических газет того времени. Вот письмо московских ребят, опубликованное 15 сентября 1921 года в газете «Молодой товарищ».

«Дорогие маленькие интернациональные друзья! Вам уже, наверное, известно, что многие губернии России поражены тяжелым неурожаем и что там тысячи детей остались не только без хлеба, но и без одежды и жилья.

Мы просим вас, дорогие товарищи, помогите этим голодающим детям, которые сами не имеют возможности обратиться к вам. Мы просим по-

Лотта Пулевко.

мочь им во имя интернациональной солидарности.

Когда мы станем взрослыми, тогда воспоминания о помощи, которую вы нам оказывали в трудное время, объединят нас так крепко, что союз совместного дела, за которое мы все должны бороться, еще крепче, еще неразрывнее свяжет нас».

Здесь же был напечатан ответ. «Конференция руководителей коммунистических детских союзов Германии и Лейпцига приняла послание маленьких русских товарищей и обещала довести его до слуха всех немецких детей с тем, чтобы со своей стороны сделать все возможное, чтобы уменьшить нужду голодных русских детей...»

На собранные деньги закупалось продовольствие. Первые эшелоны его двинулись в Советскую Россию. Один из них прибыл в Челябинск. Вот телеграмма об этом событии.

«Москва. Коминтерн. Международный рабочий комитет помощи голодающим. Приехал в Челябинск с первыми 15 вагонами продовольствия. Обследовали детские дома, столовые. Все в хорошем порядке, но необходима срочная помощь, так как продовольствие со дня на день сокращается. Взрослые и дети умирают. Приступаем к кормлению 1500 детей. Местные рабочие организации приветствуют братскую помощь. Просят международный комитет помощи обратиться к рабочим, работницам, юношеству всех стран с благодарностью за братскую помощь...»

Уполномоченный Межрабпوما в Челябинске Тернер. 22 февраля 1922 года».

Немецкий пролетариат продолжал сбор средств. Доставить очередной эшелон пожертвованной челябинским детям поручили активному члену Германской Коммунистической партии Лотте Пулевко.

Товарищ Лотта

В своей автобиографии Лотта Пулевко пишет: «Я родилась 16 июля 1893 года в Эльвине, в семье аптекаря. В 1910 г. окончила лицей для девочек, после которого три года посещала семинар, сдав в Кенигсберге экзамен на преподавателя профессиональных училищ. После стажировки меня послали в Потсдам кандидатом преподавателя с испытательным сроком.

Во время учебы в 1911 г. вступила в студенческий марксистский кружок. В 1912 г. все мы, члены его, вступили в СПГ. С начала первой мировой войны я стала ее противником и вышла из СПГ.

На первой демонстрации в 1916 г. в Берлине я связалась с товарищами будущего союза «Спартак». После основания компартии Германии я сразу стала ее членом, выполняла нелегальные партийные поручения. Была не раз арестована. Жила на нелегальном положении».

Лотта Пулевко в 1919 году помогла Вильгельму Пикку бежать прямо из здания суда, где его должны были судить. Вот как об этом рассказывается в книге для чтения учеников 4-го класса школ ГДР.

«Это был страшно холодный день. С серого неба падали большие хлопья снега. При входе через двор в здание суда Вильгельм Пик услышал: «Внимание».

Голос показался знакомым. Он оглянулся и узнал Отто Франке. Это обострило внимание. Узников завели в комнату для ожидания. Двое солдат охраняли их. Товарищи наблюдали, как уборщица моет окно. Казалось, что ей больше доставляет удовольствие болтать с солдатами, чем работать. Ее поведение привело солдат-охранников в веселое настроение. Она сказала, что позаботится о сигаретах для них. Пик подвинулся к двери так, что этого не заметили солдаты. Ему подали осторожно шапку. Вошедший чиновник объявил, что на несколько минут заседание суда отложено.

— Тогда надо проветрить помещение,— решила уборщица.— Отойдите все от двери. А вы, господа солдаты, задержитесь, помогите мне быстро открыть окно.

Солдатам было приятно разговаривать с веселой молодой женщиной. Окно с трудом открывалось, и солдатам пришлось хорошенько повозиться, прежде чем рама сдвинулась.

В дверях появился мужчина, который делал вид, что читает газету. Вильгельм Пик узнал в нем своего сына Артура. Тот кивнул и пошел, за ним последовал Вильгельм и оба других арестованных. Артур открыл дверь, которая вела к боковой лестнице. По дороге Вильгельм Пик надел пальто, которое передал ему сын. Они вышли на хозяйственный двор. Сторож, разгребавший снег,

быстро открыл им входную калитку и выпустил всех на улицу.

Появившийся в комнате ожидания чиновник потребовал ввести в зал арестованных. Тут солдаты заметили, что Пика нет. Они бросились через коридор по лестнице вверх и вниз осматривать комнаты. Но все напрасно. Солдаты вернулись, но оказалось, что и уборщица исчезла. Так Лотта Пулевко выполнила свое партийное поручение».

В Советскую Россию

В Советскую Россию из Германии в 1922 году приехала комиссия помощи голодающим. В ее состав входила и Лотта Пулевко. Лотта потом

вспоминала:

«Наконец, мы приехали в Челябинск. Мои товарищи по работе и Ханна Дерфель жили в городе. Там же жил товарищ Макс Цеткин, сын Клары, который работал в комиссии помощи голодающим».

Лотту Пулевко вскоре назначили руководителем интернационального детского дома. А как оказался в России Макс Цеткин?

Еще в 1920 году одна из основателей Германской Коммунистической партии Клара Цеткин направила своего сына Максима (Макса) в Советскую Россию. В своем письме к В. И. Ленину К. Цеткин писала:

«Уважаемый дорогой друг Ленин!

Настоящим письмом рекомендую Вам, Вашей дорогой жене моего сына Максима и его жену. Юноша внушил себе, что он хочет работать врачом в Советской России. Я отпускаю его, конечно, с тяжелым сердцем.. Все мои чувства и желания воплощаются в одной мечте: я надеюсь, что мой сын будет верой и правдой служить Советской России, революции.

Он говорит по-русски, а кроме немецкого, хорошо владеет английским, французским, испанским, имеет основательную подготовку в ряде областей».

В 1922 году по заданию Межрабпома Макс Цеткин приехал в Челябинск и занимался организацией детского дома имени К. Либкнехта и Р. Люксембург. Между губернским отделом народного образования и представителем Межрабпома 7 июня было подписано соответствующее соглашение.

«Детский дом Либкнехта и Люксембург, по желанию учредителей, т. е. западного пролетариата, при живейшем участии женщин и молодежи Германии и Голландии, должен быть чисто пролетарским домом и под непосредственным руководством представителей от учредителей...

Межрабпом снабжает детский дом Либкнехта и Люксембург всем необходимым имуществом, и в достаточном количестве продуктами»,

Начало новой жизни

В своих воспоминаниях Лотта Пулевко рассказывает: «Когда я приехала, мои подруги как раз кончали перевозить маленькими крестьянскими тележками вещи для колонии. Разговаривать мы не могли ни с кем, так как не владели русским языком. Позднее нам дали переводчика.

Вновь прибывших детей мы повели в баню. После нее они были одеты в чистую одежду, которую я и Каролина приводили в порядок, подгоняя ее по росту...

Когда они уходили, каждый ребенок протягивал нам руку и с чувством глубокой благодарности говорил:

— Спасибо, до свидания.

Эти слова мы слышали много раз и вскоре могли их повторять. Значение их мы себе представляли приблизительно, но точного перевода не знали. Они существовали для нас вместе, и мы употребляли их всегда вместе, что иногда приводило к комическим ситуациям.

Так, к нам приехали товарищи из партийных и советских организаций города. Мы усадили их за стол. Мы ели, но беседа не клеилась. Мы много смеялись, но на вопросы не могли отвечать ни они, ни мы. Мы, конечно, понимали, что они хотят осмотреть колонию, и радовались этому.

У русских принято вставать после еды, протягивать руку хозяину и благодарить. Гости по очереди со словами «спасибо» пожали нам руку, а мы, разумеется, сказали «до свидания». Гости посмотрели друг на друга. Потом они стали одеваться, чтобы уйти. Теперь пришла наша очередь удивляться. Мы же хотели показать им колонию. Прошло некоторое время, прежде чем недоразумение выяснилось.

В своем отчете Центральному Комитету Международной рабочей помощи руководители детского дома сообщали:

«В березовой роще, на берегу большого озера, на расстоянии 6 верст от Челябинска, находится детская колония имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Ее содержит организация «Интернациональной помощи рабочим». В колонии 157 детей в возрасте от 4 до 16 лет. В колонии работают швейная, слесарная, столярная и сапожная мастерские. Каждой из них заведует мастер, который работает с детьми. Имеем свою собственную школу. У нас есть 9 учителей, которые и живут вместе с детьми. В колонии существует коммунистическая молодежная группа. К сожалению, у нас еще полностью отсутствует литература для молодежи. Наша молодежная группа находится в тесной связи с молодежной группой города...»

Время шло. Приближалась зима. Воспитанники вместе с воспитателями утепляли свои деревянные домики, оштукатуривали их глиной.

Начались учебные занятия, проводились праздники. Воспитанники колонии ходили в гости к ребятам из деревни Смолино. Обучение старались увязать с жизнью. Участвовали в «Празднике урожая...»

Мария Александровна Данилова (Ордынина) рассказывает: «Я преподавала арифметику и геометрию. Лотта хорошо лепила кукол. У нас получился настоящий кукольный театр. Я вела кружок вышивки. Штуббе открыла школу, в которой готовили для поступления в педучилище.

В детдоме было много детей разных национальностей: русские, татары, башкиры. Лотта мечтала создать из старших воспитанников сельскохозяйственную коммуну».

Судьбы людские

В 1925 году детский дом снова был передан в ведение губернского отдела народного образования. Все воспитанники получили по тому времени неплохое образование и специальности.

Воспитанница Роза Петровна Шпиц (Котчик) вспоминает: «В 1925 году детей, которым исполнилось 15 лет, начали направлять на работу. Нас перевезли в Челябинск и поселили в общежитие по улице Цвиллинга. На работу я пошла в аптеку. Сначала работала ученицей, потом меня послали учиться. В аптеке проработала в общей сложности 45 лет. Сейчас я на пенсии».

Клавдия Ивановна Чертыковцева пишет: «В 1925 году нас из Смолино перевели в Еткульский детский дом, где мы учились в школе крестьянской молодежи. После ее окончания меня и Семена Палашковича направили учиться в Красноуфимский сельскохозяйственный техникум. Шестинева Станислава направили на учебу в Пермский землеустроительный техникум, Лиза Нечаева, Надя Волосова, Вера Речинская поехали учиться в Челябинск.

После техникума я работала агрономом в Башкирии. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, значком «Отличник сельского хозяйства».

Мальчики — воспитанники детского дома — во время Великой Отечественной войны почти все ушли защищать Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Как же сложилась судьба организатора детского дома немецкой коммунистки товарища Лотты Пулевко?

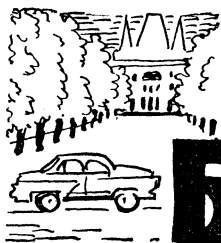
В 1925 году она вступила в ряды ВКП(б). Весной этого же года многие иностранные политэмигранты организовали недалеко от Кургана сельскохозяйственную коммуну. Лотта была членом правления этой коммуны и руководила скотным двором. В 1927 году она переехала в Алма-Ату, где работала преподавателем немецкого языка. Позже работала в Москве преподавателем

немецкого языка в Высшей школе профдвижения и в Комвузе журналистики.

Когда началась Великая Отечественная война, Лотта Пулевко эвакуировалась в Карагандинскую область. В 1946 году по вызову ЦК Компартии Германии она возвратилась на родину и включилась в работу Потсдамского окружного комитета Социалистической Единой Партии Германии... Она стала почетным гражданином ГДР. Заслуги ее отмечены орденом Клары Цеткин и другими правительственными наградами.

Скончалась Лотта Пулевко 6 ноября 1966 года.

В бывшей даче Гиммлера

Берлинская зима напоминает нашу уральскую осень. «Волга» летит по прямой асфальтированной дороге, обсаженной липами. Вот и Потсдам, где в пригороде Гельтове находится детский дом имени Лотты Пулевко.

Красивый парк, расцвеченный яркими красками. Здесь, на берегу большого озера, недалеко друг от друга расположены три двухэтажных коттеджа. В холле самой большой дачи висит большой портрет Лотты. Вместе с директором детского дома Штейглером, секретарем партийной организации Рейнгардом и директором школы Фолькнертом дружески беседуем за чашкой традици-

онного немецкого кофе. Я им рассказываю о нашем Смоленском детском доме, директором которого в 1922—1923 годы была Лотта Пулевко.

Примечательна история и детского дома в Гельтове. Еще гремели бои за Берлин, а наши советские войска, освобождавшие Потсдам, уже брали под охрану дворцы и дворцовые парки, как достояние культуры освобожденного немецкого народа. Среди них были и эти три дачи в пригороде Гельтов. Причем та, в которой мы беседовали за чашкой кофе, раньше была дачей палача Гиммлера. Здесь в первые послевоенные дни советская военная администрация и решила открыть детский дом для немецких детей-сирот. Часть их была переведена сюда из специального детского дома, в котором находились ребята казенных рабочих-антифашистов. Поместили сюда и осиротевших девочек и мальчиков, потерявших родителей во время войны.

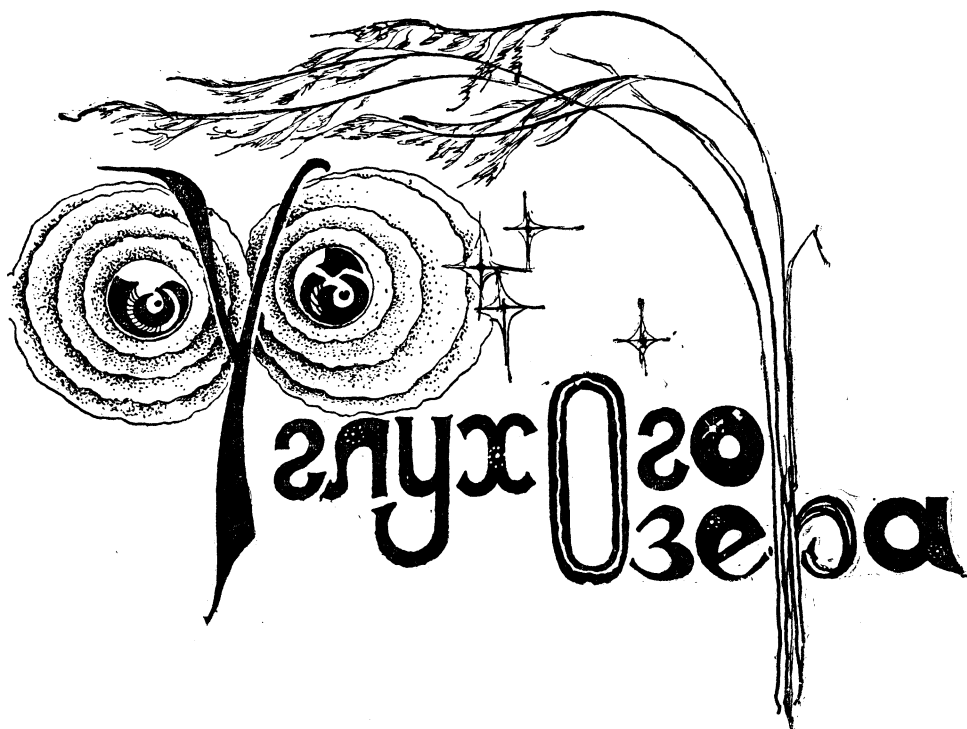
Прошло 26 лет. Первые воспитанники этого детского дома выросли, получили образование и трудятся ныне на народных предприятиях новой социалистической Германии.

О своих поисках мы рассказали на городской конференции научного общества учащихся Челябинска. Мы надеемся, что дружба челябинских и немецких ребят будет расти и крепнуть. Хорошо было бы, чтобы одна из школ-интернатов нашего города завязала постоянную связь с ребятами из детского дома имени Лотты Пулевко из Потсдама. И, может быть, неплохо было бы челябинской школе-интернату снова присвоить имя К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Дружба сильна своим постоянством. Интернациональная пролетарская дружба в особенности.

Следопыты школы № 10,
А. И. АЛЕКСАНДРОВ, заслуженный учитель
РСФСР,

*Научно-фантастический
рассказ*

Д. БИЛЕНКИН

Рисунки Е. Стерлиговой

Ничто, даже погода с утра, не предвещало перемен. Проснувшись, Сергеев откинул полог, и в палатку хлынул зеленый свет, бодрый, как само пробуждение. Там, за чеканной хвоей молодых елей, было солнце, был ветер, было озеро, прекрасный день до заката, до первой звезды в вечернем небе.

И это все принадлежало ему.

— С добрым утром и новой рыбалкой! — приветствовал Сергеева Ичин. Голый по пояс профессор сидел на корточках перед плоским камнем, держа в руке нож, которым нарезал хлеб. Дымок полупотухшего костра окуривал сзади спину профессора, по лицу скользили отраженные озером блики. Сергеев, насвистывая, сбежал к берегу, чтобы умыться.

— Знаете, чего не достаает в такое утро? — крикнул он не оборачиваясь. — Полетать перед завтраком. Как птица. Жаль, что это невозможно,

— Невозможного нет, — донесся до него голос профессора. — Полетаем без ничего, без машин то есть, еще как полетаем!

— Силой мысли, что ли? — Сергеев набрал в ладони воду и опустил в них лицо.

— Какая чушь! Иначе, совсем иначе! Хотите, объясню, как?

— Давайте, — согласился Сергеев. Он снова набрал воду и плеснул на уже нагретые плечи.

— Представьте, что у вас за спиной шарик, вроде детского...

— С водородом? Не поднимет, — Сергеев шагнул в глубину, и вода прохладным чулком стянула ногу.

— Классический пример инерции мысли! — услышал он. — Конечно, не поднимет. Но что есть водород? Рой протонов и электронов. Протон — тяжелая частица, так заменим ее! Вы можете вообра-

зить себе газ, построенный из легких частиц? Из одной сверхлегкой, наконец? Не сомневаюсь, такой газ нам со временем дадут химики. Вот тогда полетаем.

Сергеев только улыбнулся. Для спора ему не хватало знаний, да и зачем спорить, когда утро безоблачно, когда в озере гуляет рыба,— ишь, сколько кругов на поверхности! Наука, конечно, все может, и для полета она что-нибудь там создаст, разумеется, а пока поскорей бы закинуть удочку!

Их палатки стояли на берегу укромного озера уже третий день, и третий день они блаженствовали. Ни души вокруг. Поляны, расстилающие спелую чернику; кусты малины, клонящиеся под тяжестью сочных ягод; сосны, купанье и солнце, солнце!

Но прежде всего рыбная ловля.

Сергеев поспешил к камню, служившему столом. Они наскоро поели, а поев, тотчас устремились к лодке, будто их кто-то подгонял.

— А, черт,— беззлобно выругался Сергеев. Сталкивая лодку, он оступился, и нога глубоко ушла в черный ил.

— Почему нам так неприятна эта жижа? — вслух подумал он.— Интересно, у вас и на сей счет есть гипотеза?

— Разумеется! — тотчас откликнулся профессор. Он сидел на корме, обхватив колени, и рассеянно улыбался. Стекла его очков отражали небо.— В нас живет память тех предков, которые триста с лишним миллионов лет назад выбирались из моря на сушу. Они, вероятно, столько раз задыхались на топких берегах, что эти муки запечатлелись в инстинкте потомков...

— Ну, знаете! — Сергеев налег на весла.— Обычное объяснение, по-моему, куда верней. Мы не любим топь, потому что в ней опасность.

— Одно не противоречит другому,— миролюбиво согласился профессор.

— Поражаюсь вашей способности простое превращать в тайну,— пожал плечами Сергеев.— И очевидное объяснение подменять невероятным.

— А что мы знаем о простом и невероятном? — Профессору никак не удавалось насадить на крючок верткого червяка, и потому его ответ прозвучал чуточку раздраженно.— Вот, кажется, нацепить его — проще пареной репы... Ан, не идет! А вода под нами — это просто? Вода, которая в корнях деревьев имеет одну

структуру, а в листьях совсем другую? Вода, которая в глубинах земли превращается в кислоту? Вода, которая, будучи полностью очищенной от примесей, ведет себя совершенно не так, как эта озерная? А облака над нами? Прочитав несколько брошюрок, вы, очевидно, полагаете, что знаете про облака все. А я, к примеру, понятия не имею, отчего дождевое облако, извергая из себя тонны воды, сплошь и рядом не только не рассеивается, а наоборот, растет и набухает. И никто этого не знает. А!..

Последнее восклицание относилось к банке с червями, выскользнувшей из рук профессора. Банка была стеклянной, и она, естественно, треснула.

— У меня есть тесьма, свяжите,— сдерживая смех, сказал Сергеев.

— Вы правы,— добавил он после недолгого молчания.— И самое непонятное, почему мы, приехав сюда отдохнуть от умственной работы, с утра изощряемся в интеллектуальных разговорах вместо того, чтобы просто наслаждаться природой.

— Абсолютно понятно...

— Ш-ш... Приехали.

Нос лодки ткнулся в берег крохотной бухточки — плотный травянистый дерн, покоящийся на воде. На нем, однако, как-то ухитрялся расти куст черной ольхи. Глубина тут была порядочной. А чуть в стороне находился песчаный перекат, где любили гулять окуни. Сергеев заякорил лодку и поспешно размотал удочку. Профессор еще возился с банкой, и первым закачался поплавок Сергеева. Теперь в мире ничего не существовало, кроме этого настороженного поплавка, кроме длинного бамбукового удилица и капроновой лески, ушедшей в ту таинственную глубину, где ходили рыбы.

Поплавок слабо притопило. Сергеев слился с удочкой. «Ну, ну...» — торопил он.

Повело! Поплавок прыгал, то вставая торчком, то окунаясь, и у рыбака действовал только инстинкт, подсказывая, как надо поступить.

Поплавок рвануло в глубину. Сергеев подсек и, ликуя, ощутил сопротивляющуюся тяжесть. Еще мгновение — и над бортом заплесала всего-навсего плотва и не из крупных...

Сергеев торопливо отцепил крючок, кое-как поправил червя (когда клев, каждая секунда — невозвратимая, упущенная) и снова закинул.

— Одна есть! — торжествуя, прошептал он.

— А у меня не клюет,— огорченно признался профессор. Он буквально впился взглядом в поплавок.

Тщетно. Теперь перестало клевать и у Сергеева.

Сонная вода, сонный поплавок, сонный лес по берегам. На поплавок, сложив крылышки, уселась пучеглазая стрекоза. Значит, уж совсем безнадежно.

— Хоть бы вы, наука,— в сердцах сказал Сергеев,— придумали такую приман-

ку, чтоб рыба кидалась на нее, как бешеная.

— Можно,— подумав, ответил профессор,— можно, но не нужно.

— Почему?

— Во что тогда превратится ужение? В добычу. В дело. Где можно — не надо этого. Не всегда верх над природой означает выигрыш.

— Темно вы говорите, профессор.

— Куда ясней! Если бы в нашей власти было выловить всю рыбу из озера, сочли бы мы клев удачей? Давало бы уже-

ние азарт, радость, нетерпение? Вот то-то... Неисполнение желаний мы считаем злом. Но каким злом было бы мгновенное, всегдашнее исполнение любых наших желаний! Не задумывались над этим?

— Опасность удовлетворения всех желаний мне как-то ни разу не грозила. И пока этого не произошло, давайте-ка сменим место.

— Не возражаю.

На новом месте, у камышей, их удочки так же сонно поникли над ослепительной водой. Уж чего только не делал Сергей! И наживку менял, и поплавок шевелил, и забрасывал нарочито с шумом, и сыпал вокруг хлебные крошки,— глубины озера, казалось, вымерли.

Наконец, Сергеев демонстративно повернулся к удочкам спиной и полуулегся на носу лодки.

— Ведь ходит же! — пробурчал он, подставляя солнцу пятки.— Ходит, а не берет. Неужели она так сыта, что уж на свежего вкусного червя ей и глядеть тошно?

— А может, ей интересней сейчас созерцать,— спокойно заметил профессор.

— Как это, созерцать? Кого созерцать — червя?

— Хотя бы червя.

— Да зачем ей созерцать-то?

— А зачем животным спать?

— Как зачем? Ясно: для восстановления чего-то там...— Сергеев неопределенно покрутил пальцами в воздухе.

— А вам не приходило в голову, что сон — очень странное явление природы? Во сне животное практически беззащитно. С точки зрения борьбы за существование все преимущества получают бессонные, так сказать, виды. Почему же эволюция не пошла по этому пути? Ответ один: сон дает какие-то особые преимущества, которые перевешивают его очевидные неудобства. Значит, полное бездействие иногда выгоднее энергичного действия. Так почему бы рыбам время от времени не созерцать добычу вместо того, чтобы хватать ее?

— Уф! — Сергеев помотал головой.— Не могу понять вашей страсти к фантазированию. Иногда мне кажется, что вы просто шутите. Но чаще у меня впечатление, что все эти нелепицы вы говорите всерьез. Обычно в беспочвенном фантазировании упрекают нас, простых смертных. Но вы же ученый!

— Именно поэтому я и отношусь

всерьез к фантазированию. Не говорите только об этом моим трезвомыслящим коллегам — съедят.

— Но смысл? Какой в этом смысл?

— Для меня — огромный. Как бы это объяснить... Вы согласны с тем, что в бесконечной природе и число явлений и их разнообразие тоже бесконечны? И что в принципе возможно все, что не противоречит законам природы?

— Что ж, пожалуй...

— Хорошо. Теперь вопрос: как увидеть возможно большее число явлений? Ну, эксперимент — один путь... Пробовать так, пробовать эдак и смотреть, что получается. Есть и другой прием.

— Фантазирование?

— Называйте так. Но смысл здесь иной. Вы, вероятно, не обращали внимания на то, как вы ищете ягоды? А стоит обратить. Прежде всего вы, абсолютно бессознательно, вызываете в памяти образ нужной вам ягоды. Затем стараетесь увидеть образ в природе. И когда это происходит, с удивлением замечаете, что ягоды словно высыпали из-за укрытий.

— Ничего подобного! Допустим, иду я по дорожке, мимолетный взгляд в сторону — ага! — земляника.

— И тотчас обнаруживаете, что вокруг масса ягод. Но вид земляники вам известен заранее. А кто знает, как выглядит неоткрытое явление природы? Каков его, так сказать, образ? Заметьте, кстати, стоит кому-нибудь одному натолкнуться на новое явление — и сразу выясняется, что его можно наблюдать здесь, там, не в одном — в десятках случаев! Где же были глаза раньше? Они-то были, а вот узнавания не было... Что в таких ситуациях делать? Придумывать явления. Конструировать их облик, призвав на помощь знания, логику, воображение. И чем ближе к действительности окажется придуманный образ, тем легче обнаруживается само явление. Да, но не забывайте: разнообразие природы бесконечно! Собственно, получается так, что любому придуманному явлению, если оно не противоречит законам мироздания, должен найтись аналог в действительности.

— Очередной ваш парадокс,— Сергеев с тоской оглянулся на замершие поплавки.— Если б это было так, оправдывалась бы любая гипотеза.

— Вы правы, но причина здесь другая. Подавляющее большинство природных явлений мы обнаружить не можем,

74 просто потому, что у нас пока нет для этого подходящих глаз, то есть технических средств. И еще потому, что мы в основном ограничены Землей, где не может, естественно, проявиться все разнообразие природы. Но разве из-за этого надо сужать наши мысленные эксперименты? Если б у нас было не четыре, а четыреста удочек, мы бы наловили больше рыбы, это очевидно. Вот и я тоже стараюсь за-

пустить в неведомое как можно больше удочек. Авось, клюнет.

— Но уж больно вы любите парадоксы...

— А неизвестное и должно быть парадоксальным. Иначе какое же оно неизвестное?

— Ладно, тогда я тоже выдам вам парадокс. Хотите?

— Ну, ну?

— Вы шаманите, вызываете явления.
— Как? — Профессор стремительно подскочил, лодка заколыхалась.— Как вы сказали? Шаманю? А знаете, это близко к истине! В чем смысл многих табу древности? Не произносить имя злого духа! В убеждении, что слово материализует плоть. Мистика, конечно. Но древние смутно чувствовали в этом какую-то правоту, мы сейчас понимаем, какую. И «шаманим» уже по-научному. Спасибо за парадокс.

— На здоровье...

Сергеев рванулся так, что едва не перевернул лодку. Клевало! Вмиг были забыты глубокомысленные рассуждения, наука, профессор с его парадоксами,— клевало! Энергично, уверенно. Сергеев подсек и, дрожа от восторга, выбросил в лодку крупного окуня.

И тут началось! Брало тотчас, с налету, на любого червя, на огрызок червя, на видимость червя!

Профессору везло не меньше.

Они вернулись, когда голод стал нестерпимым. Все же Сергеев не вытерпел и, спрыгнув на мелководье, кинулся за раками, которые, оставляя за собой туманный след взбаламученного ила, торопились укрыться под корягами. Штук пять

удалось поймать. Побросав раков в ведро, он вытащил лодку на берег и стал разжигать костер.

После обеда оба легли в тень. Все было так хорошо, что лучшало и не желалось. Никаких забот. Прокаленные солнцем тела обдувал ветерок. Шумели сосны, важно покачивая кронами. Невесомые, как сны, облачка скользили в яркосинем небе. Много ли человеку надо?

Сергеев перевернулся на живот, положил голову на руки и лениво пошарил взглядом в траве. Сначала он ничего не разглядел в зеленом кружеве, потом изпод листочка подмигнула иссиня-черная ягода, одна, другая, третья... Кругом была пропасть черники, не надо было даже двигаться, стоило лишь протянуть руку. «А с ягодами профессор был прав»,— лениво подумал Сергеев, видя, как они выскакивают из тайных засад, словно притянутые взглядом.

Потом купались, снова ловили рыбу и снова удачно. Так прошел этот замечательный день.

Пужинали в сумерках. Закинув руки за голову, Сергеев снова растянулся на траве. Он равнодушно следил за тем, как в темнеющем небе наливаются звезды, как холодно, одиноко горят они среди

МОИ ДРУГ- ФАН- ТАС- ТИКА

НОВИНКИ

Дмитрий БИЛЕНКИН
НОЧЬ КОНТРАБАНДОЙ.

М., Изд-во «Молодая гвардия»,
1971, 206 стр.

Сборник рассказов о людях коммунистического общества, осваивающих космос, о борьбе светлых сил разума и прогресса с последними попытками реакции повернуть вспять движение человечества.

Геннадий ГОР
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕ-
СТИ И РАССКАЗЫ.

Л., Лениздат, 1970, 239 стр.

Кто он? Книгоноша или тот, кого уполномочила сама неизвестность?.. Так или иначе, но встреча с продавцом книг Се-режей Спиридоновым оборачи-

вается для героев повести «Минотавр» целью странных событий и одновременно — длительных размышлений об окружающем мире, о его изменчивой сущности.

Виталий МЕЛЕНТЬЕВ
ЧЕРНЫЙ СВЕТ.

М., Изд-во «Детская литерату-
ра», 1970, 222 стр.

Герои повести — два пяти-классника, подружившихся во время летних каникул. На берегу будущего водохранилища они обнаруживают инопланетный космический корабль, а в нем — удивительную машину, способную летать, ездить по суше, плавать по воде и под водой...

черных пустынь. Потом с ним произошло то, что бывает со всяким, кто долго всматривается в звездное небо: он почувствовал бесконечность. И тело вдруг сделалось легким, как будто плывущим в даль.

— Странно,— сказал он, с усилием перебарывая это ощущение.— Мой взгляд бродит там,— он показал рукой вверх.— Как я подумаю, что он встречается со взглядами тех разумных, что в это же время смотрят с других планет... Нет, не могу этого выразить. Но в этом есть что-то противоестественное: искать то, что существует, знать, что тебя тоже ищут и никогда не найдут, как и ты никого не найдешь...

— Откуда такой пессимизм? — отозвался Ичин.— Может быть, найдут. Или найдем.

— В этой бесконечности? Нет, очевидно, она непреодолима. Иначе бы те, что ушли в развитии далеко вперед, как-нибудь дали бы о себе знать. Но они не дают. Не могут или не хотят.

— Или просто ждут.

— Ждут? Чего?

— Понимания.

— Очередная парадоксальная гипотеза?

— На этот раз, увы, ничего парадоксального.

— Даже любопытно... Они что, следят за нашими мыслями, ждут, пока мы, так сказать, созреем для контактов?

— Примерно.

Сергеев хмыкнул, сел, театрально возвел руки к небу:

— О вы, жители сверкающего Канопуса, что бриллиантом горит меж ветвей, я, гомо сапиенс Сергеев, созрел для переговоров, откликнитесь!

Вечерняя тишина безмолвствовала.

— Не откликаются, черти,— уже обычным голосом сказал Сергеев и снова лег.— Молчат. Что, опроверг я вашу гипотезу? Кстати, она не нова.

— Опрометчиво судить о гипотезе, не познакомившись с ней.

— Так познакомьте. Время есть, отчего бы на сытый желудок не порассуждать о высоких материях?

Профессор не обиделся. Он сидел у костра, зачарованно глядя на огонь. За мысом, отражаясь в воде, горел другой костер, а подле него темным силуэтом сидел другой профессор. Было два костра, два профессора и два звездных неба, зеркально повторяющих друг друга.

— Заснули?

Георгий САДОВНИКОВ
ПРОДАВЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

М., Изд-во «Детская литература», 1970, 287 стр.

Веселая повесть о необычайном путешествии звездолета «Искатель». Четверо друзей — экипаж звездолета — попадают в самые невероятные ситуации: встречаются с космическим Робинзоном, пиратами, рыцарем и даже с Бабой-Ягой и ее родственниками, оказываются на планете Икс, где, наконец, находят то, что искали.

Медведь САРСЕКЕЕВ
СЕДЬМАЯ ВОЛНА.

Алма-Ата, Изд-во «Жазушы», 1970, 183 стр.

Талантливый изобретатель Шынтас мечтает о передаче электричества волной, без проводов, так, как передаются ра-

диостанциями музыка, речь. Он накануне важного открытия, когда начинается война с фашистами. Шынтас добровольцем уходит на фронт...

Николай ТОМАН
В СОЗВЕЗДИИ ТРАПЕЦИИ.

М., Изд-во «Советский писатель», 1970, 376 стр.

Основные действующие лица повести, давшей название всему сборнику, — артисты цирка. Используя фантастическое открытие антигравитации, они создают новый увлекательный аттракцион.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ
ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ.

М., Изд-во «Детская литература», 1971, 319 стр.

Молодой землянин, человек XXII века, попадает на неиз-

вестную планету. Космический корабль терпит крушение, и Максим оказывается один в совершенно чуждом ему, непонятном и враждебном мире. Множество необычайных приключений предстоит ему пережить, прежде чем он найдет друзей и определит свое место в этом странном мире.

Зиновий ЮРЬЕВ
РУКА КАССАНДРЫ.

М., Изд-во «Детская литература», 1970, 287 стр.

Александр Куроедов, наш современник, причудливым образом попадает в древнюю Трою. Став очевидцем осады города греками и зная из истории о коварной роли «дара данайцев» — знаменитого деревянного коня, он пытается вмешаться в происходящее. Однако спасти Трою ему не удастся...

— А? — очнулся профессор, и его отражение в воде качнулось. — Гипотеза? Их много. Вот самая банальная. Если цивилизация хочет найти во вселенной отклик, она использует все доступные ей виды поиска. Это так же несомненно, как и то, что при розыске нужного вам человека вы используете и телефон, и справочное бюро, и объявления. Отсюда, в частности, следует, что если кто-то посетил Землю миллионы лет назад, он скорей всего оставил нам «письмо до востребования».

Сергеев расхохотался.

— Чему вы смеетесь?

— Да ведь это... на деревню дедушке! И конверт, — где они сыщут вечный конверт? За миллионы лет рассыпаются горы; как сахар в кипятке, растворяются искусственные спутники. Какой сплав устоит против времени, какая точка Земли останется неизменной? Вот я и смеюсь.

— И зря. Материал, для которого миллионы и десятки миллионов лет ничто, — существует.

— Любопытно, любопытно...

— Это живое вещество.

Сергеев привстал. Он смотрел на профессора, на его пылающие отсветом костра очки.

— Вы это... серьезно? — шепотом спросил он.

— Не хотите верить, не надо, — раздраженно бросил профессор. — Неужели вы сами не видите этого!? — ударом палки он выбил из костра сноп искр. — Чем отличается современная латимерия от той, что жила восемьдесят миллионов лет назад? Ничем практически. Вот вам, пожалуйста, живое вещество, чья форма и организация устояла против времени. А скорпион, который отличается от своего предка, жившего триста пятьдесят миллионов лет назад, лишь размерами? Как их можно не замечать? Вот вам «вечные» конверты, надо лишь вложить в них письмо.

— Ничего себе — вложить, — смущенно пробормотал Сергеев. — Некоторые виды животных долговечны, согласен. Но все равно между сегодняшним скорпионом и древним — миллионы трупов, это вам не эстафета...

— Как раз эстафета. Эстафета наследственности, генетическая цепь, протянутая сквозь геологические эпохи. Вот вам для простоты такая чисто техническая задача. Прилетели пришельцы, огляделись — кру-

гом бродят динозавры, разум еще когда-то будет. Предположим, они в силах построить автоматизированный завод, который десятки миллионов лет будет изготавливать и рассылать во все концы планеты роботов, запрограммированных на изучение живой среды и на связь с разумом, когда он возникнет. Такой завод вы можете себе представить?

— Допустим, теоретически...

— Можете или нет?

— Могу.

— Так вот — пришельцам не нужно строить завод. Задача проще и легче: внести в генетические чертежи тех же скорпионов такие коррективы, чтобы эти существа стали живыми роботами. Будьте спокойны, уж если инопланетники смогли преодолеть межзвездные расстояния, то сделать такую операцию для них не слишком затруднительно. Что же получается? Бродят по земле животные, никакие они не пришельцы, только есть у них некие непонятные для ученых органы. Кстати, у скорпионов есть такие таинственные органы, да и не только у скорпионов! Разумеется, мы полагаем, что эти загадочные устройства зачем-то нужны животным, мы даже даем им объяснение. А если не так? А если это анализирующие устройства, встроенные десятки миллионов лет назад чужим разумом для сбора информации о Земле? А вдруг они вот сейчас анализируют нашу речь, наш язык, расшифровывают его и, может быть, даже готовятся нам ответить?

— Увау-у! — воскликнул Сергеев. — От ваших мыслей голова кружится хуже, чем от водки. Какое счастье, что всего этого на самом деле нет!

— Вы уверены?

— Понятное дело! Уверен ли я? Да ведь разум существует тысячелетия, и если ничего такого не произошло, значит...

— И молвил кот человеческим голосом: «Я к вам с приветом от братьев по разуму». А кота — в костер. За связь с дьяволом. Нет, контакт возможен, лишь когда другая сторона доросла до понимания его возможности и необходимости.

Профессор умолк.

Где-то печально крикнула ночная птица. Сергеев вздрогнул. Посвист крыльев пронесся над гладью озера, над дремлющими берегами, и все затихло.

— Пойти спать, что ли... — неуверенно 77
сказал он.

— Пожалуй,— нехотя согласился профессор.

Костер уже не потрескивал, лишь ало светились угли. Прохладный воздух был неподвижен. Над горизонтом спокойно и строго поблескивал Сириус.

— Хорошо...— вздохнул Сергеев.— Спокойной ночи.

Голова была ясной.

Он шагнул к палатке.

И услышал звук. Неразборчивое шипение, как от тупой иглы, скользящей по заезженной пластинке.

— Ш-ш-ш...

Звук треснул, сломался, и вдруг отчетливый голос наполнил ночь.

— Мы ждали долго, наконец, вы поняли нас, мы говорим, не пугайтесь, это поиск контакта сквозь время...

Профессор вскочил. Из-под ноги покатилась пустая манерка.

Голос плыл над лесом и над озером, казалось, он был везде, казалось, им говорила сама природа. И все же он был где-то рядом.

— Знаю! — закричал профессор.

Он выхватил фонарик. Растерянно метнулся луч, ткнулся в ведро, на дне которого копошились пойманные днём раки.

Это были все те же архаичные существа с бессмысленным взглядом выпученных глаз, с механическими движениями

клешней. Но голос, им не принадлежавший, шел оттуда, из-под панциря, и ведро усиливало его, как рупор.

— Наша цивилизация приветствует вас... Однако вас еще очень мало. Всего один человек... Мы подождем, пока вас, понимающих, станет больше... До встречи.

Ничто не изменилось в природе и изменилось все. Как будто дрогнули звезды. Как будто ветер колыхнул землю, озеро, ночь, и они поплыли неведомо куда. Привычные связи распались, и тщетно Сергеев боролся с охватившим его головокружением. Его, как пловца в водовороте, несло прочь от обжитых берегов. Перед ним открылись желанные дали, но он был слишком потрясен, чтобы радоваться им.

— Вы слышали?! — воскликнул Сергеев.

— Разумеется,— ответил профессор. Сергеев нагнулся над ведром. Раки шевелили усами, неуклюже переставляли клешни. Но Голоса больше не было. Лишь шорох панцирей в гулком ведре.

— Но кто поверит нам?!.. Нас примут за сумасшедших! — Глаза Сергеева блестя, руки дрожали.

— Пока, наверное, хорошо и то,— тихо ответил профессор,— что нас, понимающих, уже двое.

СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ЛЕДНИКЕ

Эта история произошла в горах Тянь-Шаня. Двое гляциологов — Б. Баклицкий и Е. Софиев — шли по леднику Абрамова. На четвертый день измученные холодом и глубоким снегом ученые дали сигнал бедствия. С ледника их сняли вертолетом. Однако, едва поднявшись в воздух, пилот вынужден был пойти на посадку — отказал задний винт. Помощи с воздуха ждать было бесполезно — погода в горах испортилась. И гляциологи, уложив документацию на волокушу, опять отправились в путешествие по леднику — на этот раз в сопровождении летчиков. Лишь к вечеру третьего дня обмороженные, вконец ослабевшие «путешественники поневоле» выбрались из снежного плена и, в буквальном смысле, свалились на голову изумленным чабанам совхоза «Арпатала».

ВТОРОЕ АМПУЛА КОНЮХА

Редакция одного парижского журнала устроила в конце прошлого века состязания между пешеходами, пообещав премию тому, кто раньше других придет из Парижа в Бельфор (расстояние между этими городами — 500 км). В состязаниях участвовало 800 человек. Первым, через 100 часов по выходе из Парижа, пришел в Бельфор некто Раможе, конюх по профессии. За четыре дня ходьбы он потерял в весе около 3,5 кг.

А ПЕТУХУ НЕ ПОВЕЗЛО...

5 июня 1783 года братья Этьен и Жозеф Монгольфье перед толпой изумленных граждан города Лиона запустили свой первый воздушный шар. Стоустая молва тотчас разнесла эту новость по всей Франции, и братья были вызваны в Версаль. Здесь, в присутствии короля и королевы, 19 сентября того же 1783 года совершилось первое в Европе поднятие на воздух живых существ: к шару была привязана корзина из ивовых прутьев, в которую посадили барана, петуха и утку.

Когда шар был найден опустившимся в окрестностях Венсенского леса, то оказалось, что баран спокойно щипал траву, утка чувствовала себя отлично и только петух расшиб себе голову.

ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ

В подборке «Серьезное с курьезным» (№ 1, 1971) мы рассказали о норвежце Эрнесте Мензене, совершившем в 1834 г. пеший переход из Парижа в Москву и проделавшем при этом 2500 верст за 14 дней 18 часов. Николай Анищенко (г. Дегтярск) спрашивает: «Не ошибка ли? Очень уж большое расстояние надо проходить в сутки...»

РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ

Ошибки здесь нет. Более того: после описанного нами перехода-пробега необыкновенный курьер вошел в такую моду, что европейские монархи наперебой стали приглашать его к себе на службу. В 1836 г., состоя на службе Ост-Индской компании, Мензен доставил депеши из Калькутты в Константинополь. Для этого нужно было пересечь всю Центральную Азию — пройти около 9000 верст. Мензен исполнил поручение в 59 дней.

Нам, людям XX века, века огромных скоростей, представляется невозможным без помощи техники одолевать изо дня в день 170 или даже 150 верст (верста — 1,0668 км). Между тем, это реально.

В человеческом организме скрыты богатейшие резервы. У обычных людей они иногда проявляются в критических, необычных ситуациях, — вспомним хотя бы о том греческом воине, который первым принес в древние Афины весть о победе над персами при Марафоне, безостановочно пробежав при этом 42 км 195 м. А Плиний, римский историк, рассказывает о мальчике, пробежавшем 110 верст за 12 часов...

Но существовали и существуют люди-феномены: путем систематических упражнений они искусственно приучают себя к длительным физическим нагрузкам, какими являются, в частности, бег, долгая ходьба. Из литературы известно, как

любили держать при себе скороходов турецкие султаны. Скороходы в старой Турции не только выполняли прямые свои обязанности курьеров; при выходе султана они бежали впереди кортежа, громко возглашая о торжественном событии, и одновременно проделывали на бегу всевозможные фокусы, прыгали, ходили на руках, вертелись колесом. Однако кормили их именно ноги, не знающие усталости ноги: утверждают, что опытный скороход в два дня успевал добраться до Адрианополя и вернуться домой, в Константинополь, хотя эти города отделены один от другого расстоянием около 320 верст.

Наш ходок, мы имеем в виду Мензена, пробегал значительно меньше. Впрочем, это естественно: в искусстве ходака быстрота стоит на втором плане, главное здесь — нечувствительность к усталости и длина пройденного пути.

Журнал «Природа и люди» (1890), из которого мы почерпнули данные о Мензене, упоминает, что крупным переходам норвежца предшествовало несколько менее продолжительных «прогулок». Это тоже понятно. Для длительного бега (или ходьбы) мало необычайно развитой мускулатуры: постоянными тренировками бегун должен развить у себя и безотказно работающую систему кровообращения, и достаточно мощные легкие. Кстати, действуя на дыхательную систему, бег влияет и на человеческий организм в целом, — это замечено еще отцами медицины Гиппократом, Галеном, Авиценной, — поэтому бег издавна рекомендовался как чуть ли не панацея, универсальное средство против всевозможных болезней. [Интересующихся отсылаем к недавно переизданной книге новозеландца Г. Гилмора «Бег ради жизни», М., изд-во «Физкультура и спорт», 1970].

Что же до больших расстояний, то помимо, так сказать, присяжных ходоков в самом недавнем прошлом существовала специальная профессия скромных пешеходов, регулярно совершавших довольно значительные путешествия.

Этими пешеходами были деревенские рассыльные. В дождь и снег, в холод и жару, словом — при самых неблагоприятных условиях такой рассыльный проходил в день от 20 до 25 верст, изо дня в день, в продолжение всей своей 25—30-летней службы. За год таким образом «набегало» 8—10 тысяч верст, за 4 года — расстояние, равное длине окружности земного шара. В течение своей жизни рассыльный успевал 6—8 раз «обойти вокруг света!» И если мы с некоторым удивлением вспоминаем сегодня не о них, этих незаметных героях, а о феноменах типа Мензена, то это только потому, что тут наиболее ярко проявились заложенные в человеческом организме резервы.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

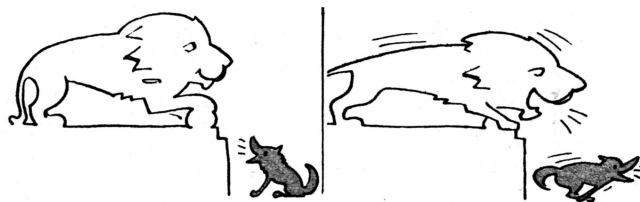
Корректор В. Бурангулова.

Подписано к печати 3/VI 1971 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,64.
НС 38008. Тираж 155 000 Цена 30 коп. Заказ 220.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40.

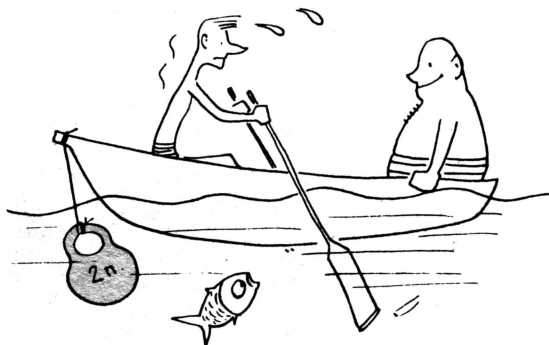
Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

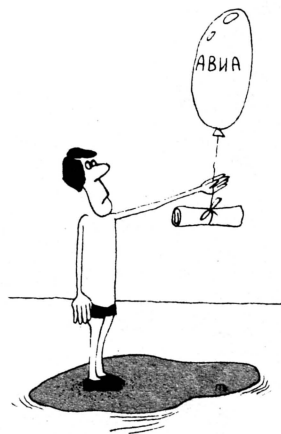
К началу грибного сезона

Есть предел всему

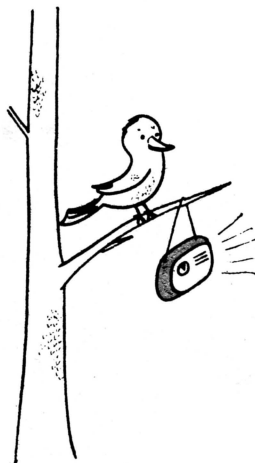
Мой дядя...

Без слов

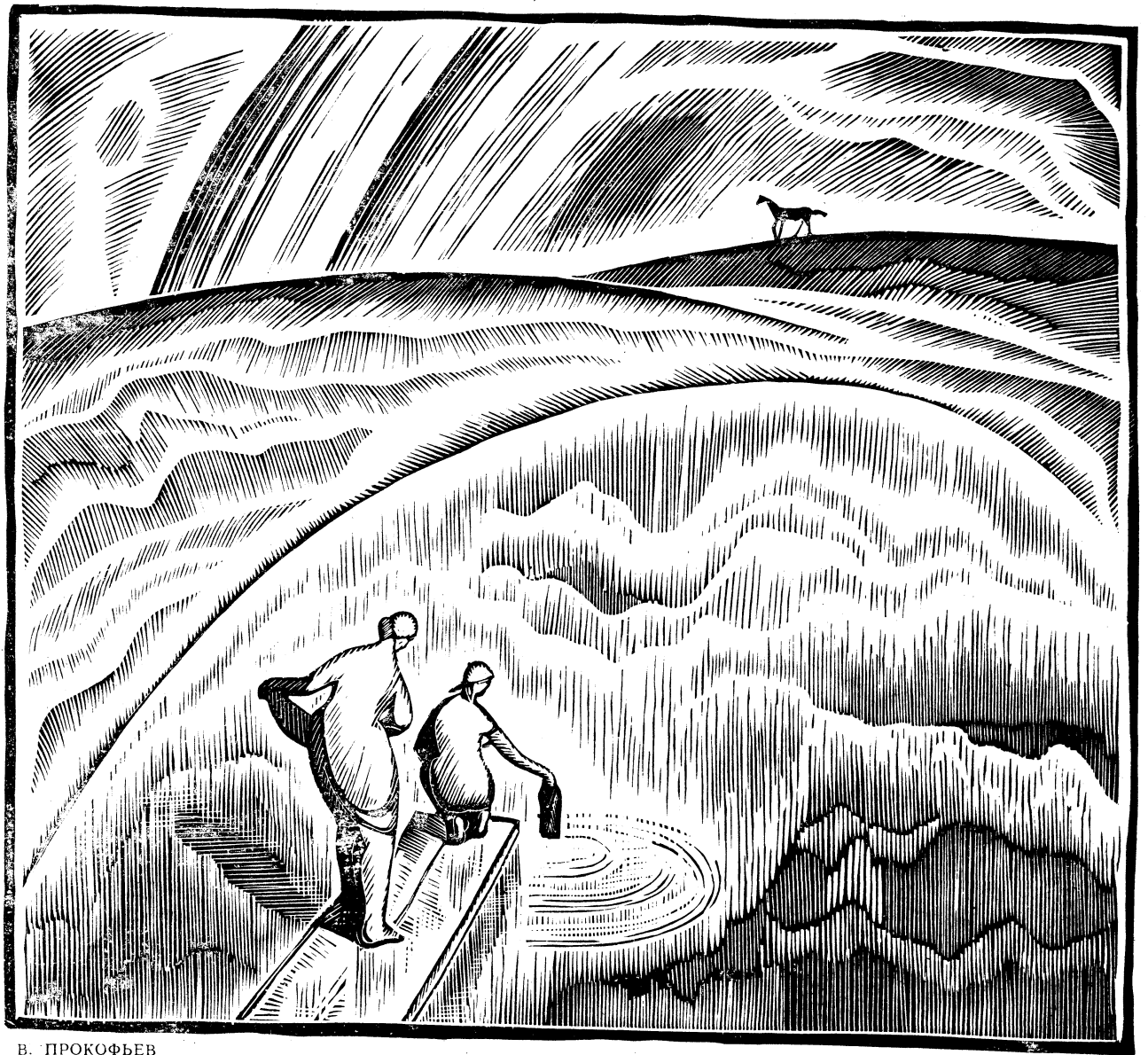

Без слов

Устал

Рисунки
В. Волкова, В. Тарасова,
П. Панычева, Л. Голубева
и А. Радвилавичуса.

В. ПРОКОФЬЕВ

РАДУГА

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора),
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный
секретарь), В. ШУСТОВ